МИНПЕЧАТИ И ПРЕССА: УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВЫХ, ПООЩРЕНИЕ ПОКОРНЫХ Стр.11

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

23 МАЯ 2000

Итоги

ВМЕСТЕ С Newsweek®

www.itogi.ru

Великое переселение народов

Стр.40-53

9 771027 396001

№ 21 (207)

Подписка на журнал **«Итоги»** принимается без ограничений по всей территории РФ. В розницу журнал распространяется в Москве и Московской обл., Санкт-Петербурге, Архангельске, Астрахани, Барнауле, Брянске, Владивостоке, Владимире, Волгограде, Вологде, Воронеже, Выборге, Екатеринбурге, Златоусте, Иванове, Ижевске, Иркутске, Казани, Калуге, Кинешме, Кирове, Костроме, Краснодаре, Красноярске, Мончегорске, Мурманске, Нерехте, Н.Новгороде, Н.Тагиле, Новгороде, Новокузнецке, Новосибирске, Обнинске, Омске, Оренбурге, Орле, Пензе, Петрозаводске, Перми, Пскове, Ростове, Ростове-на-Дону, Рыбинске, Рязани, Самаре, Саратове, Смоленске, Сочи, Ставрополе, Сыктывкаре, Тамбове, Твери, Томске, Туле, Тюмени, Ульяновске, Ухте, Хабаровске, Челябинске, Шуе, Элисте, Ярославле; в странах СНГ: **Азербайджане, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстане, Киргизии, Молдавии, Украине.** Журнал можно приобрести также в **Австрии, Великобритании, Венгрии, Германии, Италии, Испании, Польше, США, Финляндии, Швейцарии.**

ГЛАВНАЯ ТЕМА

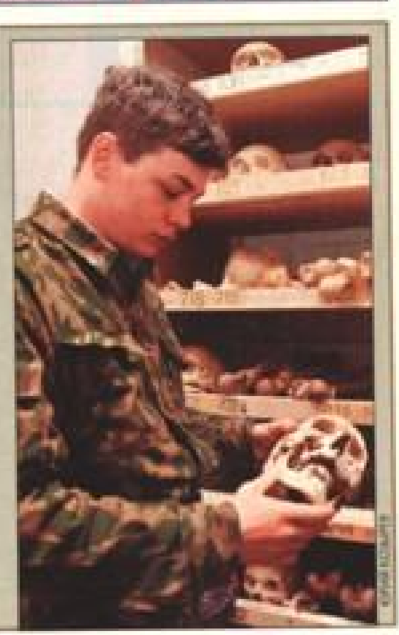

Осенью прошлого года появился на свет шестимиллиардный житель Земли. А население Индии недавно достигло одного миллиарда. Это символичный исход XX века, который запомнится не только научно-технической революцией и разрушительными войнами, но и рекордными темпами роста населения. **Демографический фактор совершает в жизни многих стран и народов настоящие революции Стр.40–53**

Либеральная экономика при авторитарной политике. Именно так формулируют в Кремле кредо нового российского президента. Федеральная власть намерена занять жесткую позицию во взаимоотношениях с оппозицией, регионами. И, разумеется, — с журналистами. Так что **кампания Министерства печати по укрощению строптивой прессы не случайная импровизация, а часть общей стратегии «наведения порядка в стране» Стр. 11**

Число людей — как чеченцев, так и российских военнослужащих, — пропавших во время проведения «антитеррористической операции» в Чечне, можно назвать катастрофическим. С российской стороны, во всяком случае, их количество уже достигло уровня первой чеченской войны. **Стр. 24**

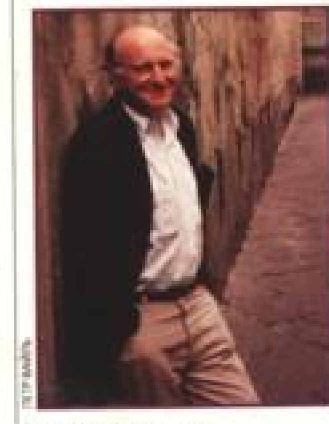

В РОССИИ **КОРРУПЦИЯ ПРИОБРЕТАЕТ СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР. СТР. 30**

О РУССКОМ СЮЖЕТЕ КАННА. СТР. 58

24 МАЯ **ИОСИФУ БРОДСКОМУ** ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 60 ЛЕТ. **СТР. 61**

На обложке фото FOTOBANK/SIPA

Выпьем и снова нальем

Эпоха, позже названная перестройкой, эпоха, закончившаяся тем, что советская власть накрылась-таки медным тазом, началась не просто с запрета, но запрета самого сакрального из всех возможных, запрета ниже пояса. Если о сталинском терроре говорили как об опыте по обезглавливанию нации и ее же обезручиванию, то «антипьяный» указ был попыткой (скорее всего бессознательной) ее кастрации. Для лишенного всех возможных прав советского человека стакан с портвейном служил универсальной анестезией, зыбкой связью с реальностью, последней надеждой, квадратиком неба синего и звездочкой вдали. Это было жирной точкой в череде бесконечных унижений. Последней каплей. Мой знакомый тогда говорил: «Теперь власть можно свергнуть силами одних только невооруженных пожилых евреев». Шутка была смешной, но казалась тогда чрезмерно эксцентричной. История показала, что не чрезмерно.

В серьезность указа никто поначалу не поверил. «Да ладно, — говорили, — что мы их не знаем, что ли? Поболтают и забудут...» Но нет, занялись со всей угрюмой серьезностью. Началось, как всегда, со средств массовой информации, когда из кинофильмов стали вырезать сцены с застольями. Потом стали закрываться винные отделы. Потом появились знаменитые винные очереди. Помните? А две пустые бутылки, стыдливо позвякивавшие в портфеле, не забыли? А талоны («Март — водка, апрель — водка»)? Забыли? Зря. Я помню, как на Таганской площади стояла палатка, где с раннего утра в любую погоду жаждущее население поправлялось пивком. Все было не сразу. Сначала под вывеской «Пиво» все чаще и чаще стало появляться существенное уточнение «Пива нет». Но когда в один прекрасный день под вывеской «Квас» возникло сообщение, что «Кваса нет», все поняли, что всё, свершилось.

О тех временах как-то невесело вспоминать. Как-то мутно. Неизвестно, что было противнее — физическое отсутствие выпивки или бодрые интонации разного уровня начальства, на полном серьезе пытавшегося культивировать «трезвый образ жизни». Чем больше читали или слушали этой ублюдочной ахинеи, тем мучительнее хотелось выпить.

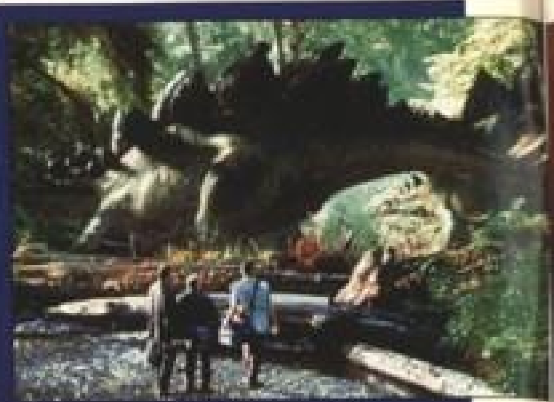
Понятное дело, обогащался фольклор. Сколько было анекдотов про самогоноварение. Про пресловутые «безалкогольные свадьбы». Но как-то было не смешно. Не смешно и теперь. Особенно когда я вспоминаю о том, какими способами мне пришлось добывать несколько бутылок водки на поминки по моей матери.

Впрочем, хватит о грустном. Главное, что мы победили. Не подчинились, не сложили оружие. Мы добывали и доставали. Они гнали нас, а мы гнали самогон. Боже, каким Санта-Клаусом смотрелся тот, кто входил в наш дом и таинственно расстегивал сумку. Какие были праздники! Нечасто, но ведь были же.

Мы не очень-то любим юбилейных жанров. Как-то так сложилось. Но этот, сыгравший до такой степени судьбоносную роль как в нашей общей жизни, так и в жизни каждого из нас, не обойдешь ни с какой стороны. Пятнадцать лет прошло, а как вспомнишь, так вздрогнешь. Ладно — юбилей так юбилей. Поэтому сядем, нальем да и выпьем, как это принято среди нормальных людей, к каковым мы себя, безусловно, причисляем. Ура. ■ **Лев Рубинштейн**

Норвежская Золушка

Мать-одиночка, чей муж отбывает тюремный срок за наркотики, может стать будущей королевой Норвегии. Марит Тьессем Хойби или просто Метте — так зовут бывшую официантку, к которой, по его собственному признанию, неравнодушен 26-летний кронпринц Хаакон. Принц и Метте-Марит уже живут вместе по нескольку дней в неделю, в квартире кронпринца в Осло. С ними же находится и 3-летний сын Метте Мариус. Такой поворот событий вряд ли понравился бы прапрапрабабушке Хаакона британской королеве Виктории. Однако большинство норвежцев роман, похоже, нисколько не смущает. Да им и не привыкать: еще в 1968 году отец Хаакона, король Харальд, поправ исторические традиции, женился на простолюдинке — нынешней королеве Соне. В одном из редких интервью в октябре прошлого года король заявил, что не собирается ничего навязывать ни своему сыну, ни дочери Марте-Луизе: «Они должны сами выбрать себе спутника жизни». Премьер-министр страны Енс Столтенберг также за свободу выбора: «Кронпринц говорит, что его отношения — вопрос частной жизни. Я с этим согласен».

Сам себе Спилберг

Компания «Лего» совместно с известным кинорежиссером Стивеном Спилбергом выпустила игрушку, позволяющую детям самостоятельно делать кино. В набор стоимостью 179 долларов 99 центов входят: цифровая кинокамера, которая подсоединяется к компьютеру, «леговские» домики, машинки, фигурки пожарных, динозавров и прочей живности, а также «библиотека звуковых эффектов» (от криков разъяренного тиранозавра до мяукания котенка), пособие по изготовлению трюков и программное обеспечение, позволяющее посылать по электронной почте друзьям то, что получилось. Игрушка поступит в продажу в ноябре, а с будущего января желающие смогут купить дополнительные наборы (стоимостью от 70 до 199 долларов), но уже без камеры и монтажного программного обеспечения. «Лего» — вторая фирма, которой великий Спилберг позволил использовать свое имя. В 1996 году этой чести была удостоена компания «Майкрософт», которая выпустила CD-ROM «Режиссерское кресло Спилберга».

Беги, Роберт, беги

Жизнь 33-летнего британца Роберта Гарсайда никак нельзя назвать спокойной: за последние три с половиной года в него стреляли в России, пытались ограбить в Пакистане, сажали в тюрьму по подозрению в шпионаже в Китае. А все потому, что Роберт хочет стать первым человеком, обежавшим весь земной шар. Гарсайд стартовал 7 декабря 1996 года с лондонской Пикадилли-Серкус и к настоящему моменту преодолел 32 тысячи километров, оставив позади уже 25 стран. В сентябре 1998 года, пересекая Западную Австралию, Роберт побил прежний мировой рекорд: теперь его пробег — самый длинный в истории. Серьезным препятствием на пути к успеху стала для бегуна гражданская война в Колумбии. Пробежав 25 километров по стране, где «все в военной форме и с автоматами», Роберт решил вернуться в Венесуэлу. Но несмотря на это, данный этап ему засчитали, так как он пробежал всю Южную Америку с юга на север и был в Чили, Аргентине, Уругвае, Бразилии и Венесуэле. Сейчас Гарсайд готовится перелететь в Панаму, на очереди Центральная Америка, Мексика и, наконец, США, куда Роберт планирует прибыть 4 июля — в День независимости. ■

«ДЖЕТ БРОНЗ» — ЭТО ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ МОЖЕТ ЖДАТЬ, ПОКА СОЛНЦЕ ПОКРОЕТ ЕГО, А СКОРЕЕ, ЕЕ КОЖУ ЗАГАРОМ. **СПРЕЙ В БАЛЛОНЕ, СОЕДИНЕННОМ С КОМПРЕССОРОМ, ЗА НЕСКОЛЬКО СЕКУНД ПРЕВРАТИТ ВАС В «ВЕТЕРАНА ПЛЯЖНОГО ДВИЖЕНИЯ».** МОДА НА «ДЖЕТ БРОНЗ», КОТОРЫЙ НЕ ПРЕПЯТСТВУЕТ ЕСТЕСТВЕННОМУ ЗАГАРУ, СОДЕРЖИТ ВИТАМИНЫ А И Е И КОКОСОВОЕ МАСЛО, БЫСТРО РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ ПО ПОБЕРЕЖЬЮ БРАЗИЛИИ. В ЭТОЙ ЖАРКОЙ СТРАНЕ, ГДЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЛУЧИ ВОЗДЕЙСТВУЮТ НЕ СТОЛЬКО НА КОЖУ, СКОЛЬКО НА ВООБРАЖЕНИЕ, ЗАГОРЕЛЫЕ КРАСАВИЦЫ ИМЕЮТ ВСЕ ШАНСЫ ПОКОРИТЬ ЛЮБОЕ МУЖСКОЕ СЕРДЦЕ

Свежесть только первая

На прошлой неделе во Франции вступили в силу новые для стран Европейского союза гигиенические нормы уличной торговли. Например, рыбу теперь можно продавать с лотка, только если ее температура не выше +2 градусов по Цельсию, температура мяса и сыра не должна превышать четырех градусов, а остальных молочных продуктов — восьми. То есть эти продукты теперь можно продавать только из холодильника. Кроме того, открытые рынки — а их во Франции множество — должны быть в обязательном порядке оборудованы водопроводом, электричеством и канализацией. Торговцы, естественно, недовольны: введение этих правил означает для них дополнительные и весьма существенные расходы. Они уже создали движение «Спасем наши рынки», которое набирает силу буквально с каждым днем. ■

Музей в стиле рок-н-ролл

Архитектор Фрэнк Гери, автор знаменитого здания музея Гуггенхейма в Бильбао, очень гордится своим последним сооружением — музеем Experience Music Project (EMP) в Сиэтле. В нем разместится крупнейшая в мире коллекция гитар и интерактивный музыкальный центр. Важно то, что создавался проект не на бумаге, а виртуально. «Без компьютеров здания бы не было», —

подчеркнул Гери. Заказчиком интерактивного музея был один из основателей компании Microsoft Пол Аллен, который выделил 100 млн. долларов. Силуэт здания и цвета, выбранные для его интерьеров, должны напоминать о рок-н-ролле. В окнах фасада прочитывается форма гитары, а синие тона ассоциируются с «гитарой Фендера» — первой электрогитарой, запатентованной в 1956 году. По словам архитектора, «работу над таким проектом можно сравнить с состоянием влюбленности».

Хвост и булочка едины

Что общего имеют штрудель, ухо и хвост обезьяны? Этими словами в разных языках называют знак, который мы именуем «собакой» (@). Карен Чан из тайваньского Национального университета составил список терминов, изобретенных разными культурами для обозначения @. На китайском его называют мышкой, по-датски — слоновьим хвостом, по голландски — обезьяньим хвостом, по-венгерски — червяком, в арабском, немецком и турецком для него выбрали слово «ухо», на иврите — штрудель, в шведском — булочка с корицей, на сербском — сумасшедшее «а». ■

Поединок закончился стриптизом

Для японского сумоиста Асанокири схватка с соперником закончилась двойной неудачей. Он не просто проиграл ее, но и опозорился перед всей страной, и все — из-за неудачно намотанной набедренной повязки (маваши). Она сползла с него в самый неподходящий момент, предоставив телеоператорам, ведшим репортаж с турнира, возможность показать чуть ли не крупным планом то, что обычно принято скрывать от публики. Покрасневшему гиганту тут же засчитали поражение. Согласно правилу, принятому в японской ассоциации сумо, маваши должны быть закреплены очень тщательно, чтобы ни при каких обстоятельствах не открывать интимные места спортсмена. За 83 года существования этого правила такое случилось впервые. ■

Опечатка вкралась в камень

Только после того как 830 тысяч человек прокатились на лондонском «Колесе тысячелетия», один из посетителей заметил, что в стихотворении английского поэта Уильяма Вордсворта «Сонет, написанный на Вестминстерском мосту 3 сентября 1803 года», которое выбито при входе, допущена ошибка: 13-я и 14-я строки стихотворения слились, что лишило их всякого смысла. По словам куратора проекта Джейми Боудена, это недоразумение будет незамедлительно исправлено. Колесо обозрения уже стало неотъемлемой частью лондонского пейзажа. Каждый день его посещают 16 тысяч человек, и, хотя проект был рассчитан всего на пять лет, судя по всему, колесо останется в Лондоне надолго.

Надежды страждущих питают

Насколько реалистичны российские граждане в своих ожиданиях всеобщего благоденствия, которое должно наступить после избрания нового президента? Если судить по опросу, проведенному ВЦИОМ (общенациональная репрезентативная выборка, 1600 респондентов), надежды вполне радужные: почти половина опрошенных ожидают положительных изменений в ближайшее время — от полугода до трех лет. Вот как распределились ответы на вопрос:

Через какое время станут заметны положительные изменения в стране при новом президенте?
(Ответы даны в процентах)

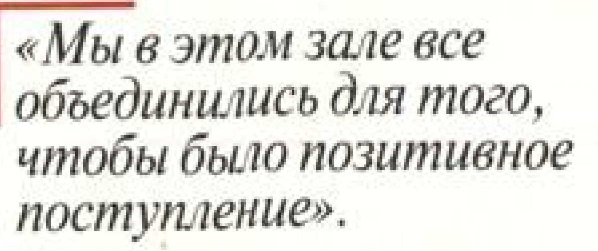
СРАЗУ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ **4**
ЧЕРЕЗ ПОЛГОДА **12**
ЧЕРЕЗ ГОД **19**
ЧЕРЕЗ 2-3 ГОДА **20**
ДЛЯ ЭТОГО ПОТРЕБУЕТСЯ БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ **18**
ВРЯД ЛИ ЭТО ПРОИЗОЙДЕТ ПРИ ЭТОМ ПРЕЗИДЕНТЕ **11**
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ **16**

По информации «Итогов», REUTER, Newsweek, AFP, AP
ФОТО REUTER, AP, EPA, EAST NEWS/GAMMA, Р. Ямалова

«Российское государство и до сих пор направлено дружественно, миролюбиво и никому не причинит зла в ближайшее время»

Владимир Валуев, заместитель командующего Балтийским флотом

«Чечня оказалась единственной, кто не подписал Союзный договор, Чечня оказалась единственной, кто не подписал договор с Россией. И сегодня вы что, хотите, чтобы Чечня оказалась единственной, кто не войдет в «Единство»? Это как какой-то злой рок».

Николай Кошман

«Солдаты питаются три раза, но ровно в таких условиях, в которых можно организовать это питание в боевых условиях. Это не классика питания в мирных условиях, это очень тяжелая ситуация. Хватает ребятам? Конечно, не хватает! И поэтому они ждут и гуманитарную помощь, и подарки, и все другие вещи».

Владислав Путилин, начальник Главного организационно-мобилизационного управления Генштаба ВС РФ

«Я шарил в бюджете Ленинградской области — действительно денег нет».

Александр Невзоров, депутат Госдумы

«Дети вот этих стариков воюют в Чечне, воюют не хуже. Смотрите — значит, заложена была нормальная структура».

Владимир Савченко, глава города Фрязино Московской области, о ветеранах

«Мы в этом зале все объединились для того, чтобы было позитивное поступление».

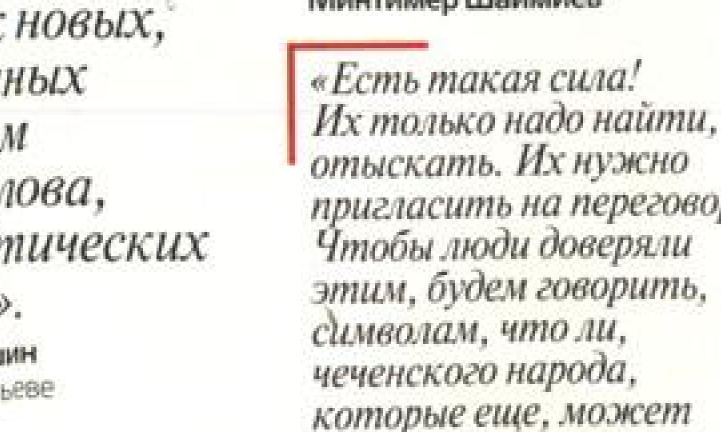
«Мы с вами вот здесь сидим, но мы же не вечные! Вместо нас где-то через двадцать лет кто-то вот здесь будет сидеть. А вот кто сидеть будет и как сидеть будет?»

«Можно и убедить, и доказать, и развернуть какую-то программу в каком-то плане в этом направлении, потому что цель у нас одна».

Геннадий Райков, лидер депутатской группы «Народный депутат»

«Человек новых, современных в хорошем смысле слова, демократических взглядов».

Сергей Степашин об Игоре Артемьеве

«Мы знаем многие страны, вокруг которых вообще никакой энергетики нет! А Минтопэнерго есть! И почему его не должно быть?!»

Виктор Черномырдин

«Это те же представители президента, но более укрупненные».

Минтимер Шаймиев

«Есть такая сила! Их только надо найти, отыскать. Их нужно пригласить на переговоры. Чтобы люди доверяли этим, будем говорить, символам, что ли, чеченского народа, которые еще, может быть, неизвестны в истории».

Геннадий Трошев

«Общее мое впечатление очень конструктивное... что меня радует и порождает к такому большему единению с Государственной думой».

Михаил Касьянов

Слушал и записывал **Вова Белозерцев**

1000 ЛЕТ ОЗАРЕНИЙ

Пена минувшего

Сергей Иванов

Древние не знали мыла – они натирались маслом с какими-то неизвестными добавками, а потом соскребали его с себя. Знаменитые римские бани были напрочь лишены мочалок и пены. Плиний Старший с недоверчивой брезгливостью пишет о том, что «варвары» галлы изготовляют странное пеномоющее средство из золы для придания блеска волосам. Между тем эта жидкость имела и своих последователей — например, про императора VII века Константа II было известно, что он, чудак, пользовался «галльским мылом».

Заново мыло изобрели арабы, для которых многократные ежедневные омовения были религиозным долгом. «Отец алхимии» Габир ибн Хайен в конце VIII века придумал, как сделать его твердым: он использовал известь, поташ, козий жир, оливковое масло, золу морских водорослей.

От испанских мусульман секрет узнали и христиане, создавшие свое «кастильское мыло», первое твердое мыло в Европе. Оно практически не экспортировалось и изготовлялось лишь для нужд местной аристократии.

В 1123 году Венецианская республика обзавелась владениями на Ближнем Востоке и наладила вывоз оттуда колониальных товаров, в том числе и мыла; а уже вскоре после 1200 года венецианцы научились производить собственный товар, для которого использовали лишь сирийскую золу от особых кустарников с высоким содержанием соды. В XIII веке у Венеции появился конкурент — Марсель. Но республика Св. Марка триумфально победила в этой борьбе. Ее преимуществом стала массовость производства и активная экспортная политика. Уже во второй четверти XIII века венецианское мыло перешагнуло через Альпы и стало расползаться по Европе. В начале XIV века продукт приобрел известную нам форму брикета с выдавленными на нем буквами и символами. Постепенно мыло стало главным предметом экспорта — в 1501 году Венеция вывезла целых 480 центнеров.

Во второй половине XV века свершилась великая революция в области мужской внешности: была придумана пена для бритья. Сам этот процесс из болезненного превратился в приятный и освежающий, а у мужчины впервые в истории человечества появилась возможность обзавестись гладким лицом. Щетина стала не столько неизбежностью, сколько культурным выбором. Для женщин в тот же период начали производить целый букет ароматизированных сортов мыла: розовое, гвоздичное, майорановое, лавандовое, мускусное. Среди аристократов появляется мода ходить умытым. Например, трактат «Книга об украшении женщины» советует даме мыть лицо с мылом каждый день. В инвентаре феодалов появляется такая неслыханная раньше вещь, как умывальник. Распространяется поверье, что правильно мыть руки перед едой и после уборной. Наконец, в XV веке возникает новое увлечение — заводить прачек и стирать одежду с мылом.

Но все эти революционные изменения касались лишь видимых частей тела. Мыться с мылом целиком или стирать с мылом нижнее белье казалось бессмысленным переведением дорогого продукта. Достаточно духов! Что же касается паразитов, коими кишела пышная одежда аристократов, то это никак не связывалось с телесной грязью. Вплоть до Нового Времени господствовало убеждение, что насекомые заводятся от нравственной, а не от физической нечистоплотности. ■

ВСТРЕЧИ

Марь Иванна

Николай Александров

Борис Петрович (БП), мой школьный учитель математики, человек ядовитый, темпераментный и экспрессивный, объясняя что-нибудь новое, говорил очень быстро, столь же быстро писал на доске и почти с той же скоростью стирал написанное, освобождая место следующим рядам формул. Делал он это, конечно, не без умысла. Помимо того, что БП преследовал конкретную цель — успеть до звонка, — он рассчитывал, что ученики все старательно спишут с доски в тетрадь. Никто (за исключением нескольких вундеркиндов), разумеется, и не думал что-нибудь понять. Впрочем, БП это не слишком заботило, и он то и дело повторял: «Пишите, дома разберетесь».

Он вообще любил вставлять в язык математической абракадабры различные присловья и афоризмы. Например, ближе к концу стремительного изложения нового материала БП говорил: «Звучит финал, и Бобик сдох!» При этом, как правило, финал звучал несколько раз (звонок с урока, в частности), а Бобик никак не сдыхал, то есть объяснения продолжались и в темпе уже просто умопомрачительном.

Именно БП впервые познакомил нас с Марь Иванной. Когда отвечающий у доски делал ошибку в какой-нибудь ерунде (вроде умножения дробей), БП, усмехаясь, замечал: «Ну ты даешь, старик! Вспомни, чему тебя Марь Иванна учила...»

Марь Иванна представлялась тучноватой и недалекой менторшей, энциклопедией тривиальных сведений и знаний, которые по существу превращаются в механические навыки и автоматические реакции. Это было, так сказать, обозначение нижнего уровня, за (или под) которым начинается идиотизм. Марь Иванна и выступала этаким стражем нижнего порога. И, конечно, не только математического.

Шли годы, милые черты Марь Иванны благополучно рассеивались. Я и не чаял встретиться с нею. Однако году в 1988—1989-м, записывая то ли для первой, то ли для третьей программы радио какую-то передачку (вполне школьную) о поэтах пушкинской плеяды, я вновь повстречался с этим персонажем. Редактор, прочтя мой наверняка далекий от совершенства, но абсолютно невинный текст, с доброжелательной горечью сказала: «Надо попроще, Марь Иванна не поймет».

Слышать это было забавно. Со школьных лет я усвоил, что Марь Иванна и не должна этого понимать. У нее просто роль другая. Она спасает — в меру своих сил — несчастных недорослей от темноты невежества и бездны идиотизма и так погружена в это занятие, что не только начала математического анализа, но и вообще что-либо выходящее за пределы начальной школы — вместить ей не под силу. На кой черт ей Веневитинов?!

Нет, ничего не хочу сказать, Марь Иванна достойна всяческого уважения, но для чего наделять ее такими полномочиями? Ведь на самом деле в Марь Иванну превращалось само радио, а аудитория низводилась до уровня тупиц, которых не то что квадратный корень смущает, но даже десятичная дробь повергает в мучительную задумчивость и раздражение.

Зачем же так плохо думать о слушателях, считать их заведомо глупее себя, всех стричь под гребенку Марь Иванны?

Эпоха либерализации, перестройки и прочей гласности отодвинула Марь Иванну на второй план. О ней почти забыли. Потребителям словесной и визуальной арифметики с увлечением предлагали Набокова, Борхеса, Гринуэя и другую высшую математику. Однако вскоре стало казаться, что «благие мысли и труды» пропали даром. Зазвучали «старые песни о главном». Марь Иванна вновь пошла в ход.

Быть свидетелем ее возвращения мне бы не хотелось.

Может быть, все-таки аудитория не так глупа (или не вся аудитория так глупа) и способна к пониманию?

А ученикам Марь Иванны можно сказать: «Пишите, дома разберетесь!» ■

Ярмарка злословия

Гонения на «Медиа-МОСТ» помогли коллегам по журналистскому сообществу ближе узнать друг друга

Сергей Пархоменко

РЕМЕСЛО

Полторы недели, минувшие со дня проведения российской федеральной властью дурацкой (но злобной) психической атаки на компанию «Медиа-МОСТ» с участием сборной команды штурмовых групп и спецназов нескольких силовых ведомств, оказались для нас временем весьма любопытных наблюдений. На наших глазах прошли особого рода публичные показательные выступления многочисленного отряда чиновников федерального уровня, принужденных с большим или меньшим энтузиазмом комментировать результаты этой акции устрашения, демонстрируя при этом большую или меньшую склонность к фантастическим преувеличениям, подтасовкам и лицемерию. В отдельном павильоне этой всероссийской ярмарки злословия состязалась группа добровольцев, набранная властью, а также конкурентами мостовского медиа-холдинга, специально для сего случая из числа многоуважаемых коллег по журналистскому цеху. Общими усилиями навалили они за десять дней, надо отметить, довольно много. Не имея в наличии достаточного запаса противогазов, клеенчатых фартуков и резиновых перчаток, воздержимся от сортировки наваленной ими кучи на тематические фракции различной консистенции и от выборки из нее стилистических конкреций различной формы. Отметим только некоторые самородки, даже на изрядном расстоянии привлекающие взгляд характерным влажным поблескиванием.

Хорошо смотрелся в этот раз, к примеру, «опорный» политический обозреватель «Известий» Евгений Крутиков. Скандал вокруг «Медиа-МОСТа» побудил его выступить с большой передовой статьей о необходимости укрепления корпоративной морали в журналистской среде, о пользе установления непреложных «правил честной игры» в информационном сообществе. По всей вероятности, эта тема была Евгением Крутиковым глубоко, всесторонне продумана и осмыслена. Очевидно, Евгений Крутиков горячо и искренне переживал на сей счет все те три года, что минули со дня, когда он был уволен из журнала «Итоги» в связи с признанием неизлечимой его склонности компенсировать в своих текстах недостаток информации полностью вымышленными сведениями, а отсутствие источников — многозначительными ссылками на никогда не существовавших в природе «хорошо информированных собеседников, пожелавших остаться неизвестными». И от этих переживаний, как видно, его не отвлекло даже последовавшее несколькими месяцами позже увольнение из газеты «Сегодня» по аналогичным мотивам.

Однако что это мы так сосредоточились на «Известиях»? Наш беглый обзор остался бы вопиюще неполным, а оценки — несправедливыми, если бы мы не обратили внимание на по-своему виртуозный номер Виталия Третьякова, главного редактора «Независимой газеты». Виталий Товиевич, по традиции, выступает вне конкурса и в особой весовой категории: недосягаемо авторитетного политического ментора, безраздельно владеющего газетой, «наделившей себя миссией хранительницы и верховного арбитра моральности отечественной журналистики» (правда, г-н Третьяков отчего-то приписывает такую миссию совсем другому изданию, «Общей газете», хотя многие годы беззаветно борется за присвоение этого почетного звания именно «НГ»).

В том, как г-н Третьяков исполняет свою произвольную программу, как всегда, поражают два качества, неизменно присущих автору: трудолюбие и готовность, отрабатывая свои деньги, выложиться полностью, без остатка. Нехитрую мысль, которую владелец Виталия Третьякова и его газеты Борис Березовский обозначает парой легких, отрывистых фраз, редактор «НГ» облекает в форму аж двух огромных, тяжеловесных текстов в своем излюбленном жанре аналитической записки, добросовестно размеченной на строго иерархизированные главки, параграфы, пункты и подпункты. «Есть те, которые поняли, что происходит, и те, которые не поняли. Большинство поняло. Не поняла группа «МОСТ»... «МОСТ» будет. Но будет какое-то перераспределение собственности...» — бросает Борис Абрамович в интервью «Ведомостям» нынешней весной. А теперь Виталий Товиевич аккуратно подхватывает и трудолюбиво, как муравей дохлую гусеницу, тащит со строчки на строчку, с абзаца на абзац своего анализа, наполненного ровно бубнящей заклинающей интонацией: «Исходя из сказанного, ясно, что акция устрашения против «Медиа-МОСТа» имела целью не затыкание рта журналистам НТВ или газеты «Сегодня», а одну из следующих целей (или их все в какой-то комбинации):

— принуждение руководства группы «МОСТ» к отказу от деятельности, прямо направленной, по мнению власти, против отдельных государственных структур, госчиновников и государственной политики вообще;

— принуждение к отделению медиа-империи «МОСТа» от других составляющих этой империи;

— принуждение Владимира Гусинского к выезду из России, с тем чтобы вывести его из состава активных участников игры на российском политическом поле;

— принуждение Гусинского к отказу от контрольных пакетов акций СМИ, входящих в его олигополию, дабы информация, получаемая Гусинским, не транслировалась на всю страну его СМИ, сохраняющими для многих репутацию независимых...»

Виталий Третьяков аккуратно перекладывает свои параграфы многочисленными заверениями в том, что является человеком, «никак не причастным к «налету» и не оправдывающим его», а между тем как-то само-собой выходит, что статьи его становятся ни чем иным как частью этой же самой «акции устрашения», заключительной стадией операции. Точнее, не операции, а лишь очередного ее этапа, поскольку продолжение, несомненно, следует. Ведь «налет» был бы бессмысленным, если бы кто-то не взял на себя эту гнусную работу: хладнокровно, подробно, по пунктам объяснить объекту нападения за что, собственно, его лупят. Если бы кто-то не уселся переводить на демонстративно академичный язык «отстраненного» политического анализа все ту же хамскую фразу, которую все чаще приходится слышать и лидерам мостовской корпорации, и редакторам ее изданий, и ее ведущим журналистам: «Вы — валите отсюдова, а оставшихся мелких ваших мы, так и быть, не тронем. Чемодан — вагон — Израиль!»

Главный редактор «Независимой» еще аккуратнее вставляет свое блестящее аналитическое перо, словно ржавую стамеску, в шов, по которому, как казалось и прочим исполнителям, и организаторам травли, можно расколоть мостовскую корпорацию. Журналисты «Медиа-МОСТа», указывает он, «поставлены перед выбором: либо они будут служить своей олигополии, если она не смирится, либо нет. Вопрос в том, осознают ли журналисты данной олигополии этот выбор и уверены ли они в правоте своей олигополии. Выбор каждый делает сам». Главному редактору «НГ», очевидно, очень странно наблюдать за тем, что корпоративная солидарность в «МОСТе» оказалась столь прочной, что отколоть от компании не только целые издания, но хотя бы отдельных журналистов так и не удается: давят, давят, а сбежало-то всего два-три человека.

Виталий Товиевич, наверное, очень удивляется. Ведь его опыт подсказывает совсем другое. Ведь ему приходится жить внутри «олигополии» (чтобы ни означал этот новомодный термин), которая в отличие — в принципиальнейшее отличие! — от холдинга «Медиа-МОСТ», считает свою деятельность в области информации лишь вспомогательным инструментом, оснасткой, помогающей с большим размахом и комфортом работать в сферах основного бизнеса. И именно поэтому, кстати, — сколько бы г-н Третьяков ни делал вид, что не понимает этого, — в пору атак примаковского правительства на административные структуры и охранные подразделения Березовского издания «МОСТа» писали вовсе не об угрозе свободе слова, а об опасности для основных бизнесов «березовой» империи: бизнеса нефтяного, авиационного, автомобильного и проч. Ведь он точно помнит: журналисты имеют обыкновение уходить от своих боссов чуть ли не целыми редакциями. И еще помнит: те, которые остались, объединяются с теми, которых набрали взамен ушедших, и устраивают бунт против отца-основателя, доведшего свою газету до разорения, а персонал — до нищеты. И помнит: от бунта приходится удирать на далекий греческий остров Андипарос и там дожидаться, пока прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете и бесплатно даст бойцов принадлежащего ему охранного агентства «Атолл», которые, вооружившись помповыми ружьями, помогут отцу-основателю очистить редакцию от его собственных журналистов. С лета 1995 года, когда все это приключилось с ним, Виталий Товиевич Третьяков помнит, как оно бывает. Так ведь и мы помним.

Не заводите глаза, Виталий Товиевич. Хоть теперь не заводите. Зря вы ввязались в этот грязный спорт. Оценка вам за выступление, конечно, высшая — «шесть-ноль». Но ведь и перемазались с головы до ног. ■

Пережимая каналы

ЗАСЛУГИ ВЛАДЕЛЬЦА КАНАЛА ОРТ БОРИСА БЕРЕЗОВСКОГО И ЕГО ГЛАВНОГО ПРОПАГАНДИСТА СЕРГЕЯ ДОРЕНКО ПЕРЕД КРЕМЛЕМ И ЛИЧНО ВЛАДИМИРОМ ПУТИНЫМ СЛОЖНО ПЕРЕОЦЕНИТЬ. ПОТОМУ ЗА БУДУЩЕЕ КОМПАНИИ НЕ ПРИХОДИТСЯ БЕСПОКОИТЬСЯ. ОРТ, БЕЗ СОМНЕНИЯ, ВЫИГРАЕТ КОНКУРС

Кампания Минпечати по укрощению прессы не импровизация, а часть общей стратегии «наведения порядка в стране»

Дмитрий Пинскер

ПЕРСПЕКТИВА

Либеральная экономика при авторитарной политике. Именно так формулируют в Кремле кредо нового российского президента. При попытке уточнить, чему все-таки суждено быть авторитарным — политике или власти — и предполагается ли закавычивать слово «авторитарный», — кремлевские обитатели недоуменно вскидывают брови, а если вопрошающий продолжает упорствовать и пытается что-то говорить про букву и тем более дух Конституции, бросают ему страшное обвинение в принадлежности к «рефлексирующей интеллигенции», готовой, «цепляясь за детали и мелочи, дискредитировать и обесценить цельную идею». Авторитарной, судя по отдельным репликам чинов администрации, должна быть вся внутренняя политика. Федеральная власть намерена занять жесткую позицию во взаимоотношениях с оппозицией, регионами. И, несомненно, — с прессой.

Никто, упаси боже, не произносит слова «цензура». Но при этом все уверены, что поскольку Кремль должен управлять правительством, депутатами, губернаторами и мэрами крупных городов, то, конечно же, он не может оставить без должного надзора и журналистов.

У каждого своя свобода

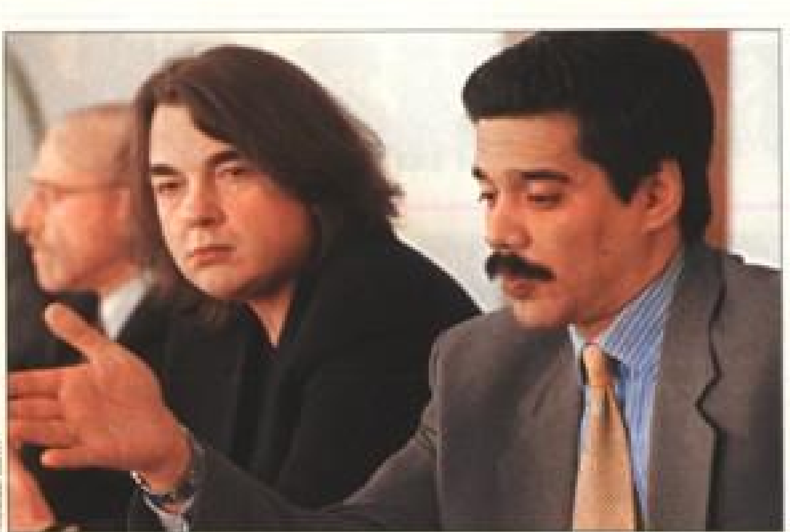
За последнее десятилетие пресса привыкла к тому положению, которое сами журналисты именуют свободой, а чиновники — «безответственностью».

«Сегодня формируется новая позиция. И я боюсь, что некоторые СМИ могут превратиться в некое подобие сварливых жен, — рассуждает в беседе с корреспондентом «Итогов» министр печати Михаил Лесин, ответственный за реализацию новой государственной политики в информационной сфере. — Меняется политическая обстановка. Меняются вещи, к которым средства массовой информации привыкли. Исчезают многие привычные темы. Все принимает более или менее стабильные формы. Сокращается спрос на политическое лоббирование, а потому изменяется и система финансирования. И в этой ситуации неизбежно возникает опасность остаться невостребованными. Многим придется теперь жить на собственные деньги. Некоторым, конечно, в том, что происходит, мерещатся нападки на свободу слова».

Тысячи две упомянутых Михаилом Юрьевичем «некоторых» аккурат в момент нашей беседы митинговали на Пушкинской площади в Москве, метрах в двухстах от здания министерства. Редакторы газет, и известные политики, в том числе лидеры двух думских фракций — СПС и «Яблоко», произносили горячие речи в защиту свободы слова от нападок государства. На вопрос «Итогов», не смущает ли министра тот факт, что за десять лет правления Бориса Ельцина подобного не случалось, а уже на десятый день после официального вступления в должность Владимира Путина на «Пушку» потянулись ветераны митингов перестроечной поры, господин Лесин только пренебрежительно отмахивается: «Ну и что?» И, выдержав продолжительную паузу, раздраженно бросает: «Прежде чем проводить митинг, я бы попросил привести мне хотя бы один пример ограничения свободы слова, или угрозы ограничения свободы слова, или введения цензуры. Хоть один пример. Что, прекратило работу НТВ или «Эхо Москвы», журнал «Итоги» не выходит? Как этот митинг связан с деятельностью президента? Как деятельность департамента службы безопасности «Моста» связана с деятельностью президента? О чем вы говорите!».

Говорим действительно о пустяках.

Говорим о недавнем рейде вооруженного спецназа в масках в офисы холдинга «Медиа-Мост», который невозможно трактовать иначе как давление на крупнейшую независимую медиа-корпо-

ОРТ ОСТАЕТСЯ В ЭФИРЕ. И СЕГОДНЯ В КРЕМЛЕ РЕШАЮТ УЖЕ ДРУГОЙ ВОПРОС: СОХРАНИТЬ ЛИ НА ПОСТУ ГЕНДИРЕКТОРА КОМПАНИИ **КОНСТАНТИНА ЭРНСТА** (СЛЕВА) ИЛИ ВЕРНУТЬ НА ПРЕЖНЕЕ МЕСТО **ИГОРЯ ШАБДУРАСУЛОВА.** ДЛИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ ФАВОРИТОМ КОНКУРСНОЙ ГОНКИ ЗА ПРАВО ВЕЩАТЬ НА ТРЕТЬЕМ КАНАЛЕ СЧИТАЛАСЬ ТЕЛЕКОМПАНИЯ РЕН-ТВ **ИРЕНЫ ЛЕСНЕВСКОЙ** (НИЖНЕЕ ФОТО). ОДНАКО БЛИЖЕ К ФИНИШУ В ТЕЛЕВИЗИОННОЙ СРЕДЕ ЗАГОВОРИЛИ О ТОМ, ЧТО МИНПЕЧАТИ АКТИВНО ЛОББИРУЕТ ИНТЕРЕСЫ ДРУГОГО ПРЕТЕНДЕНТА — КОМПАНИИ «ВИД». ВПРОЧЕМ, КАК УТВЕРЖДАЕТ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ ТВЦ **АЛЕКСАНДР НЕХОРОШЕВ,** РУКОВОДСТВО КАНАЛА В СЛУЧАЕ ПОРАЖЕНИЯ НА КОНКУРСЕ БУДЕТ СУДИТЬСЯ С МИНПЕЧАТИ ДО ПОСЛЕДНЕГО

рацию; о попытках если не обанкротить, то по крайней мере истощить ее финансы (как это было в случае с требованием вернуть кредит «Внешэкономбанка» до истечения твердо оговоренного срока); наконец, о вполне откровенных высказываниях высших чиновников кремлевского аппарата относительно того, что информационная империя «Моста» — системный враг власти, который должен быть изведен.

Мы говорим о предупреждениях, которые щедро раздает Минпечати газетам, опубликовавшим интервью с Масхадовым (в котором тот отнюдь не призывал к войне и не обвинял российские войска в каких-нибудь чудовищных злодеяниях, а говорил о готовности вести переговоры с Москвой). Предупреждения были слабо аргументированными. Ссылалось министерство на закон о борьбе с терроризмом, но тот дает право ограничивать распространение той или иной информации лишь коменданту зоны проведения антитеррористической операции и только непосредственно в зоне ее проведения. Зона проведения операции в Чечне не определена вовсе. Но министерство это не смущает — оно отправляет предупреждение и «подвешивает» издание, которое отныне будет действовать особенно осторожно, поскольку после второго предостережения может начаться процедура закрытия издания. Причем, как с удовлетворением отметил Михаил Лесин, «не министерство принимает решение о закрытии, оно лишь направляет обращение в суд».

Мы говорим, наконец, об аресте корреспондента радио «Свобода» Андрея Бабицкого и последовавших безобразных акциях ФСБ — странном обмене, освобождении, новом аресте журналиста и предъявлении ему очевидно надуманных обвинений. Скандал вроде бы утих, но чиновники Минпечати продолжают выражать недовольство тем, как радиостанция освещает события в Чечне, проговариваясь при этом и о замыслах приструнить вообще всех иностранных журналистов. «Россия сейчас является беззащитной перед лицом присутствия иностранных учредителей и иностранных СМИ на территории России, — заявил на прошлой неделе замминистра Андрей Романченко.— А у Министерства печати и государства нет рычагов влияния на эти СМИ».

Стремясь замять скандал, другой замминистра Михаил Сеславинский попытался весьма своеобразно апеллировать к мировому опыту: «Невозможно себе представить ситуацию, чтобы в Вашингтоне существовала радиостанция «Маяк», которая вещала бы на английском языке, рассказывала бы об общественнно-политической ситуации в США и критиковала бы внутреннюю и внешнюю политику администрации Клинтона».

Сеславинскому с удовлетворением принялись вторить и в Думе. «Раз в России вещают «Свобода», Би-би-си и «Голос Америки», было бы хорошо, если бы при этом российские радиостанции, например «Маяк» или «Радио России», имели возможность работать, скажем, в Вашингтоне или Лондоне», — вполне серьезно заявил журналистам председатель думского комитета по информационной политике Константин Ветров. И тут же сообщил, что уже рассматриваются поправки к закону о СМИ, предлагающие лицензировать вещание в России западных телерадиокомпаний на паритетной основе.

В этой связи возникает лишь один вопрос: а что мешает российскому правительству, не дожидаясь никаких законов, основать в Вашингтоне свою радиостанцию и пропагандировать свои идеи из Америки на Америку на английском языке? Возможно, мешает отсутствие средств и достаточного количества профессионалов, способных выдерживать жесткую конкуренцию. А может быть, привычка, оставшаяся с советских времен, рассматривать «голоса» как стратегическое оружие. Оттуда, видимо, и безумные идеи о каком-то паритете.

Впрочем, куда менее абсурдное, с точки зрения реализации, но потому куда более опасное, заявление сделал руководитель пресс-службы Минпечати Юрий Акиньшин: «Закон о печати был принят 10 лет назад. Он является одним из самых либеральных законов в мире, и в некоторых вопросах требуется корректировка положений закона».

Обо всем этом мы говорим сейчас, когда действительно еще никого не закрыли и не отключили от эфира, потому что когда, не дай бог, это произойдет, говорить будет поздно. Некому и негде.

Два канала — два подхода

Обвиняя журналистов, само министерство отнюдь не обнаруживает должного уважения к букве закона. Подтверждение тому — конкурс на право вещать на первом частотном телеканале на всю страну и на третьем — на Москву и область. История, которая должна завершиться на этой неделе, дает достаточные основания для обвинения власти в стремлении ввести принудительное единомыслие в эфире и на печатных страницах.

«Наша задача — и мы все для этого сделали — создать равные условия для всех участников конкурса. Я сам не знаю, кто выиграет, и у меня на сегодняшний день, как у министра нет предпочтений», — настаивает Михаил Лесин.

Однако даже невооруженным глазом видно различие в подходах к нынешним держателям частот ОРТ и ТВЦ. ОРТ наказывали для виду и его частоту выставили на конкурс скорее для проформы. С ТВЦ борются всерьез, и это неизбежное следствие поражения Юрия Лужкова в политических баталиях минувшего года.

Помощь, которую оказал первый канал Кремлю в период выборов, трудно переоценить. И потому почти никто не сомневался в том, что, несмотря на два предупреждения Минпечати и крайне тяжелое финансовое положение, Общественное российское телевидение останется на «первой кнопке». Единственное, что ►

► омрачает грядущий триумф компании, — необходимость внести «обязательный взнос», то есть заплатить в случае победы за право работать на заветной частоте тридцать миллионов долларов. «Откуда у нас такие деньги», — жалился один из руководителей компании.

Ситуация с ТВЦ принципиально иная. В Кремле не скрывали своего желания закрепить политическое превосходство над московским мэром. И даже после того, как Владимир Путин продемонстрировал готовность замириться с Юрием Лужковым, от чиновников разного уровня, обитающих и в Кремле, и на Старой площади, доводилось неоднократно слышать одну и ту же фразу: «Политическое решение принято — канал у Лужкова будет отобран».

В отличие от ОРТ, руководители ТВЦ оспорили в суде те два предупреждения министерства, которые дали основания Федеральной конкурсной комиссии не продлевать лицензию на вещание, а выставить частоту на конкурс. Одно было вынесено на основании решения Центризбиркома, зафиксировавшего необъективность политобозревателей телекомпании по отношению к участникам парламентской избирательной гонки; другое телеканал получил за несвоевременное уведомление властей о смене юридического адреса. «Мы отбились в обоих случаях, и основания для проведения конкурса отсутствуют, — заявил «Итогам» вице-президент ТВЦ Александр Нехорошев. — Но Михаил Лесин предпочитает вести игру в неправовом поле».

«Суд лишь признал, что предупреждения не были оформлены надлежащим образом. Но суд не отменил нарушение законодательства, — утверждает Михаил Лесин. — На основе зафиксированных нарушений действующего законодательства было принято решение о конкурсе». Впрочем, глава Минпечати, видимо, понимает шаткость такого основания: «Кроме этих предупреждений, есть другие факты нарушения законодательства. Почему вы все уперлись в эти предупреждения? У нас есть еще три письма в адрес ТВЦ. Мы о них всегда говорили. Это у вас в памяти отложились только два этих предупреждения». Беда, однако, что другие предписания «не отложились» не только в памяти журналистов, но и в экспедиции телеканала и в приемных его руководителей.

В СРЕДУ 17 МАЯ СОСТОЯЛСЯ МИТИНГ В ЗАЩИТУ СВОБОДЫ СЛОВА ОТ ПРОИЗВОЛА ВЛАСТЕЙ. ПО ОФИЦИАЛЬНЫМ ДАННЫМ, НА ПУШКИНСКОЙ ПЛОЩАДИ СОБРАЛОСЬ ДО ДВУХ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК. **РЕАКЦИЯ МИНИСТРА ПЕЧАТИ ЛЕСИНА НА МАССОВУЮ АКЦИЮ БЫЛА ПРЕДЕЛЬНО ЛАКОНИЧНОЙ: «НУ И ЧТО?»**

Объявляя конкурс, Минпечати по существу и не скрывало истинные мотивы своего решения. «Мы создаем поливариантность, мы открываем возможности для прихода в город другим вещателям, которые не зависят от столичного руководства», — пояснял еще в марте в интервью «Итогам» первый замминистра Михаил Сеславинский.

Министр Лесин выдвигает и другие аргументы в пользу освобождения московского информационного поля от ТВЦ: «Их бюджет — 30 миллионов долларов в год. Доход от рекламы около 5 миллионов. Остальное дотации. Без городских денег ТВЦ должен был бы обанкротиться, закрыться и частота была бы свободна. В этой связи мы не можем говорить, что канал ТВЦ абсолютно независимое СМИ».

На Тверской, 13 рассказывают, что в ходе личной встречи с Юрием Лужковым в кафе «Пушкин» Михаил Лесин предлагал компромисс: ТВЦ остается в эфире, но управлять каналом будут его, Лесина, люди. Мэр отказался. Тогда, как рассказывают хорошо осведомленные телевизионщики, министр стал протежировать «ВИДу», одному из трех конкурентов «ТВ-Центра». И на прошлой неделе большая часть наблюдателей и практически все участники конкурса предсказывали победу именно этой компании. «Их лоббируют очень сильно и на всех уровнях. За ними и деньги стоят такие, какие нам и не снились», — заметил «Итогам» один из участников.

Впрочем, от борьбы за «третью» кнопку лужковская команда отказываться не собирается. «Если арбитражный суд признает конкурс неправомерным (ровно такое решение и вынес Московский арбитражный суд в минувшую пятницу, спустя два дня после нашего разговора. — **«Итоги»**), а конкурс все равно состоится и мы его не выиграем — мы будет оспаривать его результаты и наверняка одержим вверх», — замечает Александр Нехорошев.

«Я бы рекомендовал ТВЦ больше заниматься своей профессиональной деятельностью. Это все-таки телекомпания, а не юридическая контора», — резко реагирует на реплику соперников в заочном диалоге министр Лесин.

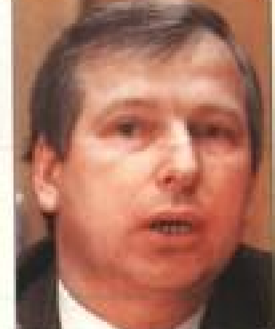
Любит — не любит

В конце декабря прошлого года тогда еще только премьер-министр Владимир Путин собрал сотрудников своего аппарата и аккредитованных в Белом доме журналистов, чтобы поздравить всех с наступающим Новым годом. Чокаясь с последними и буравя их холодным взором, Владимир Владимирович вдруг изрек: «Помните — никто вас не любит... Кроме меня». От любви до ненависти, впрочем, только один шаг. И усмирение «ТВ-Центра», надо полагать, только первый эпизод из большого сериала «Укрощение строптивых».

Минпечати, преисполненое решимости и дальше внимательно следить за соблюдением законов средствами массовой информации, карать за нарушения, видимо, будет избирательно. Покорных и полезных власти будут лишь журить, а вот строптивым пощады ждать не следует. Более того, министерство не намерено ограничиваться одним надзором и готовит поправки в закон о свободе печати. Михаил Лесин утверждает, что они не носят запретительного характера, но лиха беда начало.

В прежние годы существовала твердая уверенность, что президент Ельцин не допустит никаких законодательных ограничений свободы слова. Для Бориса Николаевича она была вроде священной коровы. Владимир Владимирович уже успел неоднократно продемонстрировать, что ему чужды нормы индуистского толка. Как истинный христианин он будет в отношениях с ближними руководствоваться заповедями любви. Может быть, даже создаст для этого специальное министерство. ■

Семь шестерок в одной колоде

Президентские наместники могут превратиться в защитников интересов подвластных им губернаторов

Александр Гольц

ВЕРТИКАЛЬ

В осемнадцатого мая Владимир Путин назначил полномочных представителей президента во все семь федеральных округов: в Приволжский — Сергея Кириенко, в Сибирский — Леонида Драчевского, в Северо-Кавказский — Виктора Казанцева, в Северо-Западный — Виктора Черкесова, в Уральский — Петра Латышева, в Центральный — Георгия Полтавченко, в Дальневосточный — Константина Пуликовского.

Команда, призванная проводить политику Центра в регионах, что априори требует известного дипломатического и административного таланта, а также определенного политического веса, производит, мягко говоря, странное впечатление. В этой великолепной семерке лишь двое гражданских. И только один из них, лидер фракции «Союза правых сил» экс-премьер Сергей Кириенко, может считаться политиком федерального масштаба. Что до бывшего министра по делам СНГ Леонида Драчевского, то этот перешедший в дипломаты спортивный функционер — фигура ничем не примечательная.

Остальные пятеро — генералы. Виктор Казанцев до недавнего времени командовал Объединенной группировкой в Чечне. Константин Пуликовский руководил российскими войсками в первую чеченскую войну и прославился тем, что летом 1996 года, когда боевики захватили Грозный, потребовал, чтобы все жители покинули город за 48 часов, пообещав по истечении этого срока не оставить от столицы мятежной республики камня на камне. Виктор Черкесов, в советские времена прославившийся преследованием диссидентов, и Георгий Полтавченко — кадровые чекисты. Петр Латышев — бывший заместитель министра внутренних дел.

На первый взгляд это попытка придать вновь выстраиваемой «исполнительной вертикали» чисто армейский характер. В силовых министерствах циркулируют слухи, что все их региональные структуры: управления ФСБ, МВД, округа внутренних войск и пограничные округа — будут прямо подчинены президентским представителям. Военное ведомство тоже пребывает в некотором замешательстве, так как неизвестно, какова будет степень подчиненности командования военных округов президентским наместникам.

Если силовики попадут под начало представителей, окажутся серьезно урезаны полномочия не только губернаторов, но и свежеутвержденных глав силовых ведомств — ведь любая военная структура строится на принципах единоначалия. В этом случае административная вертикаль превратится в известную ельцинскую загогулину и об эффективном управлении как гражданскими, так и военными структурами можно будет забыть. Этого не могут не понимать чиновники, готовившие указы.

Так что скорее всего путинским генерал-наместникам силовиков в подчинение не отдадут. Между тем никем другим, в силу весьма специфического административного опыта, они командовать не могут. Легко предположить, во что выльются попытки генерал-наместников «разработать программы социально-экономического развития территорий» и «организовать взаимодействие федеральных органов исполнительной власти с органами государственной власти субъектов Российской Федерации».

Столь странным назначениям есть только одно разумное объяснение: президент просто подыскивает «теплые места» людям, перед которыми он по тем или иным причинам чувствует себя обязанным. Генерал Казанцев — одно из главных действующих лиц во второй чеченской войне, приведшей Путина в Кремль. Константин Пуликовский, который, уйдя из армии, занялся политикой, в последние месяцы руководил предвыборным штабом Путина в Краснодарском крае и обеспечил ему победу в этом ультракрасном регионе. Виктор Черкесов и Георгий Полтавченко большую часть своей карьеры прослужили в Ленинграде вместе с нынешним президентом. Петр Латышев, как утверждают, накопал в Санкт-Петербурге столько компромата на губернатора Яковлева, что теперь мэр Северной столицы будет как шелковый.

Что до Сергея Кириенко, то именно он, по слухам, предложил в 1998 году нынешнего президента на должность директора ФСБ. Кроме того, кремлевская администрация, похоже, ввела своего рода квоту в органах исполнительной власти для правых политиков. Ровно как в СССР — там определенная часть административных должностей закреплялась за представителями национальных меньшинств. ■

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПРЕЗИДЕНТА В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГАХ (СЛЕВА НАПРАВО): **ГЕОРГИЙ ПОЛТАВЧЕНКО, ВИКТОР ЧЕРКЕСОВ, ВИКТОР КАЗАНЦЕВ, СЕРГЕЙ КИРИЕНКО, ПЕТР ЛАТЫШЕВ, ЛЕОНИД ДРАЧЕВСКИЙ, КОНСТАНТИН ПУЛИКОВСКИЙ**

Разделка суши

Санкт-Петербург
Москва
Нижний Новгород
Ростов-на-Дону
Екатеринбург
Новосибирск
Хабаровск

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОКРУГ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ОКРУГ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ОКРУГ
ПРИВОЛЖСКИЙ ОКРУГ
УРАЛЬСКИЙ ОКРУГ
СИБИРСКИЙ ОКРУГ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ОКРУГ

Галина Ковальская

НАЧАЛОСЬ

И так, процесс реформирования Федерации начат. Серия указов по регионам (в Амурской и Смоленской областях, а также в Ингушетии отменены решения местных властей, касающиеся вопросов, находящихся вне их компетенции), указ о семи федеральных округах и следом — законодательный пакет, устанавливающий новый принцип комплектования Совета Федерации и судебную процедуру отрешения от должностей губернаторов и мэров. Наблюдатели, российские и зарубежные, говорят сегодня даже не об административной реформе, а об «административной революции». Хотя пока трудно сказать с уверенностью, что получится из затеи забрать часть власти у регионов в центр. Речь даже не о том, пройдет или не пройдет, и в каком виде пройдет через законодателей путинский административный пакет — в смысле «работы с нижней и верхней палатами» ситуация сейчас для президента исключительно благоприятная. Сенаторы поспешили выразить «одобрямс» федеральным округам и на удивление вяло и осторожно огорчаются в ответ на предложение лишить их депутатской неприкосновенности. Главное — какой вид примут все эти начинания, когда будут воплощаться в жизнь.

Этого пока не скажет ни один ответственный аналитик. Станут ли «представители исполнительной и законодательной власти субъектов Федерации» действительно законодателями, или по-прежнему будут выступать лоббистами интересов региональных элит? Станет ли право федеральной исполнительной власти смещать губернатора орудием шантажа, направленным против неудобных и неугодных, или в самом деле положит конец правовому беспределу на местах? В России ведь важно не столько то, что записано в законе, сколько кто и как им пользуется. Превратился же вполне цивилизованный закон о несостоятельности предприятий в орудие борьбы губернаторов с частной собственностью.

Нашумевший путинский указ о представителях президента, в коем одни с ходу усмотрели посягательство на «право субъектов Федерации», а другие — стремление положить конец губернаторской вольнице, формально лишь сокращает число президентских наместников до семи, не так уж расширяя их полномочия. Скажем, в указе записано, что представитель «анализирует эффективность деятельности» и «состояние с кадровой обеспеченностью» правоохранительных органов на вверенной ему территории. Заметим: когда учреждалась эта должность в 91-м, тоже предполагалось, что президентский наместник будет «анализировать состояние» не только правоохранительных, но и всех прочих федеральных и региональных структур на местах. То, что сейчас сделан упор именно на правоохранительные органы, легко объяснимо: практика показала, что региональный начальник первым делом прикармливает и приручает именно правоохранителей и закононадзирателей. Однако по-прежнему не вполне ясно, что должен делать наместник с плодами своих аналитических трудов: ведь никаких прав принимать те или иные решения у него нет и не может быть в рамках существующей Конституции. Взбудораженные журналисты могут сколько угодно называть представителей президента «генерал-губернаторами», получившими полномочия чуть ли не вице-премьера, но, согласно действующему российскому законодательству, представитель — чиновник президентской администрации, то есть лицо готовящее, а не принимающее решения. А что до прописанного в указе «прямого выхода» на президента, так формально «прямой выход» существует с момента возникновения института представителей.

Есть в указе и относительно новые положения. Например, представитель имеет право привлекать сотрудников Главного контрольного управления, а в необходимых случаях и сотрудников федеральных органов исполнительной власти «к проведению проверок, анализу состояния дел в организациях, находящихся в пределах федерального округа». Прежде такой практики не было. Однако сами проверки Контрольного управления время от времени случались. Кто-нибудь припомнит за последние лет семь случай, чтобы такая проверка имела ощутимые политические последствия?

Наиболее значимый пункт указа, видимо, тот, где говорится, что кандидатуры на должности федеральных государственных служащих в регионе (прокурор, начальник ГУВД и проч.) центр будет согласовывать не с губернаторами, а с самими наместниками. Кое-кто даже усмотрел в этом нарушение Конституции. На самом деле в Конституции ни о каких

согласованиях с губернаторами не сказано — такова была сложившаяся практика. Указ говорит о намерении с ней покончить. Однако колоссальные размеры федеральных округов, границы которых совпадают с военными и внутривойсковыми, вряд ли помогут в решении этой задачи. Действовать наместнику все равно придется через своих чиновников, сидящих в регионах. (Вероятно, ими станут бывшие представители президента.) А те вряд ли захотят ссориться с местной элитой. Аналогичные проблемы возникнут у начальника окружной милиции, налоговых служб и прочих «силовиков», которых президент тоже намерен перевести из регионов в округа.

При своих

Ясно, что региональные начальники постараются максимально сохранить возможность лоббирования своих интересов в Москве. Способы «договариваться» о трансфертах и прочих вливаниях известны, и менять их губернаторы не хотят. (Кстати, то, что вытрясанием денег из Центра занимаются только дотационные регионы, — иллюзия. Существуют всевозможные механизмы проталкивания «федеральных программ» и кредитов — по сути те же вливания, — которыми широко пользуются и весьма состоятельные регионы. Вспомним про безуспешные попытки разных правительств отказать Лужкову в федеральных субвенциях.) На первый взгляд отлучение от Совета Федерации и указ о полномочных представителях несколько ослабляет лоббистские возможности глав регионов. Наместнику предписано «согласовывать проекты решений федеральных органов государственной власти, затрагивающие интересы федерального округа или субъекта Российской Федерации, находящегося в пределах этого округа». То есть главным «согласователем» становится теперь представитель президента, и губернаторы должны отстаивать свои интересы прежде всего в федеральном округе. В сущности такой порядок не посягает на саму систему лоббирования. Ведь механизм «взаимодействий» и «согласований» никак в указе не прописан, так что все, как и раньше, будет «по договоренности». Эксперт аналитического отдела Центра политического консалтинга «Никколо — М» Михаил Афанасьев полагает, что представители президента постепенно превратятся в главных лоббистов интересов подвластных им региональных лидеров. По всей видимости, чтобы не оказаться в полной зависимости от наместников, губернаторы станут еще активнее пропихивать своих людей в Госдуму и, уж,.конечно, проследят за тем, чтобы в Совете Федерации оказались те «представители», какие нужно.

Лояльность Путину и его представителю региональные бароны будут выказывать (уже выказывают) наперебой. Но не бескорыстно. К примеру, их сейчас очень волнует проблема «третьего срока». Кое-кому из них скоро предстоит покинуть свой пост: Минтимеру Шаймиеву (Татарстан), Юрию Спиридонову (Коми), Михаилу Николаеву (Якутия), Николаю Федорову (Чувашия), Егору Строеву (Орловщина), Валерию Кокову (Кабардино-Балкария), Кирсану Илюмжинову (Калмыкия) и другим. Никто из этих лидеров абсолютно не готов к негубернаторскому (непрезидентскому) существованию. Справедливости ради заметим, что и в их регионах не просматривается даже силуэта «преемника». Так что скорее всего губернаторы предложат отменить ограничение по срокам. В аппарате президента, где готовилась административная реформа, ожидают именно такого поворота событий. Относятся к этой идее президентские чиновники по-разному: одни считают ее вредной, другие в принципе готовы с ней согласиться. Надо понимать: отмена ограничений может обеспечить пожизненное царствование многим губернским начальникам.

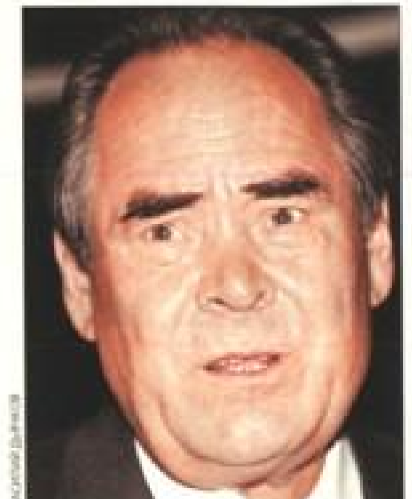

МЭРЫ ДВУХ КРУПНЕЙШИХ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) И ЮРИЙ ЛУЖКОВ (МОСКВА), ВИДИМО, СЧИТАЮТ, ЧТО СТОЛИЧНЫЙ СТАТУС ПОЗВОЛИТ ИМ В СЛУЧАЕ НАДОБНОСТИ ПРЯМО ОБРАЩАТЬСЯ НАВЕРХ, МИНУЯ ПОСТАВЛЕННОГО НАД НИМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

Две тенденции

Отношение к «третьему сроку» на самом деле является той линией, которая делит идеологов и разработчиков административной реформы на две группы. Одни полагают, что усиление власти в регионах необходимо в той степени, в которой оно послужит установлению там правопорядка. Свою задачу они видят в том, чтобы заставить регионы жить по российским законам (пример того, как грубо нарушают российскую Конституцию в регионах, см. «Кавказский акцент российской демократии» на этой странице). Другие считают президентскую вертикаль совершенно самостоятельной ценностью. Их главная цель — обеспечить послушание губернаторов. (Не то чтобы первые в изобилии водились в администрации президента. Но еще встречаются там чиновники, которые, по крайней мере на словах, исходят из принципов демократии и права). «Кондратенко — человек вменяемый и вполне договоропригоден», — заявил, к примеру, обозревателю «Итогов» один из высокопоставленных чиновников администрации. (Николай Кондратенко — губернатор Краснодарского края — прославился не только неустанной борьбой с жидомасонами, сопровождающейся прямыми призывами к погромам, но и регулярным «закрытием границы» — запретом на вывоз сельхозпродукции в другие регионы России. — **«Итоги»**.) Если основной критерий — «договоропригодность», то есть резон сохранять губернаторов на своих местах как можно дольше: с новым ведь придется «договариваться» по новой.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЛИДЕРЫ К НОВЫМ УКАЗАМ ПРЕЗИДЕНТА ОТНЕСЛИСЬ В ОБЩЕМ СПОКОЙНО. МИНТИМЕР ШАЙМИЕВ (КРАЙНИЙ СЛЕВА) **ЗАЯВИЛ: «ЧТО БЫ НИ ПИСАЛОСЬ В УКАЗАХ, ВСЕ РАВНО БУДЕМ МЫ». РУСЛАН АУШЕВ (ИНГУШЕТИЯ) НОВУЮ СИСТЕМУ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ОДОБРИЛ, А НАСЧЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРЕЗИДЕНТА ЗАМЕТИЛ, ЧТО ЕЗДИТЬ К СВОЕМУ В РОСТОВ НЕ СОБИРАЕТСЯ. ГЛАВНЫЕ САМОУПРАВЦЫ МУРТАЗА РАХИМОВ (БАШКИРИЯ) И ЕВГЕНИЙ НАЗДРАТЕНКО (ПРИМОРЬЕ) ССОРИТЬСЯ С НОВЫМ ПРЕЗИДЕНТОМ НЕ ХОТЯТ И, ВИДИМО, КАК И ШАЙМИЕВ, СЧИТАЮТ, ЧТО ВСЕ САМО СОБОЙ РАССОСЕТСЯ**

Соответственно до самого последнего времени разным было в администрации президента и отношение к перспективам местного самоуправления. «Демократы» (термин условный) ратовали за сохранение принципа, на котором базируются российские (и мировые) законы о местном самоуправлении: последнее должно быть отделено от исполнительной власти. Иными словами, функционеры местного самоуправления — будь то мэры или члены муниципальных советов — подвластны и подотчетны только своим избирателям. Логика здесь простая: в ведении местного самоуправления повседневные нужды жителей, так что кому, как не жителям, эти органы контролировать. При Ельцине в недрах федеральной власти время от времени возникала идея союза с местным самоуправлением против региональных баронов (как в средневековой Европе: король объединялся с городами против феодалов). Однако реализована она так и не была: наше местное самоуправление слишком слабосильно, так что союз с ним больших успехов не сулил. Сейчас верх одержала, как видим, позиция сторонников «вертикали ради вертикали», давно призывавших «отдать» губернаторам право смещать «нижестоящих» начальников в обмен на право сменять их самих.

То, как была преподнесена реформа, тоже свидетельствует о влиянии и «демократов», и «антидемократов». Указ про наместников, судя по всему, готовился в глубокой тайне. («Вброшен» он был в субботу вечером.) Во всяком случае руководитель территориального управления администрации президента Сергей Самойлов, если судить по его интервью журналу «Коммерсантъ-Власть», еще в начале мая пребывал в полном неведении относительно семи округов. Андрей Федоров, руководитель управления по работе с представителями президента, по сведениям «Итогов», вообще узнал об указе из СМИ. Почему этот документ не стал предметом широкой дискуссии, понять трудно. Стиль «внезапной атаки» в данном случае ничем не оправдан. Зато с основными идеями законопроектов из «президентского пакета» и сенаторов, и СМИ ознакомили за несколько дней до того, как они были внесены в Думу. Из того же стилевого ряда и путинская речь, и сам факт его выступления перед гражданами. Путин упирал как раз на то, что сильное государство нужно для защиты граждан, что власть — не цель, а средство.

Можно констатировать: впервые за десятилетие центр встал на путь не сепаратной торговли с каждым отдельным губернатором, а издания законов, обязательных для всех.

КАЗУС

Кавказский акцент российской демократии

Когда Исалмагомед Набиев пришел в окружную избирательную комиссию 13-го избирательного округа города Махачкалы с целью зарегистрироваться кандидатом в депутаты городского собрания, ему объявили, что округ это лезгинский, и его как аварца здесь зарегистрировать не могут.

Отказ в регистрации не был произволом местных чиновников, их решение основано на законе! Пункт 18 статьи 34 республиканского закона о выборах в органы местного самоуправления гласит: «В национально-территориальных избирательных округах не допускается регистрация представителей другой национальности».

Исалмагомеду Набиеву 52 года, по образованию он экономист, в последние годы — профсоюзный лидер. С 1995 года возглавляет Независимый профсоюз предпринимателей и водителей, в который входят 6250 человек. Чиновники не любят Набиева и его профсоюз, который не раз добивался через суды отмены незаконных постановлений дагестанских властей. Набиева шесть раз пытались привлечь к уголовной и административной ответственности, так что сражаться с сильными мира сего ему не привыкать.

Дважды обращался он в суды с жалобой на чиновников, отказавших ему в регистрации, и оба раза получал отказ. Тогда Набиев обратился в Конституционный суд Дагестана, который призван следить за соответствием принимаемых законов конституции республики. Отказали ему и там, на том основании, что действующий закон защищает права коренных народов и национальных меньшинств и учитывает «исторические и иные местные традиции».

Как и все субъекты Российской Федерации, Дагестан имеет право принимать собственные законы, но они не должны противоречить федеральным.

Между тем в двухмиллионном Дагестане живут граждане более 120 национальностей, а столица республики Махачкала (где почти все национальности представлены) разбита всего на 14 национально-территориальных округов. Спрашивается, как быть с избирательными правами более ста других национальностей?

Но г-н Набиев — человек упорный. Он обратился в Конституционный суд Российской Федерации. «Мне говорят, что мое конституционное право не нарушено, а только ограничено. Оказывается, я могу быть избранным, но только не там, где я хочу, где я живу, где избиратели меня знают и где они меня выдвигают, а в округе, где мне разрешается сверху, — пишет он в своей жалобе. — Если избиратели не могут свободно выдвигать или избирать по месту своего жительства того кандидата, которого они считают наиболее достойным, независимо от его национальности, то о каких демократических и свободных выборах можно говорить?»

Действительно, о каких свободных выборах может идти речь, если плюс к национально-территориальным округам в Дагестане имеется еще 35 «профессиональных», где могут баллотироваться только граждане с высшим образованием.

Раз законы плохи, то их надо менять, и Исалмагомед Набиев решил баллотироваться в Народное собрание — парламент Дагестана. 15 февраля 1999 года окружная избирательная комиссия №84 по выборам депутатов Народного собрания отказала ему в регистрации уже по другой, совсем удивительной причине — из-за того, что он мужчина! Оказалось, что округ, в котором живет Набиев, — один из шести женских. В пункте 5 статьи 11 закона «О выборах депутатов Народного Собрания Республики Дагестан» записано:

«В целях обеспечения представительства женщин в парламенте... Избирательной комиссией Республики Дагестан могут быть определены женские избирательные округа».

«Никакая «политическая целесообразность» или «временная необходимость» не может быть основанием для нарушения конституционных норм и прав человека», — считает Исалмагомед Набиев. Теперь он ждет решения Конституционного суда России. Один раз по ходатайству Министерства юстиции Дагестана слушания уже откладывались. Возобновиться они должны 16 июня.

Александр Подрабинек

Кадры хроники

Депутаты поверили, что новый премьер и старое правительство смогут обеспечить нам светлое будущее

Дмитрий Хитаров

МОНТАЖ

НОНЕЧА, КАК ГОВОРИТСЯ, — НЕ ТО, ЧТО давеча. В прежние времена утверждение Государственной думой председателя правительства воспринималось как событие первостепенной важности. К триумфу же Михаила Касьянова, набравшего рекордные 325 голосов «за» при 55 — «против» и 15 воздержавшихся (даже голосуя за «социально близкого» Евгения Примакова Дума — тогда еще большевистская — не была столь щедра), журналисты и все прочие, у кого интерес, что называется, профессиональный, отнеслись более чем спокойно. Их значительно больше взволновало окончание чехарды с назначением нового генпрокурора. Даже объявление состава правительства не смогло расшевелить наблюдателей — практически все более или менее было известно.

ЧИСЛО ВИЦЕ-ПРЕМЬЕРОВ СОКРАЩЕНО С СЕМИ ДО ПЯТИ. ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ОДНОВРЕМЕННО МИНИСТРОМ ФИНАНСОВ НАЗНАЧЕН **АЛЕКСЕЙ КУДРИН,** ИЗ ВЕТЕРАНОВ СОХРАНИЛИ СВОИ ПОСТЫ **ВАЛЕНТИНА МАТВИЕНКО, ИЛЬЯ КЛЕБАНОВ, ВИКТОР ХРИСТЕНКО. ГЕРМАН ГРЕФ,** ЧЕЙ ЦЕНТР СТРАТЕГИЧЕСКИХ РАЗРАБОТОК ДО СИХ ПОР БЬЕТСЯ НАД СОЗДАНИЕМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ, ПОЛУЧИЛ ПОСТ МИНИСТРА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ТОРГОВЛИ, А **АЛЕКСАНДР ДОНДУКОВ,** ПРОСЛАВИВШИЙСЯ ТЕМ, ЧТО ДОВЕЛ ФАКТИЧЕСКИ ДО КРАХА КБ «ЯКОВЛЕВ», — МИНИСТРА ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ. **АЛЕКСАНДР ПОЧИНОК** ПЕРЕБРАЛСЯ ИЗ МИНИСТЕРСТВА ПО НАЛОГАМ И СБОРАМ В МИНТРУДА

Косметический ремонт

Сразу после утверждения в статусе премьер-министра Михаил Касьянов заявил, что изменения коснутся не только состава правительства, но и его структуры. Число федеральных министерств, в частности, будет сокращено с 30 до 24, других органов исполнительной власти федерального уровня — с 39 до 33. Также решено сократить с семи до пяти число заместителей председателя правительства, а пост первого вице-премьера упразднить вовсе.

Ранг зампреда правительства, кроме вновь назначенного Алексея Кудрина, на которого также возложено руководство Министерством финансов, получили вице-«ветераны» Валентина Матвиенко, Илья Клебанов и Виктор Христенко. Пятый заместитель будет курировать сельское хозяйство. Кто станет этим счастливчиком, к моменту подписания номера в печать сообщено не было.

Попытки сократить число вице-премьеров предпринимались и раньше, однако успеха они не имели. Журналисты даже вывели закон «одиннадцати кабинетов»: правительство начинает работать в полную силу, только когда заполняются все одиннадцать вице-премьерских кабинетов, имеющихся в Белом доме. Пока трудно сказать, насколько успешной станет нынешняя попытка. Во всяком случае в новом правительстве тех, кто хотел бы получить ранг зампреда, вряд ли будет меньше, чем в старом. Наивно было бы предполагать, что тот же представитель правительства России в Чечне Николай Кошман добровольно откажется от «вице»-статуса и прилагающегося к нему кабинета.

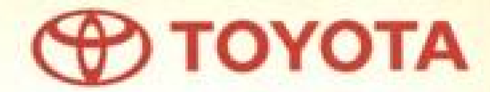
Герман Греф, чей Центр стратегических разработок готовил и, судя по всему, еще долго будет готовить новую программу правительства, возглавил конгломерат, получивший название Министерства экономического развития и торговли. Александр Починок освободил место главного фискала для Геннадия Букаева, который ранее руководил столичными налоговыми органами, а сам перебрался в Министерство труда и социального развития. Назначение главой вновь созданного Министерства промышленности, науки и технологий Александра Дондукова, занимавшего ранее должность главного конструктора КБ «Яковлев», укрепило в правительстве позиции лидеров ВПК. В КБ Дондуков проявил себя как талантливый руководитель, сделав ставку на производство самолетов с вертикальным взлетом ровно тогда, когда военное руководство окончательно отказалось от идеи строительства авианосцев, для которых «вертикалки» и предназначались.

Несмотря на объявленную «перестройку», в большинстве ведомств — Минкульте, которое после упразднения Госкино стало единственным госпокровителем важнейшего из искусств, Минимуществе, Минобразе, Минатоме, Минздраве, Минсвязи и прочих «минах» — остались прежние хозяева. Наиболее красноречивым свидетельством неизменности «семейного» курса можно считать тот факт, что в министерских креслах остались и глава МПС Николай Аксененко, и руководитель Минтопэнерго, которое ныне реорганизовано в Министерство энергетики, Виктор Калюжный (указ о назначении к моменту сдачи номера в печать так и не появился, однако, тот факт, что президент взял его в поездку по Средней Азии, свидетельствовал — это лишь вопрос времени), и Михаил Лесин, которому вместе с приданными ему автоматчиками снова поручено охранять свободу слова. Не говоря уже собственно о самом Михаиле Касьянове.

Личный состав

Как и следовало ожидать, значительных изменений не произошло и в составе министров «силового блока». Владимир Путин, чрезвычайно серьезно относящийся к тому, что он является, кроме всего прочего, еще и Верховным главнокомандующим, высоко оценил усилия генералов, которые в последние месяцы всячески выказывали Путину — премьер-министру, Путину — и. о. президента, Путину — президенту свою лояльность.

Игорь Сергеев сохранил пост министра обороны, а Владимир Рушайло, вопреки многочисленным слухам, остался главой МВД. Несколько понижен в статусе руководитель МЧС Сергей Шойгу — его лишили вице-премьерской должно- ▶

сти. Впрочем, Сергей Кужугетович поспешил заверить журналистов, что он сам просил об этом президента, дабы сосредоточиться на руководстве «Единством».

Очевидно, вполне удовлетворен Владимир Путин и тем, как обстоят дела во внешней политике. Во всяком случае, за Игорем Ивановым должность главы МИДа он сохранил. В дипломатическом ведомстве считают, что президент остался крайне доволен тем, как вел себя Иванов на недавнем заседании министров иностранных дел Совета Европы. То, что нас не выгнали за европорог, было представлено МИДом едва ли не как дипломатический триумф, организованный лично главой этого ведомства.

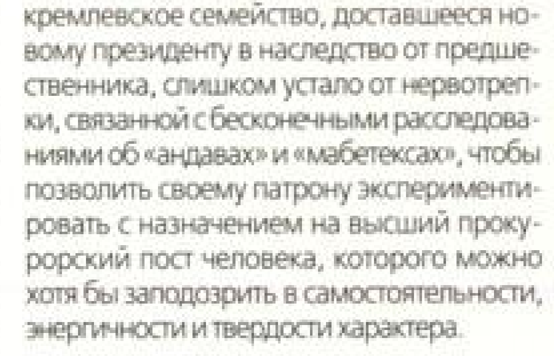
На своих местах остались и почти все руководители специальных служб: ФСБ, ФПС, налоговой полиции и ФАПСИ. Они пришли на свои должности в тот период, когда нынешний президент возглавлял Совбез или был премьером, и их с полным основанием можно назвать людьми Путина.

До сих пор не назначен директор Службы внешней разведки. К прежнему ее руководителю Вячеславу Трубникову, утверждают источники «Итогов», у президента накопилось немало претензий. Путин, принимающий дела разведки близко к сердцу, немало раздражен недавним провалом российской резидентуры в Польше.

Единственное пока новое лицо среди «силовиков» — это директор Федеральной службы охраны Евгений Муров. О нем известно лишь то, что до этого назначения он был заместителем начальника ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Что вполне вписывается в общую тенденцию — на должности в спецслужбах сегодня приходят выходцы из Северной столицы.

То, что Владимир Путин не поменял почти никого из первых лиц силовых ведомств, объясняют еще и тем, что «антитеррористическая операция» в Чечне пока что далека от завершения, а Верховный главнокомандующий не хочет менять коней на переправе. Правда, циники полагают, что кое-кого из этих коней Путин произведет в козлы отпущения, когда придется объяснять народу, почему после блестящей победы Российской армии сепаратисты не только не сложили оружие, но и продолжают наносить по войскам Объединенной группировки все более ощутимые удары.

ПРАКТИЧЕСКИ ВСЕ СИЛОВИКИ — И **ИГОРЬ СЕРГЕЕВ** (МО), И **ВЛАДИМИР РУШАЙЛО** (МВД), И **НИКОЛАЙ ПАТРУШЕВ** (ФСБ) — СОХРАНИЛИ СВОИ ПОСТЫ, ПЕРЕМЕНЫ ПРОИЗОШЛИ ТОЛЬКО В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ОХРАНЫ, КОТОРУЮ ВОЗГЛАВИЛ **ЕВГЕНИЙ МУРОВ.** СУДЯ ПО ТОМУ, ЧТО ПРИ ДОЛЖНОСТИ ОСТАЛСЯ И **ИГОРЬ ИВАНОВ,** ПРЕЗИДЕНТ СЧИТАЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИДА УСПЕШНОЙ. ТОТ ФАКТ, ЧТО В НОВЫЙ СОСТАВ КАБИНЕТА ПЕРЕКОЧЕВАЛИ ГЛАВЫ МПС И МИНПЕЧАТИ **НИКОЛАЙ АКСЕНЕНКО** И **МИХАИЛ ЛЕСИН,** СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О ПРИВЕРЖЕННОСТИ ВЛАДИМИРА ПУТИНА «СЕМЕЙНОМУ» КУРСУ

НАЗНАЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА УСТИНОВА НА ДОЛЖНОСТЬ ГЕНПРОКУРОРА **ОТТЕСНИЛО НА ВТОРОЙ ПЛАН ИЗВЕСТИЕ О ТРИУМФАЛЬНОМ УТВЕРЖДЕНИИ В ДУМЕ НОВОГО ПРЕМЬЕРА**

Но если судьба первых лиц силовых министерств более или менее определена, то несколько десятков генералов, которые по примеру руководящих сотрудников президентской администрации, подавших заявления об увольнении по собственному желанию (в отличие от членов кабинета, которые были обязаны это сделать), написали сразу после инаугурации рапорты об отставке, находятся в подвешенном состоянии — их рапортам ход дан не был. Армейские кадровики не скрывают того, что оказались в тупике: то ли следует рапорты подписать и вновь назначить генералов на их должности, то ли сделать вид, что рапортов вообще не было.

Скорее всего никаких революционных перемен в недрах силовых министерств так и не произойдет. Но нервотрепку, которую Кремль устроил генералам, они забудут нескоро.

И Володя тоже

Еще в прошлый вторник казалось, что и.о. генпрокурора Владимир Устинов потеряет не только приставку «и.о.», но и саму должность. Сенаторы до такой степени были уверены в том, что президент предложит на пост генерального прокурора нынешнего руководителя аппарата правительства Дмитрия Козака, что Комитет Совета Федерации по конституционному законодательству с опережением графика, еще до получения официального послания из Кремля, обсудил и единогласно одобрил эту кандидатуру.

Действительно, весь вторник из Кремля поступали недвусмысленные сигналы — президент сделал выбор в пользу своего старого питерского друга, который возглавлял юруправление петербургской мэрии при Анатолии Собчаке.

И тем не менее в среду утром президент предложил Совету Федерации утвердить генпрокурором именно Владимира Устинова. Сенаторы были обескуражены, что, впрочем, не помешало им уже днем дружно проголосовать за президентскую креатуру. Сохранить лицо с присущим ему изяществом помог сенаторам глава верхней палаты Егор Строев, заявивший, что ясности с назначением не было до самого последнего момента и что он лично «проводил консультации весь вечер и даже ночью».

Теперь можно строить любые предположения по поводу того, почему выбор пал все же на Устинова. По всей видимости, кремлевское семейство, доставшееся новому президенту в наследство от предшественника, слишком устало от нервотрепки, связанной с бесконечными расследованиями об «андавах» и «мабетексах», чтобы позволить своему патрону экспериментировать с назначением на высший прокурорский пост человека, которого можно хотя бы заподозрить в самостоятельности, энергичности и твердости характера.

Наша цель — формализм

Как и ожидалось, для большинства правительственных чиновников сложение полномочий перед вновь избранным президентом стало чистой формальностью, ритуалом. Как ритуальны были сетования большевиков на отсутствие в кабинете министров «русского духа». Или требования правых избавиться от наиболее одиозных «семейных» министров, в частности Виктора Калюжного. В итоге и те, и другие, а также третьи, четвертые и пятые дружно проголосовали за премьера, хотя тот в своем выступлении ограничился общими, абсолютно формальными фразами, признавшись, что настоящей программы у него пока нет. Коммунистов, правда, ублажили, добавив в список министров абсолютно русскую фамилию Дондуков, а правым Кремль быстро заткнул рот, введя в состав нового правительства Алексея Кудрина и Германа Грефа и назначив лидера СПС Сергея Кириенко нижегородским генерал-губернатором.

Можно предположить, что сохранение в правительстве нескольких «знаковых» фигур было одной из «гарантий» бывшему президенту, но представить себе, что Борис Николаевич просил персонально, скажем, за министра образования Владимира Филиппова или министра связи Леонида Реймана, трудно. А значит, собирая формально новое, а на самом деле старое правительство, Владимир Путин (ясно, что новый премьер, если и имел отношение к назначениям, то лишь косвенное) делал это осознанно. А значит, то ельцинское правительство он считает своим. Что, впрочем, совершенно не отражается на кредите доверия новому президенту, который не формально, а фактически обещал нам светлое будущее. ■

При участии **Александра Гольца** и **Александра Рыклина**

Обменнопленные

Число людей, пропавших в ходе «антитеррористической операции», уже можно считать катастрофическим

Маша Гессен

ПОСЛЕДСТВИЯ

«ЗАВТРА БУДЕШЬ ПРИСУТСТВОвать при освобождении заложника». Это обещание оказалось, пожалуй, самым драматичным моментом поездки в Чечню вместе с сотрудниками Временной группы розыска. Назавтра мы с этими сотрудниками, называть которых мне запрещено, трясемся три часа от Моздока до Гудермеса, где должны встретиться с посредником, связанным с теми, кто удерживает «заложника». Заложника на самом деле следовало бы называть военнопленным, но так как официально нет войны, то нет и пленных, а есть только «насильственно удерживаемые». Это означает, с одной стороны, что участники боевых действий уравниваются с попавшими в заложники гражданскими лицами, а с другой — что вооруженные силы считают плененных дезертирами. Но об этом чуть ниже. Пока мы едем в Гудермес.

Оба моих спутника в чинах. У старшего из них, сорокалетнего афганского генерала — назовем его для удобства Сергеем — своя география Чечни. Когда мы проезжаем станицу Галюгаевскую на границе Ставропольского края с Чечней, Сергей говорит: «Здесь я полтора дня пролежал». В засаде. В 1997 году освобождали милиционера Сергеева. Долго вели переговоры и вроде договорились об обмене. Попросили предъявить милиционера, а когда его привезли, перешли к силовым методам. «Рисковали, конечно, — говорит Сергей. — Они могли сразу убить заложника. Но мы успели его схватить». Похитители, впрочем, живыми вернулись в Грозный.

Въезжаем в Чечню. «Здесь вот была чеченская таможенно-пограничная служба, — говорит Сергей, указывая на несколько низких бетонных строений слева от трассы. — Сюда привозили похищенных и держали их вот там, — он показывает на одноэтажное серое здание с заколоченными окнами. — Масхадов не мог об этом не знать». Вскоре въезжаем в станицу Мекенскую. «Здесь один чеченец за один день в 1999 году расстрелял 35 человек русскоязычных», — сообщает Сергей. Следующие два часа проходят в напряженном молчании. Солнцезащитные козырьки машины опущены, в руках у Сергея два пистолета — его собственный и офицера, сидящего за рулем, — мне велено «в случае чего» упасть на пол за сиденье. Последнее время ездить по «освобожденной» Чечне становится все опаснее, а если кто опознает Сергея, то мы и вовсе обречены. Тем обиднее, что все «переговоры» в Гудермесе оказываются просто ужином в бункере, который служит столовой представительства президента России в Чечне.

Наш собеседник — высокопоставленный сотрудник представительства, чеченец. Его мне назвать как раз разрешено, но делать этого не хочется. Он нетрезв, и вряд ли отдает себе отчет в том, что говорит в присутствии журналистки. Между войнами он помогал российской стороне освобождать пленных, затем сам попал в заложники. «Они меня 11 месяцев держали. Вышел без зубов и с вот такой бородой», — проводит рукой у пояса.

Сергей спрашивает, был ли там еще кто-нибудь.

«Не знаю. Двери такие раздвижные, как в трамвае, чувствуется, что за ними кто-то есть, но я не видел. Как они зубы плоскогубцами дерут! Заходят: «Открывай рот». Не открываю. А потом думаю: все равно ведь заставят открыть. Паяльник в жопу вставят — и откроешь как миленький. Он думал, что я заору. А я: только бы не заорать! Он еще вырывает. А я молчу. Он — я не буду при женщине говорить, что делает, — но я молчу. Такая вот дурацкая человеческая гордость. А потом уходит, и думаешь: если б я закричал, может, он не стал бы столько...»

Рассказ этого человека с коричневой от солнца кожей и глубокими, как ножом вырезанными, морщинами Сергея явно мало интересует. Он терпит пьяного собеседника ради другого: в разговоре проскальзывают подробности, которые могут быть ему полезны.

«Моя жена — она, кстати, сошла с ума, когда меня взяли, — говорит чеченец и сам себя перебивает: — Серег, а в Афганистане было легче, чем здесь?»

«Легче».

«Я так и думал. Хоть знал, что не в своих стреляешь». Сергей, правда, вовсе не воспринимает чеченцев как «своих». Он называет их «обезьянами» и несколько раз просит, чтобы я не писала, что группа розыска ведет переговоры с чеченцами. Этого запрета я осмелюсь ослушаться, потому как очевидно, что другого способа выяснить местонахождение пропавших солдат и освободить их не было и нет. А «насильственно удерживаемых» военнослужащих, по сведениям группы розыска, в Чечне человек 250—300, в розыске числятся 560. Это только те, кто попал в плен в ходе нынешней кампании. «С прошлой кампании никого в живых нет», — утверждает Сергей. Пропавшими без вести, однако, с той войны числятся около 550 человек. Сергей утверждает, что во время поездки в Гудермес он нашел тело одного из них, милиционера Лунева, пропавшего в 1996 году.

Лунев приехал в Чечню в поисках своих плененных отца и сестры — тоже милиционеров. «Он думал, что он Рэмбо — сотрудник ОМОНа, крутой, — говорит Сергей. — Это стоило ему жизни». Позже кто-то из арестованных чеченцев рассказал, что милиционера убили в Грозном и бросили в колодец, неизвестно, в каком районе. Теперь в одном из колодцев города обнаружено тело, одетое в камуфляж. На основании чего Сергей делает вывод, что это именно милиционер Лунев? «Ну сколько могло быть тел в форме, сброшенных в колодец?» Вообще-то сколько угодно. Не меньше, чем историй матерей, получивших взамен тела своего сына чужое.

Подмена

«19 января 2000 года к нам пришла похоронка о погибшем сыне, — читаю заявление Марии Волковой из Пензы, обратившейся в Комитет солдатских матерей. — Через 5-6 дней пришел оцинкованный гроб. Когда опознали, что в гробу находится чужой мальчик, не наш Алеша, гроб увезли. Мы по телефону стали звонить в Буденновск. Начальник нам ответил, что в погибших мы его не считаем, в госпитале его нет. А Буденновск считает, что он находится в побеге, так как напугался войны». Как выяснилось, 14 января — за пять дней до того, как Волковым пришла похоронка — на Алешу было заведено уголовное дело за то, что он якобы «самовольно оставил часть».

«С точки зрения военных солдат либо находится в части, либо он преступник», — объясняет секретарь Совета комитетов солдатских матерей Валентина Мельникова. Опять-таки: если нет войны, значит, нет и военнопленных. Если солдата нет в части, значит, он бежал. А как его искать? Только завести уголовное дело и объявить в розыск. Это не только обидно и унизительно, но и имеет вполне конкретные материальные последствия: ведь преступникам, дезертирам не положена зарплата или пенсия. Наученные Комитетом солдатских матерей, матери исчезнувших в ту войну обращаются в суд с просьбой признать сыновей «безвестно пропавшими» — и только после решения суда начинают получать какие-то деньги.

А «дезертир» Алеша Волков объявил-

НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ В РОЗЫСКЕ ЧИСЛЯТСЯ БОЛЕЕ ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК — ПОЛОВИНА С ТОЙ ВОЙНЫ, ПОЛОВИНА С ЭТОЙ.
СЛЕВА НАПРАВО: РЯДОВЫЕ АЗАМАТ МОСТЯКОВ (ПОХИЩЕН В КИЗЛЯРЕ) И ЭДУАРД ПОПОВ (ПОХИЩЕН В МОСКВЕ, ВЫВЕЗЕН В ЧЕЧНЮ), ОСВОБОЖДЕНЫ В МАЕ 1999 ГОДА; ДЕСАНТНИК АЛЕКСАНДР ШЕРСТНЕВ (ВЗЯТ В ПЛЕН ПОД ВЕДЕНО В НОЯБРЕ 1999 ГОДА, ОСВОБОЖДЕН В ФЕВРАЛЕ 2000 ГОДА); РЯДОВЫЕ ЮРИЙ ГОРБУНОВ И АРТЕМ БРУСЛИК (ЗАХВАЧЕНЫ В СЕНТЯБРЕ 1999-ГО НА ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА, ОСВОБОЖДЕНЫ 21 МАРТА)

ся 23 апреля. Кто-то позвонил матери и велел ехать за сыном в Грозный. С 3 мая он дома. Теперь ему придется добиваться закрытия уголовного дела.

Понимая, что армия считает их преступниками, многие бывшие пленные, попав на свободу, ложатся на дно. Вот объяснительная записка, составленная по совету Комитета солдатских матерей: «Я (фамилия, имя), проходя службу в части № 3642, был отправлен в апреле 1995 года в Бачи-Юрт на боевые действия. В мае около освобожденной деревни, где стояла часть, вечером я пошел за водой к колодцу и был захвачен чеченцами в плен. Оружия при себе не было. До августа 1999 г. находился в плену. Не обращался в военкомат (по возвращении домой. — **«Итоги»**) по причине, что не знал о действии «чеченской» амнистии. Об этом узнал 07.04.2000 г., обратившись в Комитет солдатских матерей».

Этого парня выкупили родители — после более чем четырех лет в плену. Это к вопросу о том, есть ли еще «насильственно удерживаемые» с первой кампании. Впрочем, теперь уже Валентина Мельникова склонна согласиться с оценкой Сергея из группы розыска. «Конечно, после того, как наши там все разбомбили, в живых вряд ли кто остался», — говорит она.

Чужие трупы

Временная группа розыска военнослужащих подчиняется Комиссии при президенте России по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести, организованной в 1993 году как совместная российско-американская организация, призванная искать пропавших в ходе Второй мировой, корейской и вьетнамской войн. В 1995 году появилась группа розыска пропавших в Чечне. Из тех, кто пропал в ходе первой кампании, группа освободила 1869 человек на Северном Кавказе и, как выражается глава комиссии, начальник Института военной истории Владимир Золотарев, «установлено местонахождение 897 человек на остальной территории России». Это в основном похожие случаи: солдаты, освободившиеся и попавшие домой без помощи военных.

В 1996 году появилась совместная российско-чеченская группа розыска. С чеченской стороны ее возглавлял тогдашний министр внутренних дел Чечни Казбек Махашев. Совместными усилиями составили список 496 мест массового захоронения на территории Чечни, начали проводить эксгумации. После вывода федеральных войск из Чечни работа совместной группы на время заглохла. Формально она не прекращала существования, но совещания на территории Чечни стали невозможными: сами члены группы обоснованно опасались оказаться в заложниках.

Однако у обеих сторон без вести пропавшими все еще числилось по полторы тысячи человек, чьи родственники продолжали поиски доступными им способами. Солдатские матери ездили в Чечню, иногда находили своих сыновей, иногда их трупы, иногда сами попадали в плен. Часто родственники прибегали к обману. Например, рассказывает сотрудник правозащитного центра «Мемориал» Александр Черкасов, в 1996 году одна чеченская семья сообщила, что у них находится разыскиваемый матерью капитан Каюков, но что в обмен за него они требуют выяснения судьбы четырех своих родственников. Правозащитникам удалось выяснить, что все четверо были расстреляны еще в феврале 1995 года. Пока они думали, как же сообщить об этом семье, тело капитана Каюкова обнаружилось в одной из безымянных могил вместе с телами нескольких гражданских лиц. Чеченская семья, как выяснилось, просто вытянула его фамилию из легкодоступного списка пропавших без вести. Теперь правозащитники держат имеющиеся у них списки в секрете: слишком легко спекулировать этими фамилиями.

В прошлом году деятельность совместной рабочей группы в некотором объеме возобновилась благодаря тому, что в федеральный бюджет были заложены средства на эксгумацию на территории Чечни. В Грозном еще в 1996 году была оборудована «лаборатория первичного опознания», призванная сортировать трупы на чеченцев и всех прочих. Последних отправляли в вагонах-рефрижераторах в Ростов, в знаменитую 124-ю лабораторию, на опознание.

Теперь от грозненской лаборатории осталось частично разрушенное и полностью разграбленное здание близ железнодорожного вокзала и четыре вагона на запасных путях. Назвать их вагонами-рефрижераторами можно только условно: при том что в городе уже несколько месяцев нет электричества, они, конечно, не рефрижераторы. В один из вагонов при обстреле города было прямое попадание, и все, что было внутри, сгорело. У другого взрывной волной выбило двери, но тела остались. Два условно целых вагона тоже уже давно негерметичны. Начальник станции Умар Саипов говорит, что из вагонов постоянно воруют: носилки (брезентовые с металлическим каркасом), фольгу, в которую заворачивались тела. При этом, разумеется, разносят по городу заразу: трупы уже давно разлагаются на жаре.

РОСТОВСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ПО ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОГИБШИХ НАЧАЛА РАБОТАТЬ В ФЕВРАЛЕ 95-ГО. **ЕЕ ГЛАВА, ПОЛКОВНИК ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ** (ВВЕРХУ СПРАВА), ГОВОРИТ, ЧТО С ПЕРВОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ У НИХ ОСТАЛОСЬ ЕЩЕ 254 НЕОПОЗНАННЫХ ТЕЛА. СКОЛЬКО В ВЕДЕНИИ ЛАБОРАТОРИИ НЕОПОЗНАННЫХ ТЕЛ С ЭТОЙ КАМПАНИИ, ОН ГОВОРИТЬ НЕ ХОЧЕТ

Казалось бы, трупы надо просто перезахоронить, как хоронят сейчас сотни трупов в Грозном, — силами МЧС, во избежание эпидемий (см. «Итоги», № 18, 2000). Но сложность заключается в том, что никто не желает признать эти тела своими. Саипов категорически утверждает, что вагоны вместе с трупами пригнали из Ростова на идентификацию и что это трупы российских военнослужащих. Это, конечно, очевидный абсурд, учитывая, что головная лаборатория находится именно в Ростове. Но Саипов ждет, чтобы трупы забрали, и сам захоронения добиваться не собирается.

Вагоны действительно пригнали из Ростова, но пустыми. Содержимое — это останки, эксгумированные на территории Чечни летом прошлого года. Владимир Щербаков, глава ростовской лаборатории, настаивает, что военнослужащих среди них нет — всех забрали в Ростов. У главы президентской комиссии Золотарева другое мнение: останки в вагонах, говорит он, были приготовлены для эвакуации. Иными словами, большинство из них предположительно военнослужащие. Трупы в таком состоянии, что определить возраст или даже пол непрофессионал не может — но могу свидетельствовать, что по крайней мере на одном из трупов надет солдатский сапог, каких на чеченцах никогда не увидишь. Так или иначе, каждого из этих мертвых кто-то где-то ищет уже несколько лет.

Хранилище мертвых

В вагонах-рефрижераторах в Ростове хранятся еще 254 тела военнослужащих, погибших в ходе первой чеченской войны. Из них 24, как выражаются судмедэксперты, «пригодны для визуального опознания», но никто за ними не приезжает. Возможно, это сироты, а возможно, что между ноябрем 1994 года, когда военные начали погибать в Чечне, и февралем 1995-го, когда начала работать лаборатория, их родителям выслали чужие тела. Сколько в ведении лаборатории неопознанных тел с этой кампании, Владимир Щербаков говорить отказывается, но по нашим сведениям их не меньше 300. Недавно захоронены неопознанные тела более ста жителей Чечни, погибших в первую кампанию. «Информация по ним может быть только у МВД Чечни, но где теперь та Чечня и то МВД, — объясняет Щербаков. — Так что тут исчерпана разумная достаточность». Термин «разумная достаточность», как и многие методы, применяющиеся в лаборатории, придуман самими сотрудниками в ходе работы и обозначает «те пределы, за которыми любое исследование дает результаты, повторяющие уже полученные».

Полковник Щербаков — уникальная личность. Его боготворят общественники — фонд Сороса дал ему премию, солдатские матери и правозащитники произносят его фамилию с благоговением — и недолюбливают военные. Генерал Сергей ворчит, что Щербаков слишком много внимания уделяет своим научным разработкам, а гора неопознанных тел растет. Валентина Мельникова из Комитета солдатских матерей объясняет: «Лаборатория Щербакова сейчас военным не нужна. Она выявляет свинство, которое творится с людьми: они поступают без жетонов, без документов». Сам Щербаков говорит, что жетоны — «сплошное расстройство»: солдаты вечно меняются ими «на счастье», и в результате тела поступают с неверными данными — и хорошо, когда в лабораторию, а не сразу родителям. Мельникова добавляет, что командиры, во-первых, отказываются объяснять солдатам важность хранения собственного жетона, а во-вторых, давно должны бы создать документы с фотографией и обязать бойцов носить их при себе. Сам Щербаков написал законопроект, обязывающий военкоматы брать у новобранцев отпечатки пальцев, образцы крови, но комиссия при президенте, которая должна по логике вещей продвигать этот законопроект в Думе, этим явно не занимается. Владимир Золотарев не мог даже сказать мне, кем из депутатов представлен этот законопроект, если представлен вообще.

Впрочем, сам Щербаков говорит, что даже существование его лаборатории — огромный шаг вперед для России. «В Отечественную войну хоронили на месте смерти и посылали похоронку, — говорит он. — В афганскую войну запаивали в цинк, вскрывать гроб было запрещено». Так что в феврале 1995 года, когда была создана лаборатория, она начинала работу с нуля. Та самая «научная работа», за которую критикует Щербакова Сергей, — это создание уникальных методов опознания тел. Например, используя отпечатки пальцев погибшего и возможных родственников. «Все слышали про ДНК, — говорит Щербаков, — но мы по бедности пошли другим путем — при помощи бумаги и типографской краски. Не надо было велосипед изобретать: то, что отпечатки пальцев наследуются, известно с XIX века». Изобретать пришлось компьютерную программу для сравнения отпечатков. Вообще специальных компьютерных программ здесь создано около десятка: для сопоставления генетических данных, информации о зубах, для «портретно-черепного совмещения».

Больше всего от других военных учреждений 124-я лаборатория отличается тем, что здесь все — штучный товар. На всех компьютерах, телефонных и прочих аппаратах — таблички: «Подарок А.И. Лебедя»; «Подарок Комитета солдатских матерей»; «Подарок администрации Рос-

В РОСТОВЕ В ВАГОНАХ-РЕФРИЖЕРАТОРАХ (ВНИЗУ), ГДЕ ХРАНЯТСЯ НЕОПОЗНАННЫЕ ТЕЛА СОЛДАТ С ТОЙ ВОЙНЫ, ЕЩЕ ОСТАЛИСЬ ТЕ, КОГО МОЖНО «ОПОЗНАТЬ ВИЗУАЛЬНО»

ВАЛЕНТИНА МЕЛЬНИКОВА ИЗ КОМИТЕТА СОЛДАТСКИХ МАТЕРЕЙ УБЕЖДЕНА, ЧТО ДЛЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ УЖЕ ДАВНО ПОРА ЗАВЕСТИ НОВУЮ ФОРМУ ДОКУМЕНТОВ — С ФОТОГРАФИЕЙ. ТОГДА, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, РОДИТЕЛЯМ ПЕРЕСТАЛИ БЫ ВЫСЫЛАТЬ ТЕЛА ЧУЖИХ ДЕТЕЙ

това-на-Дону». Работают здесь девять офицеров и 51 гражданский человек. Компьютерщик Анатолий Самарин со шкиперской бородкой, утверждающий, что он родом из НИИЧАВО, автор всех здешних программ. Лаборант Светлана Алексеевна объясняет: «Здесь же не только отпечатки пальцев. У нас тут родители рыдают, их в храм надо отправлять, объяснять им, как каяться». Завхоз Анатолий Котляров, полковник запаса, проработавший 33 года на плесецком полигоне заместителем начальника по испытаниям, рассказывает: «Вот купили дрель: девчата приходят — надо в черепе надрез сделать, а чем, как не дрелью? Или: «Анатолий Иванович, кость резать нечем, дайте пилу по металлу». Паяльник купил — себе купил! — а они: «Нужно трещины в черепах запаивать, чтоб окончательно не развалились». Или вот приехала мать — ну, женщина она и есть женщина, — говорит: «Не уеду, пока вы мне его в деревянном гробу не отдадите». А у нас ни дерева, ничего. Но начальник говорит: «Анатолий Иванович, умоляю, сделай ей». Ну, мы с бойцами три дня по мусору искали, сколотили ей, довольна осталась».

«Довольна» — странное слово для матери, получившей тело своего убитого сына. Тем не менее, говорят сотрудники, когда родителям говорят, что они признали своего сына в чужом — а такое, хоть и нечасто, но бывает — первая реакция бывает резко отрицательной. Затем просыпается надежда: если нет тела, то, может, сын еще жив. И начинается бесконечный, почти всегда обреченный поиск.

Поиск без конца

С первой чеченской войны остались сотни людей с обеих сторон, не оставляющие поисков своих близких. В Чечне ходят упорные слухи, что на территории России существуют по крайней мере две секретные зоны, где содержатся чеченцы, схваченные четыре-пять лет назад. Российские правозащитники считают, что это невозможно: нет ни механизма для того, чтобы «засекретить» заключенных внутри пенитенциарной системы, ни резона это делать. Впрочем, вполне понятно, почему очень многие чеченцы верят в этот миф: во-первых, он ничуть не менее вероятен, чем, например, то, что армия будет бомбить город на территории своей страны или что целый народ может быть депортирован; во-вторых, никто, включая Владимира Золотарева, не сомневается в возможности того, что несколько чеченцев, пропавших во время той кампании, осуждены по уголовным статьям и сидят в колониях в России, пока родственники их разыскивают. «Это огромный миф, в основе которого — маленькое зернышко, размером с маковое», — говорит сотрудница «Мемориала» Ольга Трусевич. Ее коллега Александр Черкасов добавляет: «С тем, что родственников, скорее всего, после форсированного допроса закопали в землю, никто не смирится. Люди заинтересованы не столько найти могилу, сколько искать бесконечно».

По сведениям «Мемориала», число таких бесконечно ищущих с чеченской стороны благодаря действиям федеральных сил растет ежедневно. При том, что созданные на территории Чечни фильтрационные пункты формально являются следственными изоляторами в системе Главного управления исполнения наказаний, подчас довольно много времени проходит между задержанием — скажем, на блокпосту — и «оприходованием» задержанного. А иногда человек пропадает, и никаких следов его задержания, кроме рассказов очевидцев, нет. В «Мемориале» скопились стопки заявлений: Изнауров Якуб, 1966 года рождения, 5 февраля уведен военными из дому в Грозном в неизвестном направлении; в тот же день из села Шами-Юрт уведены Ислам Ибрагимов и братья Альви и Ахмед Дашаевы, тело последнего найдено в лесу 7 марта; 18 февраля трое мужчин на двух автомобилях были отделены от колонны беженцев на блокпосту у села Дуба-Юрт, их автомобили, расплющенные бронетехникой, обнаружились в конце марта; и так далее. «Почему возможны пропавшие без вести после задержания? — спрашивает Черкасов. — Потому что за них никто не отвечает». Поэтому их можно безнаказанно убить и закопать, не отходя от блокпоста, — подобные случаи в первую кампанию доказаны. Но Александр Черкасов имеет в виду не только тайные могилы преступно убитых, но и безымянные могилы погибших, например, за время бомбардировок Грозного, и перезахороненных силами МЧС.

Похоже, время подобных предостережений прошло. Масштабы исчезновений как чеченцев, так и российских военнослужащих уже можно считать катастрофическими — ведь с российской стороны пропавших уже столько же, сколько осталось с той кампании. Освобождения, по словам Владимира Золотарева, «носят стихийно-спорадический характер». Это при том, что был опыт работы в той кампании, и, как считалось, можно будет использовать чеченцев, задержанных в Чечне и за ее пределами, в качестве «обменного фонда». Обмены происходят, говорит Золотарев, но не носят систематического характера. Именно это и выводит из себя Валентину Мельникову из Комитета солдатских матерей: матери, разыскивающие сыновей, обращаются в комитет чуть ли не каждый день, группа розыска, как она считает, делает далеко не все возможное, торгуясь с чеченцами о том, кого те освободят в первую или во вторую очередь, — вместо того, чтобы организовать максимальное количество обменов. Возможно, тут она не права, ведь всякий успешный обмен некоторым образом поощряет бандитов. Но поспорить с другим ее утверждением невозможно: 15 мая, подчеркивает она, истек срок думской амнистии для участников чеченских вооруженных формирований, который служил юридическим обоснованием для освобождения чеченцев в ходе обмена. Таким образом, российская сторона осталась без обменного фонда.

Генерал Сергей уверял меня, что группа розыска освобождает военнослужащих без всякого обмена. Правда, посредник, на встречу с которым мы ехали в Гудермес, так и не явился. Через несколько минут после того, как мы вернулись в штаб в Моздоке, зазвонил телефон. «Обнаружился человек около Гудермеса, — с гордостью сообщил Сергей, повесив трубку, и назвал имя и фамилию пленного. — Завтра едем освобождать заложника. Если останешься, можешь поприсутствовать». Я не осталась: слишком ненадежным было обещание. ■

Из рук в руки

Для успешной борьбы с коррупцией высшая исполнительная власть прежде всего должна избавиться от предпочтений

Наталья Калиниченко, Венера Карпинская

ОПУХОЛЬ

Финансовый директор небольшой фирмы из Вятки недавно возмущалась в разговоре с корреспондентом «Итогов»: мол, чиновники совсем стыд потеряли — взятки берут, но при этом ничего не гарантируют. То ли дело в Санкт-Петербурге, там уж если кто взял, то обязательно поможет, говорила она.

Российские граждане чуть не каждый день сталкиваются с коррупцией, причем этот фон, сопровождающий жизнь активной части населения, за постперестроечный период стал настолько привычным, что никого не удивляет.

По размаху коррупции в посткоммунистических странах Россия занимает в международных рейтингах вполне «почетное» место. Правда, все рейтинги и исследования эти нельзя считать абсолютно точными, поскольку они базируются на субъективных впечатлениях бизнесменов, тем более иностранных инвесторов. «Транспэренси Интернэшнл» (международная организация по вопросам прозрачности) поместила Россию в 1999 году на 82-е место из 99 с рейтингом 2,4 по десятибалльной шкале (10 — минимальный уровень коррупции). По совокупному индексу коррупции, выведенному на основе целого ряда факторов американским экономистом Кауфманом, Россия заняла 113-е место, всего же в поле его зрения попали 155 стран. По итогам обследования 1997 года, проведенного английским журналом «Экономист», уровень коррупции в СНГ был существенно выше, чем в любом другом регионе мира.

Судить о масштабах коррупции очень сложно, тем более измерить их в абсолютном денежном выражении. Можно лишь дать некоторые ориентиры: в исследовании, проведенном в 1999 году Европейским банком реконструкции и развития и Всемирным банком, указывалось, что российские фирмы тратили на взятки в среднем 4,1% своего годового дохода, что несколько ниже среднего для стран СНГ уровня — 5,7% (см. таблицу 3). Практически не поддается оценке размер взяток на самом высоком уровне, а также масштабы ущерба от этого явления в целом для экономики.

«Если акция против «Медиа-Моста» устрашающая, это, безусловно, плохо. Перед законом должны быть все равны, и если мы ведем речь о свободе слова, печати, неких демократических принципах, то нужно из этого исходить. Мне трудно анализировать, я не хочу в дурацкое положение ставить своих коллег, которые осуществляют проверку и выемку документов с санкции прокуратуры. Но хочу подчеркнуть, вне зависимости от конкретного эпизода — будь то ситуация с «Мост-Медиа» или то, что планировалось в качестве серьезных проверочных мер по линии ОРТ и ВГТРК, — мне бы очень не хотелось, чтобы политическая конъюнктура и неудовольствие теми или

Y — процент компаний, признающих, что зависимость государства от частных интересов оказывает значительное и очень значительное влияние на их бизнес.

Компаниям был задан вопрос, зависит ли их бизнес от влияния частных интересов на законодательную деятельность парламента и решения президента.
Источник: **Business Environment and Enterprise Performance Survey**

Растем!

«До 1996 или 1997 года тема борьбы с коррупцией интерпретировалась в зависимости от политической ситуации — от выборов, путчей и т.д. Мало кто действительно пытался разобраться, что же это за явление и что нужно сделать, чтобы оно не наносило ущерба финансовой, кредитной и бюджетной сферам экономики», — рассказывал в беседе с корреспондентом «Итогов» председатель Счетной палаты Сергей Степашин. Сегодня уровень осознания этой проблемы несколько иной: ею серьезно занимаются и Госдума, и правительство, и научные круги.

По словам г-на Степашина, не случайно именно сейчас нарушено многолетнее табу на обсуждение темы российской коррупции на международном уровне. И связано это, как ни парадоксально, в том числе и с наметившимся экономическим ростом.

Дело в том, что раньше на Западе нередко закрывали глаза на реальные процессы, происходившие в нашей стране, полагая, что это — издержки, связанные со сменой формаций, и главное — чтобы страна не вернулась к коммунистическому прошлому, холодной войне, железному занавесу и т.д. «Сегодня, очевидно, что Россия идет вперед, и мы не вернемся к северокорейскому, кубинскому или югославскому вариантам, — говорит Степашин. — На нас смотрят как на партнера, с которым нужно говорить на одном экономическом и инвестиционном языке. Сегодня никто просто так денег в политику, как это было при Коле и Буше, в Россию вкладывать не будет, особенно после серьезных потерь, понесенных инвесторами в результате дефолта 1998 года».

Но в разговорах о российской коррупции на международном уровне неизменно присутствует политический нанос. «Лейбл «коррупционная страна» иногда выгоден и для тех, кто считает, что Россия опасна как конкурент на рынках оружия, авиации или энергоресурсов. Мы — огромнейшая страна с неплохими природными ресурсами, дешевой и качественной рабочей силой. Если мы так на матушку Европу пойдем, то через годика два вступим в ВТО и можем разрушить европейский рынок, и это вполне серьезно, — говорит Сергей Степашин. — Можно подумать, что в Прибалтике или в Средней Азии меньше коррупционных процессов! Вот про Казахстан ни слова не говорится, потому что они там купили уже все на 90%, совершенно спокойно, за бесценок. Мне бы очень не хотелось, чтобы громкие дела, подобные скандалу с «Бэнк оф Нью-Йорк», использовались в определенных политических целях. Я и по сей день убежден, что при проверках, которые проводила швейцарская прокуратура (я с г-жой дель Понте дважды встречался на эту тему), были серьезные натяжки». Между тем политические дела имеют обыкновение рассыпаться, а в результате страдают как те, против кого эти дела заводятся, так и заказчики и имидж исполнителей — правоохранительных органов.

В мутной воде

Аналитики, исследовавшие российскую коррупцию, приходят к неутешительному выводу: явление это приобретает системный характер. То есть государственная политика непосредственно зависит от частных интересов лиц, находящихся у власти или способных влиять на власть, основную часть заработка чиновников составляют дополнительные и теневые доходы, коррупционное поведение стало нормой экономической и правовой культуры, а исполнительная власть активно использует «теневые» формы мобилизации доходов и стимулирования (может закрывать, к примеру, глаза на неуплату какой-то части налогов, если предприятие «скидывается» в специальные фонды). «Когда чиновник, принимая какое-то решение на самом высоком уровне — о таможенной, государственно-лицензионной политике, — руководствуется интересами совершенно конкретных групп и другие группы не имеют возможности оспорить такие решения, то именно он представляет собой вершину коррупции. Во второй период президентства Ельцина эта тенденция имела особенно выраженный характер», — констатировал в беседе с «Итогами» ректор Высшей школы экономики Ярослав Кузьминов. Как считает Сергей Степашин, после 1996 года страна расплачивалась за выборы (серия залоговых аукционов передала в руки финансово-промышленных групп большие куски государственной собственности).

База у коррупции одна — слабость государства, несоответствие его админи- ►

иными СМИ приводило к нажиму на правоохранительные органы. Мало того, что дела такие, как правило, разваливаются, это очень серьезный удар по самим правоохранительным органам. Я бы не хотел, чтобы под эгидой борьбы с коррупцией мы начали бить по тем, кто реально умеет работать.»

стративных, финансовых возможностей, а также возможностей контроля с объемом обязательств перед гражданами и предприятиями. Классический пример — никуда не годное управление госпакетами акций и госпредприятиями. Федеральная власть, не справляясь со своими функциями, способна лишь запугивать компании, проводя, к примеру, периодические наезды на Газпром и нефтяные компании. При этом региональные власти в «административном» смысле бодры и целенаправленно вмешиваются в функционирование предприятий, распределение собственности. По объему реально осуществляемых полномочий регионы сильно обошли государство, что позволяет говорить о «новом феодализме».

Мало того, что государство не умеет управлять своей собственностью, то есть оказывает услуги заведомо неудовлетворительного качества. Оно создает искусственный дефицит своих услуг, экономя на квалифицированных менеджерах и плодя «дешевых» чиновников, а значит, увеличивая сферу вмешательства в дела хозяйствующих субъектов (государство раздуло свой аппарат до размеров, превосходящих советскую и партийную бюрократию вместе взятых). «Специфически российский источник коррупции — когда появляются некие искусственно созданные зоны для административного выбора чиновника», — говорит Ярослав Кузьминов. Такие зоны в 90-е годы неимоверно разрослись. «У нас в то время образовался так называемый социальный навес, — рассказывает г-н Кузьминов. — Экономика стала либеральной, государство перестало перераспределять все до последнего гвоздя, а социальные обязательства государства, зафиксированные в новых законах, не только не уменьшились, но, пожалуй, еще и возросли. Если мы посчитаем все социальные обязательства государства от закона о ветеранах до закона об образовании, то они составят два с половиной консолидированных бюджета. Их объем достигает порядка 70 млрд. долларов, или 50% ВВП. Понятно, что государство реально финансирует лишь 10–15% этих обязательств». Так и возникает прекрасная почва для субъективных решений чиновников, «сидящих» на распределении государственных ресурсов. Неплатежи государства потянули за собой цепочку других неплатежей. Появилось несколько видов расчетов: бартерные расчеты, векселя, безналичные расчеты через банки—проводники налоговых платежей, где деньги совершенно спокойно могли «потеряться», копились долги.

Обмен услугами между государством и компаниями 2

Источник: **Business Environment and Enterprise Performance Survey**

На региональном уровне система несколько другая. После некоторого периода свободы начала 90-х, когда никто никого не лицензировал, местные власти, не имея собственной налоговой базы, пошли по пути массового введения «рогаток» (различные виды надзора — пожарные, санэпидстанции и т.д.), создавая некий механизм поступления средств предприятий региональным властям. «В этом случае вместо «чистого» налога, за который голосуют избиратели, вводится какой-то «мутный» налог, размер которого сильно зависит от человека, оказавшегося у «крана», — говорит г-н Кузьминов. — Совершенно неизвестно, какая доля дохода идет местным региональным властям, а какая оседает в карманах пожарников, работников санэпидстанций и т.д.».

Немаловажно и то, что коррупция не достигла бы таких масштабов, если бы не имела подпитки «снизу», не поддерживалась бы населением и предприятиями: две трети работоспособного населения вовлечены сегодня в теневую экономику, поскольку никому не выгодно платить драконовские налоги. А поскольку в теневой экономике отсутствуют универсальные механизмы контроля за соблюдением контрактов, каждая сделка несет потенциальную возможность воровства внутри фирмы: коррупция начинает разлагать не только государство, но и предприятия.

Их борьба

Формулируя рецепты борьбы с коррупцией, аналитики сходятся в одном: плясать нужно от печки. Первое, с чего нужно начать, — с внутренней консолидации государства, то есть завершить форми- ▶

ПАВЕЛ ГОРШКОВ

РЕКТОР ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ ЯРОСЛАВ КУЗЬМИНОВ СЧИТАЕТ, ЧТО НУЖНО РЕЗКО СОКРАТИТЬ КОЛИЧЕСТВО ЧИНОВНИКОВ, ОДНОВРЕМЕННО ПОВЫСИВ ОСТАЛЬНЫМ ЗАРПЛАТЫ, СКАЖЕМ, ДО УРОВНЯ СРЕДНЕГО УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ЗВЕНА КРУПНЫХ КОРПОРАЦИЙ. ТОГДА ЧИНОВНИК ХОРОШЕНЬКО ПОДУМАЕТ, СТОИТ ЛИ РИСКОВАТЬ РАБОТОЙ И БРАТЬ ВЗЯТКУ

СТАТИСТИКА

Государственное управление в переходный период

Европейский банк реконструкции и развития совместно со Всемирным банком провел в 1999 году широкое исследование экономических «корней» коррупции, пытаясь определить, насколько велико и эффективно государственное вмешательство в жизнь компаний, насколько велика степень зависимости власти от крупных корпораций. С основными выводами первого исследования подобного рода мы коротко знакомим читателей.

Первоначальные надежды на то, что реформы избавят компании от государственного вмешательства — процесс, получивший название деполитизиции, — в большинстве переходных стран не оправдались. Государство и хозяйствующие субъекты по-прежнему тесно взаимодействуют друг с другом: государство подпитывает компании деньгами, а те, в свою очередь, позволяют государственным чиновникам влиять на принятие решений и кормят взятками. Подачки от государства могут быть разными — от прямой денежной помощи до косвенной, когда компаниям прощают (или не торопятся требовать) налоговые и коммунальные задолженности.

Однако успешное осуществление реформ вовсе не предполагает полного невмешательства государства в экономическую стратегию фирм. Очевидно, что не само государственное вмешательство ослабляет управление и создает помехи бизнесу, а характер этого вмешательства. Связь между управлением и реформами не единообразна. Компании в странах, наиболее и наименее продвинувшихся по пути реформ, говорят о более благоприятных условиях управления, чем там, где реформы носят половинчатый характер (и это объяснимо: страны, частично осуществившие реформы, разрушили старую, но не построили новую государственную машину, на которой могло бы базироваться рыночное управление. В такой ситуации компании видят неспособность государства соответствовать требованиям нарождающейся рыночной экономики).

Качество государственного управления неразрывно связано также с размахом лоббизма. То, насколько государство склонно поддаваться давлению интересов крупных групп, — очень важный фактор. «Поддающиеся» государства, как правило, предоставляют лоббистам определенные преимущества, одновременно подминая институты, призванные совершенствовать качество управления, что дорого обходится всей остальной экономике. Уровень несвободы государства обычно соответствует степени влияния на государственную политику групп интересов.

График 1 на стр. 30 показывает процент компаний в разных странах, признающих, что их бизнес страдает от несвободы государства. В России, например, более 40% компаний несут ущерб от влияния частных интересов на законодательную деятельность, что выражается в способности некоторых лиц и компаний «заказывать» у правительства законы, соответствующие их собственным интересам. Оказалось, впрочем, что в России компаний, которые, по их свидетельствам, имеют влияние на региональные власти, почти вдвое больше, чем тех, которые могут влиять на федеральную власть. Особенно на исполнительную власть — в чем призналась почти четверть отечественных фирм.

Как показывают данные опроса, в переходных странах, где зависимость государства от лоббизма относительна высо-

Частота и размер взяток

3

СТРАНА	ПРОЦЕНТ КОМПАНИЙ, ДАЮЩИХ ВЗЯТКИ ЧАСТО, ОЧЕНЬ ЧАСТО, ВСЕГДА	СРЕДНИЙ РАЗМЕР ВЗЯТКИ В ПРОЦЕНТНОМ ОТНОШЕНИИ К ГОДОВОМУ ДОХОДУ КОМПАНИИ
АЗЕРБАЙДЖАН	59,3	6,6
АРМЕНИЯ	40,3	6,8
БЕЛОРУССИЯ	14,2	3,1
БОЛГАРИЯ	23,9	3,5
ВЕНГРИЯ	31,3	3,5
ГРУЗИЯ	36,8	8,1
КАЗАХСТАН	23,7	4,7
КИРГИЗИЯ	26,9	5,5
ЛИТВА	23,2	4,2
МОЛДАВИЯ	33,3	6,1
ПОЛЬША	32,7	2,5
РОССИЯ	29,2	4,1
РУМЫНИЯ	50,9	4,0
СЛОВАКИЯ	34,6	3,7
СЛОВЕНИЯ	7,7	3,4
УЗБЕКИСТАН	46,6	5,7
УКРАИНА	35,3	6,5
ХОРВАТИЯ	17,7	2,1
ЧЕХИЯ	26,3	4,5
ЭСТОНИЯ	12,9	2,8

1. Компании должны были оценить следующее утверждение: «В моей сфере деятельности практикуются неофициальные выплаты, помогающие уладить дела». Варианты ответов: практикуются постоянно, очень часто, часто, иногда, редко, никогда не практикуются.
2. Компаниям был задан вопрос: «Какой процент годового дохода составляют неофициальные выплаты государственным чиновникам у компаний, подобных вашей?» Размеры взяток в процентах от годового дохода варьировались в следующих пределах:
до 1, 1–1,99, 2–9,99, 10–12, 13–25, более 25.
Источник: **Business Environment and Enterprise Performance Survey**

▶ рование правовой системы, укрепить судебную систему. «Самое главное, — говорит Сергей Степашин, — закрыть дыры в экономическом законодательстве. Ведь многие действия, которые носят коррупционный или в целом уголовно наказуемый характер, на самом деле по закону не наказуемы».

Не секрет, что в России крайне плохо исполняется законодательство. По словам г-на Кузьминова, население и мелкие предприятия часто боятся обращаться в суд, потому что они твердо знают: их интересов суд не защитит, поскольку руководствуется не законом, а интересами региональных начальников. Судебная реформа должна состоять в укреплении материально-финансовой базы судов и перенарезке судебных округов — чтобы они не совпадали с округами административными, проще говоря, покончить с ситуацией, когда у каждого администратора есть собственный судья.

Сходятся аналитики и в том, что нужно резко сократить госаппарат и одновременно увеличить зарплаты чиновникам, установив их на уровне зарплаты среднего менеджерского состава крупных корпораций, пусть даже до 4–6 тыс. долларов, чтобы стимулировать конкуренцию за эти места.

Быстро провести такие реформы трудно, поэтому желательно сократить сферу для возможной коррупции — максимально ограничить вмешательство государства в деятельность хозяйствующих субъектов, а значит, дерегулировать экономику. Ведь создать условия для дерегулирования гораздо легче и дешевле, чем регулировать экономику.

Особая статья — предсказуемость государства. Для всех министерств, для всех ведомств нужно вводить четкие регламенты, четкие описания процедур выбора, альтернатив поведения чиновника. «Чем ниже расположен чиновник, тем больше его деятельность должна быть регламентирована», — считает г-н Кузьминов. Для этого требуется вводить систему административной юстиции — юстиции, которая судит человека с государством. Суды общей инстанции не могут этого делать, поскольку они завалены гражданскими делами. Административные дела, по всей видимости, должны быть выделены в отдельное производство с совершенно независимыми судьями. Но для того, чтобы была возможность подать иск, права и обязанности чиновника должны быть четко прописаны.

Что касается силовых министерств, то по коррупционным делам нужна высокая координация и слаженность. Лишь в этом случае удастся достичь результата. «Приведу пример достаточно эффективной и успешной работы по Новороссийскому порту, когда МВД, ФСБ, Счетная палата, Генеральная прокуратура были включены в единую команду, — рассказывает Сергей Степашин. — Там было возбуждено около 150 уголовных дел, многие доведены до логического конца: есть осужденные».

Такая же координация нужна и на международном уровне. «Госдума ратифицировала наконец две конвенции о правовой помощи по уголовным делам, — говорит глава Счетной палаты. — Сегодня сняты все юридические ограничения на совместную работу с правоохранительными органами стран Совета Европы. Теперь можно проводить совместные операции, заниматься совместными выемками и т.д. Такое же соглашение, кстати, мы подписали недавно с американцами по линии Министерства юстиции (в США Минюст включает в себя всю правоохранительную систему. — **«Итоги»**). Так что теперь есть возможность более тесно и серьезно работать, в частности по «Бэнк оф Нью-Йорк».

Все эти рецепты актуальны лишь при наличии у властей политической воли. Пока же, к сожалению, все указывает на то, что борьба с коррупцией может ограничиться популистскими лозунгами. Власти демонстрируют избирательность — одним олигархам дают добро на создание крупной алюминиевой монополии, другим устраивают «маски-шоу». ■

Использованы доклады ректора Высшей школы экономики Ярослава Кузьминова и представителя Второго европейского управления МВФ Джеймса Роуфа для международной конференции «Инвестиционный климат и экономическая стратегия России»

ка, компании предпочитают прямые контакты с правительственными чиновниками, а отношения с госучреждениями носят более формальный характер. Опора на непосредственные связи с чиновниками способствует расцвету взяточничества и коррупции. Такие связи скорее работают на интересы конкретных фирм, а не регионов или групп интересов. Тем меньше вероятность, что в «зависимых» странах деловые круги станут предпринимать коллективные усилия, чтобы заставить правительство создать государственные службы, совершенствующие экономическое управление в целом. Наоборот, лоббистские усилия направлены исключительно на то, чтобы удовлетворить узкособственнические интересы.

Исследования показывают, что чем сильнее зависимость государства от лоббистов, тем слабее система управления. «Несвободные» государства облагают компании более суровыми налогами, мучают их всевозможными распоряжениями, требуют большего количества взяток, вредят на макроэкономическом уровне и менее эффективны в соблюдении закона и порядка. Таблица 3 показывает процент компаний в разных странах, которые часто и очень часто дают взятки, а также долю этих неофициальных выплат в годовом доходе. Приплюсованные к официальным налогам, неофициальные поборы делают финансовое бремя предприятий еще более тяжким.

Крупным фирмам приходится легче. У них на взятки уходит в среднем 2,8% от годового дохода. Тогда как небольшие предприятия тратят на то же примерно 5,4%. А в Армении, Украине, Узбекистане и Молдавии небольшие фирмы расходуют на взятки до 8–9% своего годового дохода. Не говоря о том, что им приходится осуществлять неофициальные выплаты гораздо чаще, чем солидным предприятиям. Высокая частотность денежных подношений у таких фирм напрямую связана с количеством времени, которое их руководители тратят на общение с властями.

Своеобразный налог на время — еще одна из мер воздействия государства на предприятия. В России, например, руководители государственных предприятий более четверти своего времени тратят на общение с чиновниками. Частные компании жалуются на тяготы «временного оброка» в меньшей степени. Прямое общение с властями обеспечивает некий обмен услугами (см. схему 2). Несомненно, переход от централизованного планирования к рыночной экономике привел к сокращению всех «услуг» за исключением взяток. В связи с этим встает вопрос: почему в процессе перехода к рыночной экономике коррупция увеличивается? Можно предложить такой ответ: взятки заменяют более непосредственное вторжение государства в частный бизнес.

У вновь создаваемых частных фирм складываются совершенно особые отношения с государством. Здесь довольно низок уровень государственного вмешательства, но размеры взяток превышают средний уровень. Новые фирмы получают крайне мало прямых субсидий (государство куда с большей охотой субсидирует государственные предприятия, а не частные фирмы, хотя более 15% приватизированных фирм тоже до сих пор получают государственные субсидии), и все они, как прямые, так и косвенные, весьма незначительны. Высокие регистрационные и прочие расходы, возложенные на новые фирмы, сочетающиеся с минимальной государственной помощью, становятся фактором, который угрожает развитию частного сектора во многих странах с переходной экономикой.

Источник: **European Bank for Reconstruction and Development. Transition report 1999.**

Программа «Б»

Стратегия развития и ее место в новейшей российской истории

Владимир Мау

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

ПРОГРАММОТВОРЧЕСТВО В РОССИИ ВСТУПИЛО В РЕШАЮЩУЮ ФАЗУ. Инаугурация Владимира Путина ставит на повестку дня обнародование его программы действий. Конечно, факт вступления в должность — не повод для публикации программы. От Бориса Ельцина программы вообще никто не требовал: в 1991 году этого было еще не нужно, а в 1996 году уже не нужно. В развитых же демократиях документы такого рода принято обнародовать — еще до выборов. Собственно, единственная причина, по которой программу предстоит обнародовать сейчас, — обещания это сделать.

Пишу об этом не для того, чтобы приуменьшить ее роль. Напротив, по моему глубокому убеждению, значение программы, подготовленной в ~~рамках~~ Центра стратегических разработок, выходит за рамки чисто политического или административного документа. Это не только политический документ, поскольку его задача не сводится к завоеванию симпатий избирателей и победе на выборах. Это и не только административный документ, поскольку даже при том, что программа содержит перечень вполне конкретных мероприятий, она еще должна быть трансформирована в систему нормативных актов.

Разработанный документ и логически, и исторически тесно связан с первой посткоммунистической программой экономических реформ России 1992 года. Впервые с 1992 года мы получили не только комплексный, но и достаточно последовательный, концептуально целостный документ, определяющий перспективы развития страны. В нем выявлены и обозначены реальные тенденции развития общества, определены целевые установки и логические этапы, которые надо пройти для достижения обозначенных целей. Продолжительность периода, за который эти задачи будут решены на практике, зависит от множества привходящих обстоятельств — баланса существующих групп интересов, нюансов политической борьбы, внешних факторов и др.

А вот от того, насколько точно программный документ отражает объективные потребности данного общества, зависит очень многое. И прежде всего способность оставаться программой действий в подлинном смысле этого слова, то есть не зависеть от политической конъюнктуры. Именно такой была программа 1992 года, ставившая целью макроэкономическую стабильность и формирование базовых рыночных институтов (прежде всего денежной системы и частной собственности через массовую приватизацию). Известно, что поначалу основные идеи программы 1992 года отрицались не только большинством общества, но и большинством влиятельных групп интересов. Казалось, что реформы Гайдара надуманны и искусственны, не соответствуют традициям страны и запросам ее населения. Что стоит только сменить команду — и с этим курсом немедленно будет покончено.

Однако менялись министры, вице-премьеры и премьеры, а курс экономической политики в своих принципиальных чертах оставался прежним. Далеко не всегда он реализовывался последовательно, что приводило к дополнительным издержкам. Но общее направление политики сохранялось. Бывало даже, что наиболее решительно идеи Гайдара реализовывались как раз теми, кто наиболее громко их отрицал.

Причина этого очевидна: программа-92 задавала те направления и механизмы развития страны, которые соответствовали объективным задачам. Такой же должна быть и новая Программа-2000.

В этом пункте также отчетливо прослеживается генетическая связь документов 1992 и 2000 годов. К концу 90-х основные задачи, которые ставила гайдаровская программа, были реализованы. Страна обрела макроэкономическую стабильность — последним по времени стало преодоление бюджетного кризиса. Прошла приватизация, и большая часть собственности не является больше государственной.

В центр внимания российской власти теперь встают институциональные проблемы и структурная политика. Цель — выход на траекторию устойчивого экономического роста, причем темпами, позволяющими начать сокращение разрыва с уровнем экономически развитых стран мира. Программа должна ответить на вопрос: как этого добиться. И экономическая теория, и опыт других стран свидетельствуют о том, что для решения названной задачи необходимо формирование современных и эффективных экономических институтов (то есть «правил игры»). Причем особенностью эффективных институтов постиндустриального общества является то, что они должны стимулировать предпринимательскую активность граждан. Только возникновение соответствующих стимулов может создать базу для роста российской экономики темпами, превышающими среднемировые.

Это задачи гораздо более сложные, нежели в 1992 году. При всей болезненности макроэкономической стабилизации, она предполагает осуществление достаточно очевидных мероприятий, хорошо известных из опыта других стран. Однако отсутствие политической стабильности, слабость государственной власти привели к тому, что выполнение программы, рассчитанной на три года, заняло примерно восемь лет.

Иное дело — институциональные реформы. Здесь требуется гораздо больше индивидуальных решений, связанных с особенностями данной страны и конкретным балансом социальных сил и интересов. Недаром новая программа разработана на десятилетний период. Сколько ее реализация займет на самом деле? Пока сказать трудно. Многое зависит от того, насколько успешной окажется политическая консолидация режима и, соответственно, будет ли у властей достаточный ресурс для последовательной реализации намеченных целей.

Владимир Мау — руководитель Рабочего центра экономических реформ

Первая пятилетка Пятой республики

Во Франции спорят о сокращении президентского срока с 7 до 5 лет. В дело идут точно те аргументы, которыми у нас доказывают необходимость реформы, противоположной по смыслу

ОТНОШЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА И ПРЕМЬЕРА ВО ФРАНЦИИ, КОГДА ОНИ ПРИНАДЛЕЖАТ К РАЗНЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЛАГЕРЯМ, — ЭТО НЕ ПРОСТО ПОЛИТИКА, НО И НЕМНОГО ТЕАТР. **ПЬЕСА ПОД НАЗВАНИЕМ «ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЖИТЕЛЬСТВО» ГОДАМИ ДЕРЖИТ В НАПРЯЖЕНИИ ПЕРЕД СХВАТКОЙ ЗА ОЧЕРЕДНОЙ ПРЕЗИДЕНТСКИЙ МАНДАТ.** СЛЕВА: 1995 ГОД. ЭКС-ПРЕМЬЕР ЖАК ШИРАК СМЕНЯЕТ ЭКС-ПРЕЗИДЕНТА ФРАНСУА МИТТЕРАНА В ЕЛИСЕЙСКОМ ДВОРЦЕ. СПРАВА: ПРЕМЬЕР ЛИОНЕЛЬ ЖОСПЕН СТАНЕТ ГЛАВНЫМ СОПЕРНИКОМ ПРЕЗИДЕНТА ШИРАКА НА ВЫБОРАХ 2002 ГОДА

Дмитрий Сабов

ВЛАСТЬ

Маршал Мак-Магон, победитель адмиралов Нахимова и Корнилова при Севастополе в 1855 году, прославился еще и как первый президент Франции, избранный в 1873-м на семилетний срок. Время было, что называется, непростое: до Третьей республики (то есть до принятия третьей по счету конституции) оставалось еще два года, после разгрома Парижской коммуны (1871-й) бал в стране и парламенте правили монархисты, которые только потому и ухватились за кандидатуру заслуженного вояки, что не могли договориться, кого именно выдвинуть на престол. Надо ли объяснять, что президентские полномочия в такой ситуации были весьма размыты: один из предшественников маршала, Луи-Наполеон Бонапарт, по истечении своего 4-летнего президентского срока даже провозгласил себя — для ясности — императором.

Маршал пошел иным путем. Как гласит легенда, по прибытии в Елисейский дворец он потребовал, чтобы ему принесли «устав». Такового не оказалось. Не обнаружив конституционного поля, Мак-Магон, как человек военный, не стал из него выходить, а поручил герцогу де Брогли, одному из тех депутатов, что поставили его на президентство, сформировать правительство «крепкого морального духа» (Ordre moral). Герцог со товарищи только того и ждали: они потому и закладывали 7-летний мандат для нового президента, что предполагали за этот срок либо уговорить взойти на престол престарелого потомка Бурбонов, графа Анри де Шамбора, либо дождаться, пока он помрет, и возвести на трон кого-то из второстепенных представителей королевской семьи.

Увы, упрямство графа оказалось столь же несокрушимо, как и его здоровье. Реставрация сорвалась, поскольку все прочие претенденты уже отказались от своих прав в пользу графа. В 1875-м году Франция стала Третьей республикой. А президентом остался маршал, вооруженный семилетним мандатом.

Сегодня во Франции нет ни маршалов, ни королей. Вместо Третьей республики на дворе уже Пятая, но президентов по-прежнему избирают на 7-летний срок. Прервать 127-летнюю традицию трудно, хотя многих она смущает, после того как создатель Пятой республики, генерал Шарль де Голль, сделал в 1962 году избрание президента всенародным, а не парламентским делом и закрепил за главой государства фантастические по европейским понятиям полномочия — право распускать парламент, переизбираться на второй срок и т.п. О том, что 7 лет — слишком долго для страны, которая считает себя родиной демократии, что во главе исполнительной власти во Франции по сути стоит избираемый монарх, говорили, ▶

1959 ГОД. **ПРОЕЗД ПО ЕЛИСЕЙСКИМ ПОЛЯМ** — СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЦЕРЕМОНИИ ИНАУГУРАЦИИ **ОСНОВАТЕЛЯ ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ И ПЕРВОГО ЕЕ ПРЕЗИДЕНТА ГЕНЕРАЛА ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ**

не переставая. В том числе говорили и почти все претенденты на президентский престол. Но — странная закономерность! — ровно до тех пор, пока не побеждали на выборах. После инаугурации взгляды менялись: долго-то оно, долго, но ведь для пользы дела! Единственное исключение из этого правила — Жорж Помпиду (президент с 1969-го по 1974-й), подготовивший законопроект о сокращении президентского срока до пяти лет, но скоропостижно скончавшийся до завершения процедуры его принятия. Показательно, что «законопроект о пятилетке» представил не сам Помпиду, а его правительство, в котором служили два будущих президента — Валери Жискар д'Эстен (глава государства с 1974-го по 1981-й) и Жак Ширак (с 1995-го по настоящее время). Оба они, как известно, придя к власти, остались верны 7-летней традиции.

Но все рекорды побил Франсуа Миттеран, избиравшийся президентом аж на два срока — с 1981-го по 1988-й и с 1988-го по 1995-й. За 14 лет его президентства издержки 7-летнего мандата стали очевидны. Дело не только в том, что 13 лет он правил, будучи смертельно больным и упорно скрывая это от общественности, не в невероятном количестве скандалов с его приближенными. К концу эры Миттерана стало ясно, что с пятой французской конституцией что-то неладно. В конце XX века общественное мнение в европейской стране меняется чаще, чем раз в семь лет, да и проблемы, по которым приходится принимать принципиальные решения, — вроде падения Берлинской стены, распада СССР, войн в Ираке и Косово, учреждения евровалюты и т.д. — в мире что-то вдруг зачастили.

Хуже того, поскольку Национальное собрание обновлялось раз не в семь, а в пять лет, при Миттеране в стране явочным порядком стала устанавливаться новая, не предусмотренная конституцией форма правления, которую у нас назвали бы «двоевластием»: президент-социалист то и дело заполучал утвержденного парламентом премьера с правыми убеждениями. Французы, которые более 200 лет совершенствуются в искусстве делать революции и преодолевать их последствия, использовали более изящное выражение, которое подчеркивало необходимость сохранения отношений, пусть и без любви, — «политическое сожительство». Эти «сожительства» стали нормой и повторяются с поразительной регулярностью: если взять отрезок с 1986-го по 2002-й (тогда во Франции пройдут новые президентские выборы), получится, что девять лет из шестнадцати страной управляли «сожители». При Миттеране премьерами были правые Ширак и Балладюр, теперь вот, наоборот, президент Ширак третий год вынужден уживаться с социалистом Жоспеном.

Это последнее «сожительство» особенно озадачивает. С одной стороны, оно вроде бы уравновешивает «суперпрезидентскую» власть (чего стоит один только роспуск парламента президентом Шираком в 1997-м с целью добиться согласия избирателей на санацию бюджета накануне перехода на евровалюту). С другой стороны, президент и премьер, которые, как уже ясно, оба выставят свои кандидатуры на выборы в 2002-м, фактически не в состоянии проводить согласованную политику и все реже вспоминают о предвыборных обязательствах. Французские политики и эксперты уже прямо пишут, что Ширак и Жоспен караулят ошибки друг друга, так и сяк друг другу пакостят, заигрывают с общественным мнением. Европейские партнеры паникуют: французские лидеры, некогда столь активные на ниве евроинтеграции, накануне своей очереди председательствовать в Евросоюзе отделываются лишь общими фразами относительно будущего евровалюты, реформы институтов управления ЕС, расширения на Восток. Суперпрезидентская власть во Франции, как выясняется, способна парализовать волю государства ничуть не хуже, чем суперпарламентская в Италии.

Две недели назад французский политический класс приступил наконец к дискуссии о том, как реформировать политические институты Пятой республики. Возмутителем спокойствия стал Жискар д'Эстен, бывший президент, ныне депутат, представивший законопроект о сокращении президентского срока до пяти лет (а также о запрете перевыборов на второй срок). Уклониться от дискуссии невозможно — за введение «пятилетки», по данным последних опросов, выступают 78 процентов французов. Дополнительным аргументом в пользу реформы служит, без сомнения, календарное совпадение: президентские и парламентские выборы будут проводиться в 2002 году.

Премьер-министр Лионель Жоспен уже высказался за реформу, подчеркнув, что был за нее всегда. Жак Ширак, который, став президентом, не раз категорически высказывался против сокращения мандата, в свою очередь взял паузу для раздумий. Он, конечно, вряд ли пойдет против 78 процентов избирателей, но опасается, как бы это не «скомкало» его текущий мандат. Многочисленные комментаторы, от ультралевых до ультраправых, высказывают самые разные соображения, но общий знаменатель просматривается: отказ от 7-летнего мандата — это только начало. Дальше придется определять заново функции премьера и переосмысливать всю властную вертикаль.

Откладывать эту реформу опасно — этому, кстати, учит и печальный опыт доблестного Мак-Магона. Маршал хоть и пересидел выдвинувших его монархистов, но до конца своего 7-летнего срока все же не дотянул, споткнувшись, в общем, на пустяке: новый парламент, где в большинстве оказались республиканцы, потребовал от него отправить в отставку несколько генералов. Маршал возмутился и ушел с поста сам, за год до срока, в 1879-м. Он ведь так и не нашел в Елисейском дворце «устава», а потому не заметил, как вместе с составом парламента сменилась эпоха. ■

Бремя миллиардов

Великая демографическая революция. Наверное, так можно определить смысл тех перемен, которые внесет в жизнь человечества в XXI веке продолжающийся рост численности населения планеты. Демографический фактор коренным образом изменит жизнь целых стран и народов. Поэтому новую главную тему из серии «2010 год» мы решили посвятить этой проблеме.

Ооновская статистика рождаемости и смертности, миграции населения из одной страны в другую позволяет уже сегодня представить контуры будущего. Если развивающийся мир, где сохранится высокий коэффициент рождаемости, встанет перед проблемой «критической массы» населения, то промышленно развитые страны с низкой рождаемостью и высокой продолжительностью жизни смогут поддерживать демографический баланс исключительно за счет притока иммигрантов. И ломать голову над тем, как не утратить при этом свое национальное и культурное своеобразие. Очередное Великое переселение народов станет едва ли не главным фактором грядущей демографической революции. Американский «плавильный котел» уже сегодня работает с максимальной нагрузкой, Япония, веками остававшаяся закрытой страной, мучительно решает, открывать ли двери иностранцам. Мы выбрали именно эти два примера как наиболее яркую иллюстрацию разрушения барьеров между богатым Севером и бедным Югом. Россия, где численность населения будет продолжать сокращаться, тоже не в состоянии поддерживать демографический баланс естественным путем. Самыми новыми русскими станут иммигранты.

История с демографией

Неконтролируемый рост населения в третьем мире называют «демографической бомбой» XXI века. Однако падение рождаемости в развитых странах ставит свои проблемы

Андрей Акопян

ПРОГНОЗ

ОСЕНЬЮ ПРОШЛОГО ГОДА ПОЯВИЛСЯ НА СВЕТ ШЕСТИМИЛЛИАРДНЫЙ житель Земли. А в мае этого года население второй по численности страны мира — Индии — достигло одного миллиарда. Это символичный исход XX века, который запомнится не только научно-технической революцией и разрушительными войнами и конфликтами, но и рекордными темпами роста населения. Пик этого процесса — 2,1 процента в год — пришелся на 60-е годы, затем темпы несколько замедлились, однако и нынешних 1,3 процента достаточно, чтобы в ближайшие 50 лет население Земли увеличилось почти в два раза — до 10—10,5 млрд. человек.

Земное пространство — не резиновое. Сможет ли уместиться на нем и мирно сосуществовать такое количество людей? Хватит ли на всех воды, продовольствия, энергетических ресурсов, наконец, самого воздуха? Какие изменения внесет демографический фактор в жизнь тех или иных стран и народов?

Цивилизация как контрацептив

Собственно, попытки понять механизм развития человечества и способы им управлять предпринимаются не первый век. Еще 200 лет назад, когда население мира составляло 1 млрд. человек, первопроходцем в этой области стал английский экономист и священник Томас Мальтус. Тот самый Мальтус, о котором в советских учебниках по обществоведению говорилось как о представителе «антинаучной системы взглядов» на проблемы демографии.

Мальтус сформулировал некий «естественный закон», согласно которому население Земли растет в геометрической прогрессии, в то время как средства существования — лишь в арифметической. Отсюда — неизбежность этапа «абсолютного перенаселения», с которым можно бороться с помощью войн, голода, эпидемий, а также путем регламентации браков.

Эти варварские проекты, разумеется, оказались неприемлемы. Тем не менее «поп-шарлатан», как называл его Маркс, был первым, кто забил тревогу: нужно что-то делать, искать средства регулирования рождаемости.

В 60-е годы — период демографического бума — неомальтузианцы предложили свои рецепты выхода из «мирового кризиса перенаселения». Правда, выводы, к которым они пришли, были весьма странными: оказывается, наращивать производство средств существования, чтобы удовлетворить потребности растущего населения Земли, не имеет смысла, поскольку это только увеличит число потребителей. Неомальтузианцы рассуждали так: в бедных и непросвещенных обществах (которые в первую очередь и угрожают планете перенаселением) рождаемость определяется только физиологическими возможностями женщин. Следовательно, всякое улучшение жизни позволяет женщинам рожать больше. Вывод: необходимо прекратить процесс индустриализации и модернизации сельского хозяйства, увеличения производства материальных благ.

Сегодня такие предложения могут вызвать лишь улыбку. Ни войны и конфликты, о которых писал Мальтус, ни сокращение производства, как полагали его последователи, ни кампании по массовой стерилизации, как это было в 70-е годы в Индии во время правления Индиры Ганди, ни, наконец, административные ограничения, как в 80-е годы в Китае, проблему ограничения рождаемости кардинальным образом не решили. Новый ответ на вопрос: «Что делать?» дала Международная конференция по населению и развитию, прошедшая в 1994 году в Каире под эгидой ООН.

На этой конференции впервые было заявлено о необходимости объединить два понятия — «репродуктивные права» и «права человека». Одна из главных задач была определена как изменение отношения к женщине. В странах с высокой рождаемостью ее роль пока сводится к воспроизводству. Таким образом, у женщины нет выбора, кроме как рожать и рожать, независимо от ее желания.

Напротив, цивилизация открывает перед женщиной набор привлекательных перспектив, связанных с возможностью участвовать в производстве и общественной жизни наравне с мужчинами (как это происходит в развитых странах). Эти факторы в конечном итоге и должны переломить ситуацию, когда большую часть жизни женщина проводит в вынашивании плода.

Таким образом, «контрацептивом» выступает сама цивилизация. К примеру, гонконгская китаянка и испанка рожают сегодня одинаково мало: в среднем по 1,3 ребенка на жен-

НАСЕЛЕНИЕ ЗЕМЛИ СТРЕМИТЕЛЬНО РАСТЕТ — ГЕНСЕК ООН КОФИ АННАН ДЕРЖИТ НА РУКАХ ШЕСТИМИЛЛИАРДНОГО ЖИТЕЛЯ ПЛАНЕТЫ (СТР. 40 ВНИЗУ). **НАИБОЛЬШИЕ ТЕМПЫ ПРИРОСТА НАБЛЮДАЮТСЯ В ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНАХ АФРИКИ** (ВНИЗУ). **САМЫЙ СТАРЫЙ ЖИТЕЛЬ ПЛАНЕТЫ — 150-ЛЕТНИЙ ЕГИПТЯНИН АМ АТВА МУСА** (ВВЕРХУ)

щину репродуктивного возраста, потому что Гонконг и Испания находятся на одном цивилизационном уровне.

Увы, ооновские программы развития и планирования семьи, повышение уровня образования, социальные и экономические мероприятия правительств третьего мира пока не могут решить проблему ограничения рождаемости. Рассказывают, что африканки, которым миссионеры раздают противозачаточные таблетки, просверливают в них дырочки и делают бусы.

БЫСТРЫЙ РОСТ РОЖДАЕМОСТИ В ОДНИХ СТРАНАХ И НИЗКАЯ РОЖДАЕМОСТЬ В СОЧЕТАНИИ СО «СТАРЕНИЕМ» НАЦИЙ В ДРУГИХ ВЫЗВАЛИ ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ — С БЕДНОГО ЮГА НА БОГАТЫЙ СЕВЕР

Что такое «демографический переход»

Неконтролируемый рост населения в отдельных странах и регионах, порождающий конфликты интересов, очаги нестабильности и другие осложнения, — не единственная демографическая проблема современного мира. В то время как в странах Азии, Африки и Латинской Америки прогнозируется дальнейший рост населения, в США, Канаде, Западной Европе и Японии к 2050 году из-за снижения рождаемости ожидается сокращение числа граждан. Уже сегодня в старых промышленных странах естественный (без учета иммиграции) прирост населения либо равен нулю, либо отрицателен.

Это явление объясняет теория демографического перехода, согласно которой на определенном этапе в силу ряда социальных факторов — от увеличения доходов и эмансипации женщин до изменения отношения к деторождению — рост населения Земли прекращается. Человечество переходит от высокой рождаемости и смертности к низкой рождаемости и увеличению продолжительности жизни.

По оценке ученых, демографический переход должен закончиться к середине XXI века. После того как в ближайшие полвека население планеты возрастет почти в два раза, наступит стабилизация: показатели рождаемости и смертности во всех странах в целом сравняются. Таким образом, теория демографического перехода опровергает мрачные пророчества, будто человечеству не хватит ресурсов. По данным Международной организации питания, при умелом использовании этих ресурсов вполне достаточно, чтобы прокормить 20—25 млрд. человек. То есть больше, чем максимальное число людей, которые будут жить на планете.

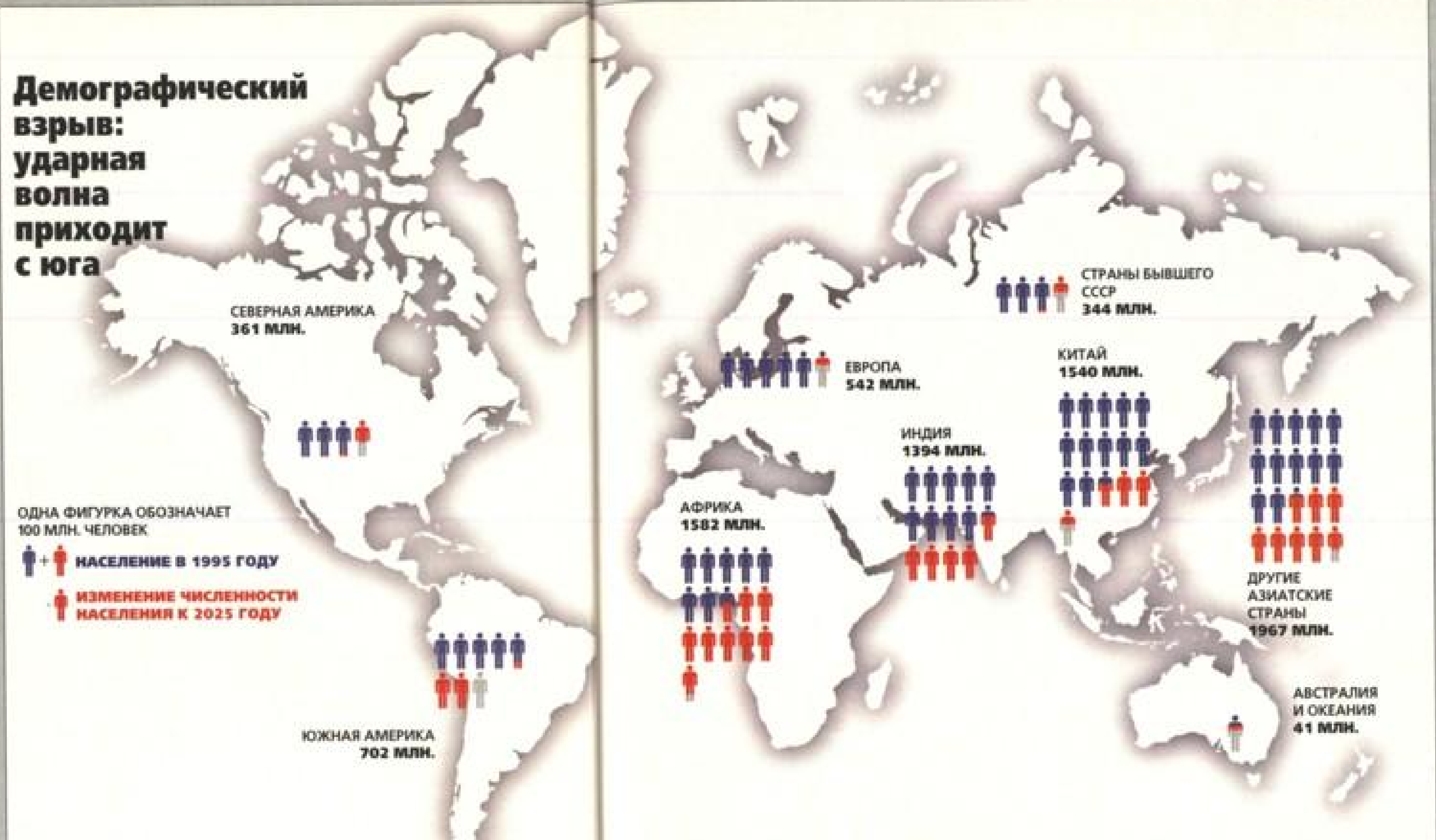
Среднестатистическая женщина репродуктивного возраста сегодня рожает трех детей. В отдельных странах, например к югу от Сахары, коэффициент рождаемости составляет 6—6,5 ребенка на женщину репродуктивного возраста. В то же время в 61 стране мира с высоким и средним подушевым доходом, на которые приходится сегодня 44 процента населения, уровень прироста вообще не достигает простого воспроизводства — в них женщина рожает менее двух детей.

Дело в том, что разные страны вступают в этап демографического перехода в разное время. Россия прошла его в 1920—1970-х годах вместе с урбанизацией и образовательной революцией и сегодня, несмотря на низкий уровень жизни и социальные потрясения, сохраняет демографическую ситуацию, характерную для высокоразвитой страны (подробнее см. материал Б. Жукова, стр. 49).

В числе замыкающих — ряд стран третьего мира, традиционных обществ с огромными массами бедного, необразованного населения со среднестатистическом возрастом около 20 лет. Неслаженное движение, в котором мир пересекает рубеж третьего тысячелетия, иллюстрирует высказывание Анатоля Франса о том, что человечество представляет собой караван, «начало которого уже вступило в сияющие области науки, тогда как хвост его еще плетется среди густого тумана...».

Великое переселение народов

В текущем году впервые в истории индустриально развитых стран мира число тех, кто старше 60, превысило количество детей в возрасте до 14 лет. По данным ООН, к 2050 году каждый пятый землянин будет старше 60 лет, а число тех, кому за 85, увеличится в 6 раз.

Низкая рождаемость и «старение» в индустриально развитых странах ставят перед ними проблему пополнения рабочей силы. Решить ее можно только за счет иммиграции. Между тем открытие дверей для массового притока представителей других национальностей, народов и рас чревато многими проблемами, все последствия которых до конца просчитать невозможно. Пожалуй, ни перед одной страной мира дилемма «впускать или не впускать» и на каких условиях не стоит так остро, как перед Японией, в течение столетий считавшейся закрытым обществом и тщательно оберегавшей себя от каких-то внешних влияний. Демографические прогнозы заставляют японцев хвататься за голову: в ближайшем десятилетии во второй экономике мира на 25 процентов сократится численность работников моложе 30 лет. Значит, выхода нет — нужно приглашать корейцев, малайцев, тайцев. Но многие японцы считают, что это путь к «национальному и культурному самоубийству» (подробнее об этом см. материал В. Головнина, стр. 47).

Демографические процессы в ближайшие годы стремительно изменят облик не только Японии, но и Америки. Старение населения, хотя и не столь значительное, как в Японии или Западной Европе, разница в уровне рождаемости среди различных этнических групп, рост иммиграции, связанный с необходимостью привлечения рабочей силы, не могут не сказаться на культурной ситуации в США. Сумеет ли Америка остаться собой, успешно переплавив в своем котле эмигрантов XXI века (подробнее об этом см. материал А. Орлова «Американская лимита», стр. 44). ■

Андрей Акопян — профессор, директор Республиканского центра репродукции человека

Американская лимита

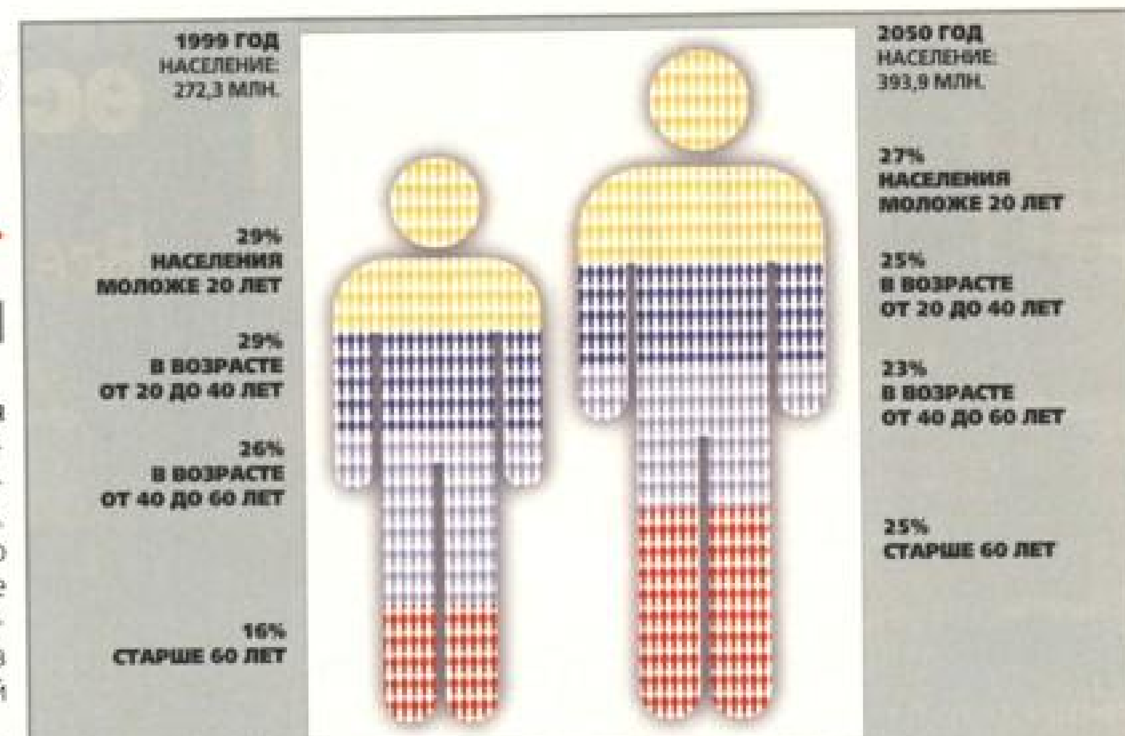
Демографические процессы стремительно меняют лицо Америки, которая в ближайшие 50 лет может стать совершенно неузнаваемой

Аркадий Орлов

ПЛАВИЛЬНЫЙ КОТЕЛ

«ШЕРЛОК ХОЛМС? ЭТО ЧТО, АКТЕР?» МИЛОВИДНАЯ девушка, на вид иранка, в модных «проволочных» очках удивленно водит пальцем по страницам каталога видеотеки. Девушка явно американка. Мои попытки промямлить что-то насчет Конан Дойла и его знаменитого сыщика ни к чему не приводят. Пожав плечами, девушка советует поехать на другую улицу, «где выбор больше». В «Блокбастер-видео», в трех кварталах отсюда, Холмс находится мгновенно. Белый парнишка проворно достает кассету с полки.

Лицо Америки стремительно меняется. В некоторых районах Нью-Йорка и Вашингтона редко можно услышать английскую речь. А если кто-то и заговорит по-английски, то с сильным бомбейским, каирским (а теперь все чаще и московским) акцентом. Лос-Анджелес, как шутливо заметили недавно мексиканские газеты, вообще стал «вторым по величине мексиканским городом после Мехико». Директор Библиотеки Конгресса США Джеймс Биллингтон недавно сравнил Америку с приземлившимся в международном порту «Боингом-747», пассажиры которого словно сошли со страниц энциклопедии мировой этнографии.

Что происходит? По данным Службы переписи населения США, демографические изменения, происходящие в Америке в течение последних десяти — пятнадцати лет, меняют лицо страны. Главные факторы этого процесса — старение населения, разница в уровне рождаемости среди различных этнических групп, а также рост иммиграции, связанный с динамикой экономики, требующей притока рабочей силы.

Население США стареет не так стремительно, как в Западной Европе или Японии, но все равно быстро. Коэффициент рождаемости у американок — один из самых высоких среди развитых западных государств (1,9 детей на одну женщину), но это все равно не обеспечивает простого воспроизводства населения, достигаемого при коэффициенте 2,1. Успехи медицины и здравоохранения приводят к тому, что средняя продолжительность жизни растет — сейчас в США она достигла 76 лет. Организация по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) уже предупредила, что США, так же как и другие страны Запада, столкнутся с диспропорцией между работающей частью населения и пенсионерами. Если сейчас соотношение между ними составляет 3:1, то в 2030 году оно будет только 1,5:1 или даже 1:1.

Пока последствия «поседения» Америки смягчает сильнейшая за последние 50 лет волна иммиграции, которая обеспечивает рабочей силой растущую, как на дрожжах, американскую экономику и увеличивает число налогоплательщиков. Но в сочетании с изменившейся динамикой рождаемости в самих США иммиграция приводит к еще одному серьезному демографическому сдвигу — глубокой перекройке этнического лица страны. Рождаемость среди белых американцев неуклонно уменьшается, в то время как у испаноязычной и азиатской Америки она неуклонно растет. Служба переписи населения США указывает, что к 2005 году белые американцы будут составлять 71 процент, испаноязычные — 13, негры —12 и азиаты — 4 процента населения США. В то же время к 2050 году доля белых американцев уменьшится до 53 процентов, а доля всех остальных меньшинств возрастет — испаноязычных до 25 процентов, негров — до 14, а азиатов — до 8 процентов.

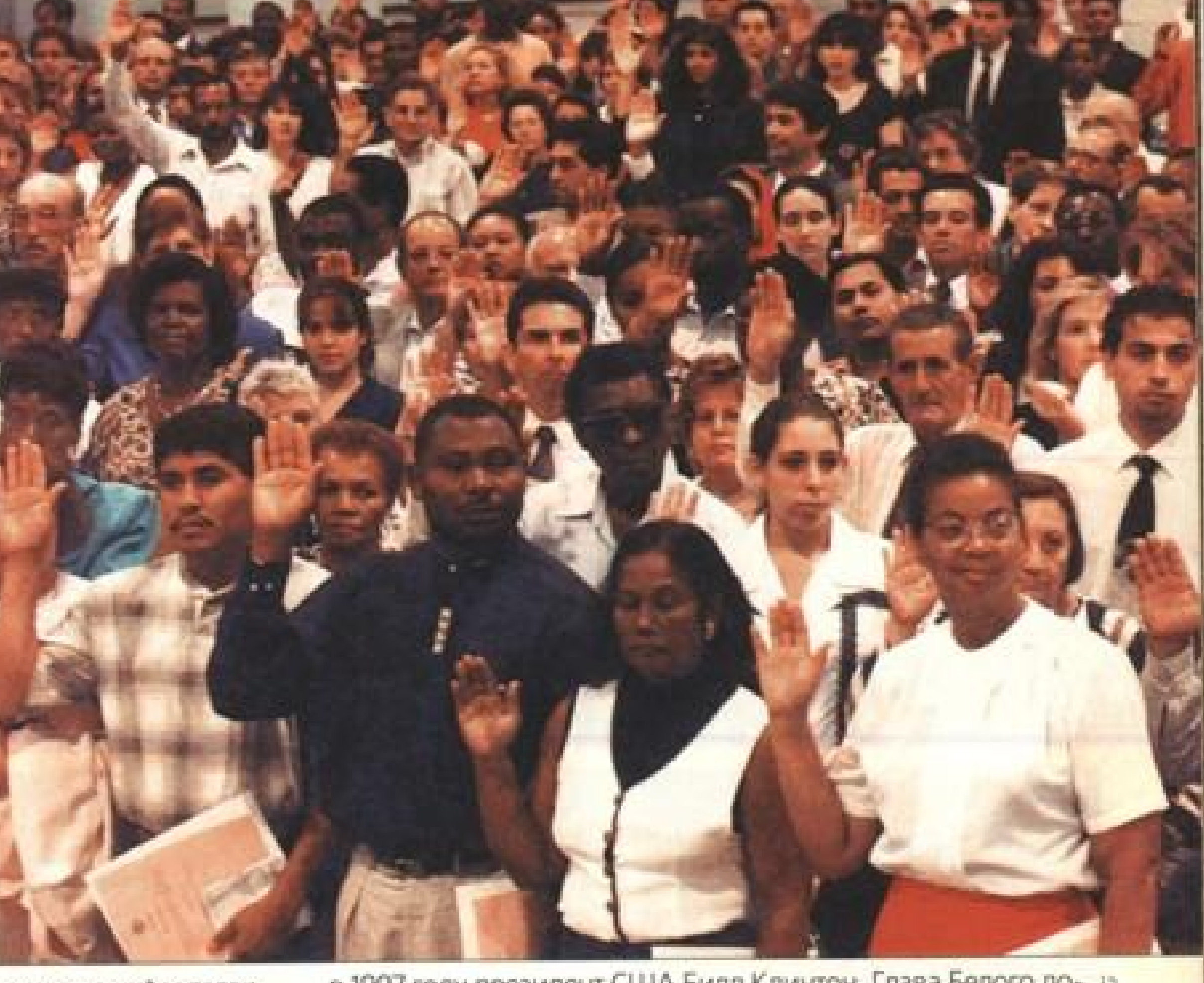
Безусловное лидерство в этом процессе принадлежит многоликой группе, берущей корни в 22 странах мира и объединенной лишь испанским языком и принадлежностью к культуре, которую в США определяют как Latino или Hispanic. Уже сегодня в Майами они составляют 60 процентов населения, в Лос-Анджелесе — более 30 и в Чикаго — 27 процентов. Расчеты демографов показывают, что если за последние 10 лет общий прирост населения США составил 9 процентов, то испаноязычное население Америки за это время выросло на 38 процентов и достигло уже 31 млн. человек. Считается, что через 50 лет из каждых четырех американцев один будет Latino. Более того, если средний возраст белых американцев сегодня составляет около 40 лет, то у испаноязычных американцев он не превышает 27 лет, что делает эту часть населения страны наиболее энергичной.

Вавилонская башня

«Мы идем к тому, чтобы стать страной, где ни одна из рас не будет в большинстве», — заявил еще в 1997 году президент США Билл Клинтон. Глава Белого дома сообщил удивленной аудитории в Филадельфии, что к середине века белые американцы «европейского происхождения» больше не будут составлять большинство населения в Америке. В Калифорнии это произойдет уже в 2003 году, предупредил Клинтон. Президент напомнил, что когда-то, на самой заре существования США, голосовать здесь «могли лишь белые, владеющие собственностью». «Сегодня наше преимущество заключается именно в разнообразии».

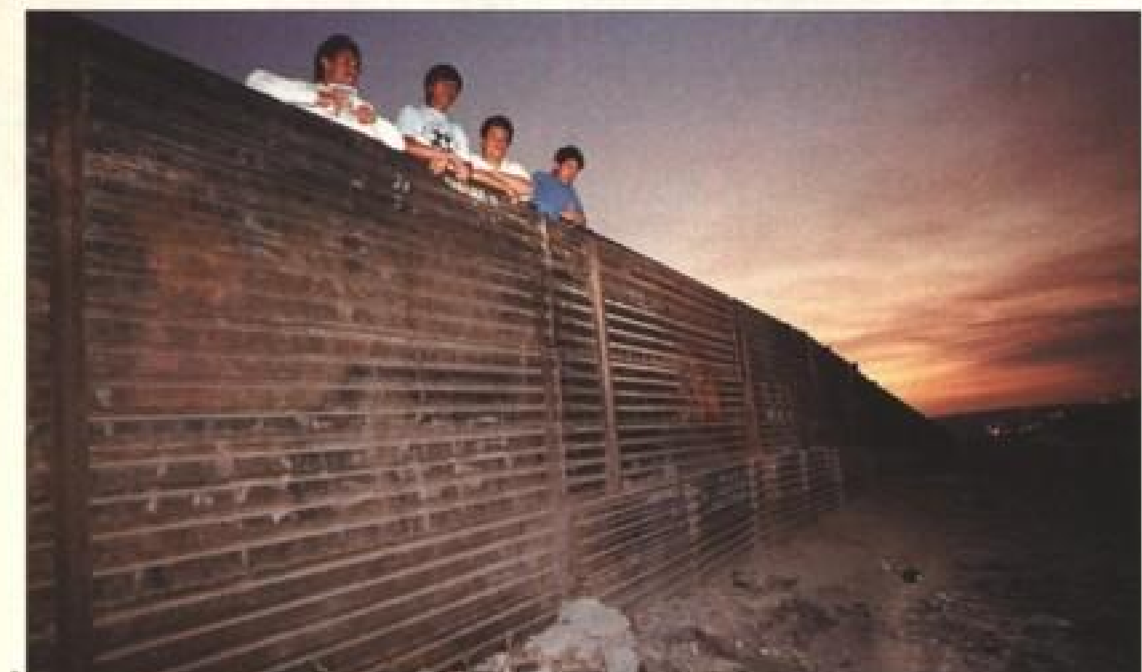
Билл Клинтон в том своем выступлении привел лишь один, но очень красноречивый пример. По соседству с Вашингтоном в штате Вирджиния находится графство Фэрфакс, которое считается самым «полиэтническим» в США. В школах здесь учатся выходцы из 182 стран, которые говорят на более чем 100 языках мира. В ближайшие два года в Америке появятся как минимум еще 17 районов, в которых школьники будут называть родными более 100 языков. В некоторых зонах концентрации эмигрантов английский язык начинает проигрывать, и, как сообщила недавно калифорнийская газета «Сакраменто би», в этом штате 1,2 млн. школьников вообще не владеют английским, а говорят на испанском.

Нашумевший скандал вокруг воссоединения кубинского мальчика Элиана Гонсалеса с его отцом стал яркой иллюстрацией складывающейся ситуации. Во время пресс-конференции, транслировавшейся в прямом эфире из Майами,

УСИЛИВАЮЩИЙСЯ ПОТОК ИММИГРАНТОВ ИЗ СТРАН ТРЕТЬЕГО МИРА ВЕДЕТ К ПЕРЕКРОЙКЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЫ США. **ЭТИ БЫВШИЕ ПАКИСТАНЦЫ** (СТР. 44) **И МЕКСИКАНЦЫ** (ВВЕРХУ) **ТЕПЕРЬ ПОЛНОПРАВНЫЕ АМЕРИКАНЦЫ**

живущий в США дядя мальчика подошел к микрофону и начал говорить по-испански, перебрасываясь эмоциональными фразами с местными журналистами, наперебой задававшими ему вопросы тоже по-испански. Переводчика при этом не было, и нужно было видеть лица ведущих телекомпании Си-эн-эн, сидевших в студии и не понимавших, что происходит.

В Малой Гаване в Майами, на Брайтон-бич в Нью-Йорке и в многочисленных чайна-таунах можно жить, вообще не пользуясь английским языком. Так было и раньше, но выходцы всех предыдущих волн эмиграции считали своим долгом стать американцами, освоить образ жизни своей новой родины и интегрироваться в незнакомую культуру. Никому в голову не придет назвать мэра Нью-Йорка Рудольфа Джулиани или актера Джона Траволту итальянцами. Но сегодняшние эмигранты — другие. Эксперты считают, что с принятием в 1965 году нового закона США, который открыл эмигрантам доступ к системе государственного соцобеспечения, вновь прибывшие стали больше держаться за свои этнические корни и формировать всевозможные «анклавы». В результате в Америке растут многочисленные этнически устойчивые субкультуры, существующие автономно друг от друга, почти не пересекающиеся, имеющие замкнутую «инфраструктуру» — «своих» врачей, юристов, автомехаников, «свои» рестораны и магазины. Отношение к английскому языку — лакмусовая бумажка.

Сегодня у значительного числа прибывающих в Америку эмигрантов, особенно у наименее обеспеченных, этого стимула уже нет. Девять лет назад в одном из латиноамериканских районов Вашингтона вспыхнули волнения, закончившиеся недельным противостоянием между испаноязычной молодежью и отрядом из тысячи полицейских. Все началось из-за обычного убийства на бытовой почве, но причиной столкновения местных жителей с представителями закона стал язык. Офицер полиции хотел остановить трех молодых людей, которые просто не знали, что означает английская команда «стой»...

В XXI ВЕКЕ НИ ОДНА ИЗ РАС В АМЕРИКЕ НЕ БУДЕТ В БОЛЬШИНСТВЕ. ЭТИ АФРОАМЕРИКАНКИ (ВВЕРХУ) НАПОМИНАЮТ О ТОМ, ЧТО ЧЕРНЫЕ ЖЕНЩИНЫ ДОЛЖНЫ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТАКИМИ ЖЕ ПРАВАМИ, ЧТО И БЕЛЫЕ. БЫСТРЕЕ ДРУГИХ РАСТЕТ ГРУППА ВЫХОДЦЕВ ИЗ ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ СТРАН, КОТОРЫЕ ДОБИРАЮТСЯ ДО США ВСЕМИ ПРАВДАМИ И НЕПРАВДАМИ (В ЦЕНТРЕ). КАЛИФОРНИЙСКИЙ MILKEN INSTITUTE — НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ИССЛЕДУЮЩАЯ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ. ОДИН ИЗ ДИРЕКТОРОВ ИНСТИТУТА РОСС ДЕВОЛ (ВНИЗУ)

Почти каждый второй полицейский участок в Вашингтоне вынужден сейчас иметь переводчика или вводить в штат полицейских, владеющих иностранными языками. Число родившихся за рубежом вашингтонцев утроилось, и это заметно повсюду. Даже в районной библиотеке. Здесь в каталоге значатся 1,5 тыс. книг на китайском, 1,5 тыс. — на корейском, 1,4 тыс. — на испанском, 500 — на вьетнамском языке. Десятки названий на других языках, включая русский. «Это самые популярные у нас книги, и они почти все время на руках, — говорит об иностранных фондах библиотекарь. — На некоторые корейские книги, например, существует двухмесячная очередь».

Куда идет Америка? Американские эксперты с беспокойством указывают на то, что резкие демографические сдвиги могут изменить социальный облик американского общества. Если в прошлом основная часть иммигрантов и их детей, рожденных уже на американской земле, в конце концов «переплавлялись» в более или менее единое целое, то сейчас это не так.

Если американский «плавильный котел» перестанет справляться с нагрузкой, США превратятся в страну, где будут сосуществовать одновременно несколько конкурирующих между собой культур, элит и традиций, опирающихся на совершенно разные корни, и поддержание политического баланса между ними потребует очень искусной государственной политики. Уже сейчас эксперты указывают на опасность чрезмерного расслоения Америки. На протяжении последних пяти лет в Майами, например, неуклонно уменьшается число белых англоязычных американцев и точно так же неуклонно растет число испаноязычных американцев в первом поколении. Почти все выборные должности в городе занимают представители испаноязычных меньшинств, которые уже заявили, что «Майами будет нашим», и намерены проводить соответствующую политику в области языка, культуры и экономики. Собственно, это уже и происходит. В газетах начали появляться жалобы «коренных» американцев на то, что их не обслуживают в магазинах, если они не говорят по-испански, что в некоторых школах преподаватели часто переходят на другой язык и что англоязычные дети перестают понимать материал. Пессимистические сценарии предсказывают усиление социальной напряженности, если в Америке не будет найдена новая формула мирного сосуществования всех обитателей Вавилонской башни.

Оптимистические сценарии тоже существуют. Они предсказывают, что стремительная перекройка демографической карты Америки и усиление позиций американцев латиноамериканского и азиатского происхождения лишь повторяет то, что уже происходило в истории США в начале нынешнего века с переселившимися в Америку итальянцами и еврейскими эмигрантами из Восточной Европы. Такой точки зрения, к примеру, придерживается известный американский обозреватель Майкл Бэйрон. «Так же как это уже было в 1900 году, многие американцы сегодня опасаются, что группы меньшинств никогда не ассимилируются в американское общество и не поднимутся до среднего экономического уровня. И все же, если у нас хватит здравого смысла в XXI веке следовать прецедентам XX века, новые меньшинства так же, как и предыдущие, со временем будут вплетены в ткань американского общества». ■

Аркадий Орлов, собкор РИА «Новости» — специально для «Итогов»
Вашингтон

Несмотря на тяжелую демографическую ситуацию, вызванную «старением нации», Япония не спешит распахнуть двери перед иностранцами

Токио не станет Тегераном

Василий Головнин

СИТУАЦИЯ

Губернатор Токио Синтаро Исихара славится скандальными заявлениями. То он призывает «сказать нет» стратегическому союзнику Японии — Америке. То предлагает «бросить все силы на расчленение Китая». Однако 9 апреля этого года Исихара превзошел сам себя: призвал армию «готовиться к подавлению иностранцев».

Пользуясь тяжелой демографической ситуацией в Японии, заявил губернатор, в страну лезут нелегальные иммигранты, которые «творят чудовищные преступления». По мнению Исихары, они неминуемо устроят беспорядки в городе, если в Токио, скажем, произойдет крупное землетрясение.

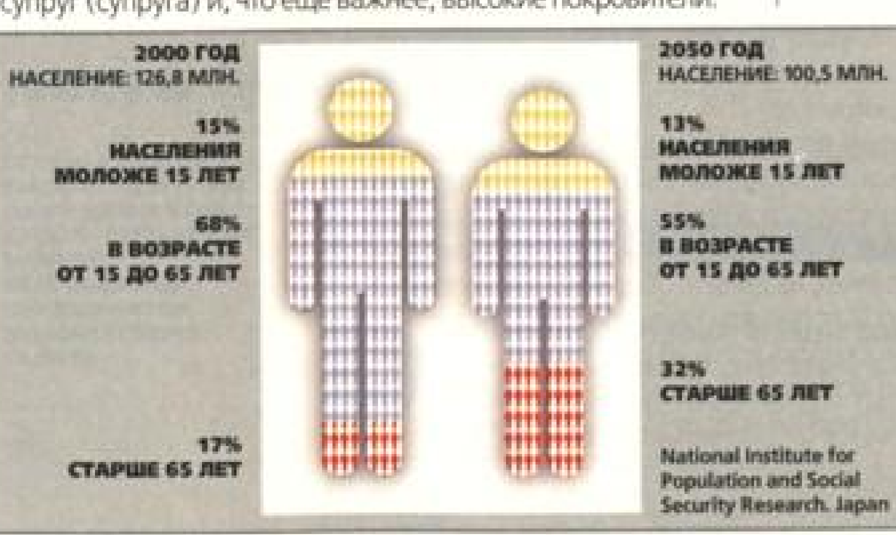
Пресса тут же обвинила Исихару в раздувании националистических чувств. Однако реакция многих рядовых токийцев была противоположной. В столичную администрацию посыпались послания в поддержку губернатора-патриота с призывом и дальше «резать правду-матку».

Исихара явно задел соотечественников за живое: иностранцы и нехватка рабочих рук — больная тема в его стране, которая обладает практически однородным японским населением и столетиями пыталась оградить себя от чужеземцев. Еще военный диктатор — сёгун Иэясу Токугава, объединивший Японию в самом начале XVII века, в страхе перед тлетворным западным влиянием накрепко закрыл границы страны, введя смертную казнь за контакты с иностранцами. Плотная изоляция продолжалась до середины XIX века: поднимались и рушились великие государства, Европа пережила Великую французскую революцию и наполеоновские войны, Россия прошла путь от Бориса Годунова до Николая I. А японцы сидели на своих островах, полагая, что где-то за морями обитают варвары с длинными носами, отвратительными голубыми глазами и рыжими, как у дьявола, волосами.

Первое массовое знакомство с чужеземцами состоялось лишь в первой половине XX века, когда японцы стали ввозить полурабов из завоеванной соседней Кореи. Отношение к ним было соответствующее — считалось в порядке вещей походя дать в зубы «воняющему чесноком корейскому лентяю». Презрение и подозрительность к инородцам вылились в конце концов в трагедию, о которой, кстати, вольно или невольно напомнил губернатор Исихара. В сентябре 1923 года Токио был почти уничтожен мощным землетрясением, и его жители быстро нашли козла отпущения. На всех углах стали шептать, что «грязные корейцы грабят разрушенные дома и отравляют колодцы». Слухи привели к массовым погромам: с фактического одобрения властей были зверски убиты несколько тысяч человек.

Советские люди «пальчики» не сдают

После 1945 года, вслед за завершением американской оккупации Японии, Токио вновь сделал все, чтобы оградить свою национальную чистоту: был введен крайне жесткий визовой режим. Япония никому не предоставляла политического убежища, и, например, всех советских людей, решившихся в годы холодной войны использовать пребывание на ее территории, чтобы остаться за границей, немедленно сажали на самолет и отправляли в США — пусть союзники сами разбираются. По сей день только считанные иноземцы умудряются получить местное гражданство — для этого нужны японский супруг (супруга) и, что еще важнее, высокие покровители.

ЯПОНСКАЯ НАЦИЯ СТРЕМИТЕЛЬНО СТАРЕЕТ — ПО ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ СТРАНА ЗАНИМАЕТ ПЕРВОЕ МЕСТО В МИРЕ

В 1952 году в стране ввели дискриминационную систему регистрации временно проживающих в стране иностранцев. Под страхом тюрьмы и штрафа они должны были постоянно иметь при себе удостоверение особого образца и в принудительном порядке сдавать отпечатки пальцев. «Пальчики», кстати, не сдавали только граждане СССР: наши службы сумели настоять на таком исключении. Все остальные, включая союзников-американцев, годами боролись за смягчение унизительных порядков. Только с 1999 года перестали брать отпечатки пальцев, а отсутствие удостоверения личности в кармане — считать уголовным преступлением.

ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО БАЛАНСА В XXI ВЕКЕ ЯПОНИИ ПРИДЕТСЯ ШИРОКО ОТКРЫТЬ ДВЕРИ ДЛЯ ИММИГРАНТОВ. ПОКА ЧТО 250 ТЫСЯЧ ИНОСТРАНЦЕВ НАХОДЯТСЯ В ЯПОНИИ НА НЕЛЕГАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Смягчение режима связано не только с международным нажимом. Япония сейчас всерьез задумывается над тем, чтобы изменить отношение к иммиграции в связи с тревожной демографической ситуацией.

Страна стариков

Первая перепись, проведенная в Японии в 1920 году, показала, что лиц старше 65 лет в стране насчитывается всего 5,3 процента населения. Дальневосточная империя мало отличалась тогда от других районов Азии — в ней рождалось много детей, а высокий уровень смертности не давал старикам «накапливаться» в обществе.

Показатель в 5,3 процента сохранялся до 1955 года, когда число пожилых людей стало стремительно расти — страна быстро богатела, повышался уровень жизни, резко улучшалось качество медицинского обслуживания. В 1970 году, по классификации ООН, Япония была провозглашена «стареющей нацией» — число лиц старше 65 лет перевалило за 7 процентов. В 1988 году их стало 11,2, а к концу 1990-х годов — свыше 15 процентов.

По «удельному весу» стариков Япония все еще уступает некоторым странам Западной Европы, но там их процент давно стабилизировался. В Японии же число стариков растет темпами, от которых у демографов захватывает дух. Во Франции, например, их доля от общего числа населения повышалась с 7 до 14 процентов на протяжении 115 лет. Японии для этого потребовалось всего 26 лет.

Японцы уже долгое время прочно удерживают первое место в мире по средней продолжительности жизни: 77 лет у мужчин и 83 — у женщин. Нет никаких оснований полагать, что эти показатели ухудшатся в среднесрочной перспективе. Одновременно в стране падает рождаемость — добившиеся материальной независимости японки стали с большой неохотой выходить замуж. К тому же многие молодые семьи предпочитают наслаждаться благами цивилизации и путешествовать, а не «менять памперсы» младенцам.

В результате к 2050 году, как полагают эксперты ООН, в Японии доля лиц старше 65 лет превысит 30 процентов. Рост числа престарелых никак не сможет восполнить катастрофическое падение рождаемости, и население страны, по прогнозам, к тому же 2050 году снизится до 105 млн. человек с нынешних 127 млн.

Хорошо, конечно, когда люди живут долго и имеют право выбирать — возиться с детьми или делать карьеру. Однако в Японии старение и сокращение населения грозит экономической катастрофой. Уже в этом году, например, число людей в трудоспособном возрасте с 15 до 64 лет сократится здесь до 86 млн. человек, хотя еще в середине 90-х их было на миллион больше. К 2050 году в Японии останется не более 57 млн. потенциальных работников.

Результат ясен — страна стоит перед угрозой резкого сокращения числа тех, кто платит налоги и содержит находящихся на заслуженном отдыхе стариков. В конце 80-х годов, например, каждого пенсионера в Японии поддерживали своими выплатами в соответствующие фонды примерно 8 человек. В 2015 году их будет всего два с половиной. Государство столкнется с необходимостью тратить все большую часть своих доходов на пенсии и медицинские льготы для стариков на фоне катастрофически падающих налоговых поступлений от населения. В результате Токио может оказаться на пороге бюджетного коллапса со всеми вытекающими последствиями. Ситуацию усугубляет то, что избалованные молодые японцы не желают заниматься непрестижной физической работой, и это создает серьезные проблемы целым отраслям экономики.

Нелегалы для «трех К»

Токийский дом, где я живу, в прошлом месяце сотрясался от возмущения. «Придурки... неумехи... полное безобразие!» — только и слышалось со всех сторон. Направленная на косметический ремонт бригада молодых японских рабочих явно не справлялась со своими нехитрыми обязанностями — красили кое-как, даже гвоздь толком вбить не умели. «Что делать — к нам на работу идут самые отбросы, да и их не хватает», — оправдывался представитель ремонтной компании. На смену японцам пришла «интернациональная бригада» из пятерых ловких ребят — перуанцев, филиппинцев и тайцев. За несколько дней они сделали ремонт по высшему разряду. Однако в разговоры с жильцами парни старались не вступать, хотя явно понимали по-японски. Сомнений не было: наши шабашники были из числа нелегальных иммигрантов.

Уже сейчас их насчитывается в стране не менее 250 тысяч, и заняты они в основном на работах, именуемых «три К» — «китанай, кикэн, кицуй» (грязные, опасные, тяжелые). Строительная индустрия во многом держится на иностранцах-нелегалах, которые вкалывают за скромные деньги. Такая же ситуация складывается с уборкой и переработкой мусора, с кожевенной промышленностью. За заработком в богатую Японию по туристическим или стажерским визам едут в первую очередь латиноамериканцы, тайцы, индонезийцы, филиппинцы. Мощный конвейер нелегальной переброски рабочей силы наладили китайские преступные синдикаты — японская береговая охрана не успевает отслеживать ржавые суденышки, на которых сюда доставляют нелегалов из прибрежных провинций КНР.

Дело даже не в том, что эти люди нарушают визовое законодательство, за что грозит три года тюрьмы и депортация. По правилам зарубежных граждан категорически запрещено брать на работы, где требуется физический труд, то есть именно туда, где сейчас больше всего не хватает рук.

В минувшем январе ООН распространила доклад о демографической ситуации в ведущих промышленно развитых странах, который вызвал в Японии шок. Эксперты ООН советуют Токио ежегодно принимать не менее 600 тысяч иммигрантов, чтобы восполнить стремительно сокращающееся работоспособное население. К 2050 году, по мнению экспертов, их число в стране следует довести до 33 млн. человек. По другой, более радикальной, рекомендации Японии нужно принимать до 10 млн. иммигрантов в год в течение 50 лет (где в маленькой стране расселить такое количество народа, не уточняется). Японцы, правда, не торопятся следовать советам зарубежных специалистов.

Вся надежда на Мацумото-сана

Токио пока лишь начинает постепенно снимать ограничения на использование зарубежной рабочей силы. Уже решено, например, ввести систему двухлетних «рабочих практик» для иностранцев. Однако большинство японцев не готовы к тому, чтобы рядом с ними на более или менее постоянной основе поселились миллионы чужеземцев со своими странными, на их взгляд, обычаями.

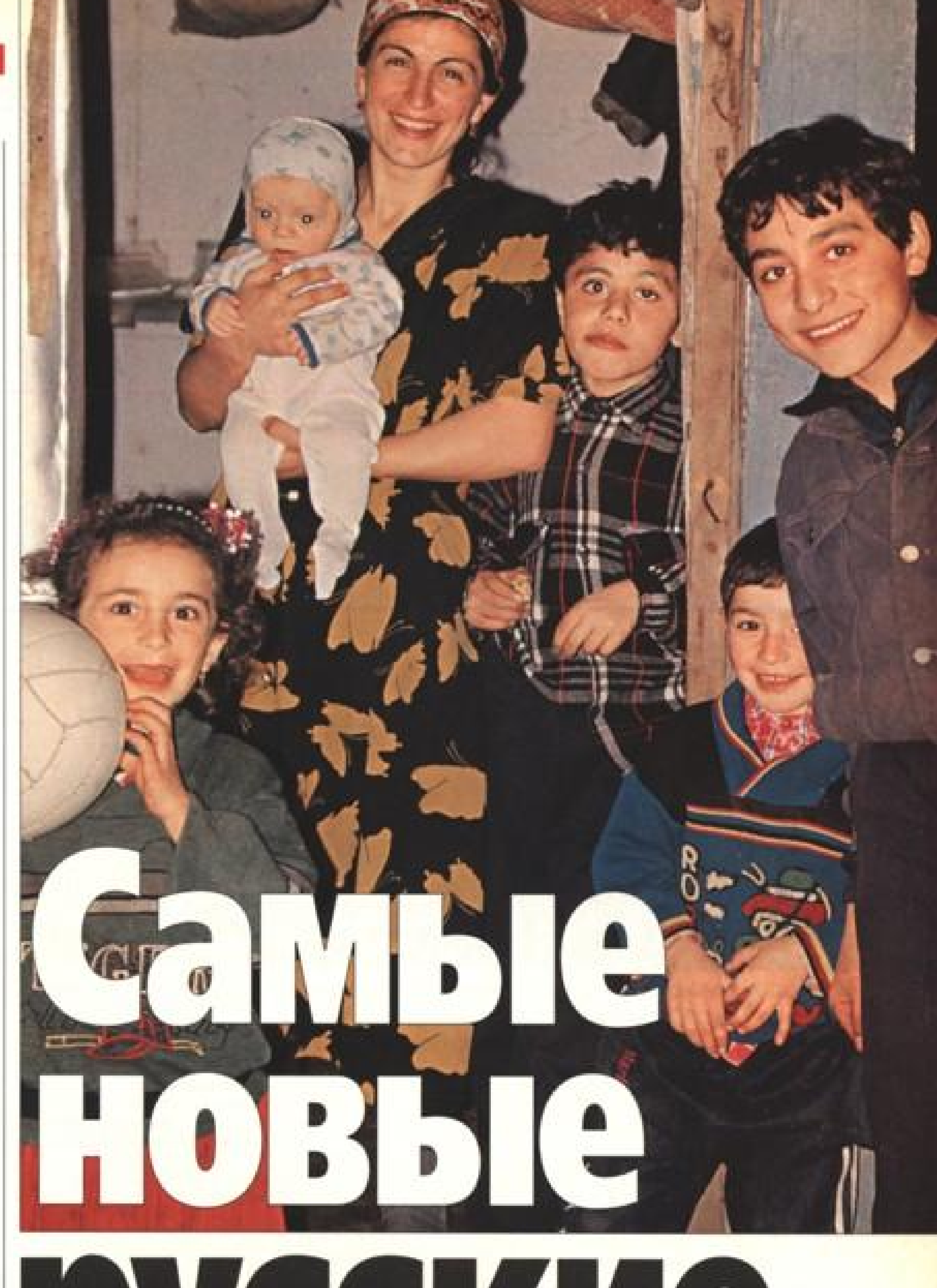
В начале 90-х годов Токио уже имел опыт такого рода: в обмен на льготные поставки нефти он смягчил визовой режим для граждан Ирана. Результат не заставил себя ждать. На лужайках токийских парков задымились мангалы с шашлыком, зазвучали песни на гортанном языке, на улицах застрочили швейные машинки иранских портных, которые прямо на месте обшивали иранских же клиентов. Иранцы, в сущности, не делали ничего плохого, но сам их вид вызывал ужас у местного населения. Последней каплей стали жалобы токийцев на то, что гости мешают местным жителям в священную пору цветения сакуры проводить в парках церемонии любования цветами. В конце концов иранцев стали потихоньку вытеснять из общественных мест, а потом лишили визовых льгот.

Еще больше пугают японцев китайские иммигранты. Уже сейчас преступные кланы из КНР и Тайваня фактически подчинили себе злачные районы Токио, где им проиграла схватку местная мафия якудза. В результате в некоторых районах столицы китайская речь уже сейчас слышится на каждом шагу.

И все-таки иностранцев в Японии мало. В стране с 127-миллионным населением легально проживает менее полутора миллиона зарубежных граждан, включая 700-тысячную общину осевших здесь еще в начале века корейцев, которые уже давно вписались в японский образ жизни. Несмотря на советы ООН, Токио не спешит открывать ворота для иностранцев, поскольку без содрогания не может даже подумать о появлении в стране новых «мини-Тегеранов» или «мини-Шанхаев». В частных разговорах японские чиновники откровенно называют введение режима более свободной иммиграции «культурным самоубийством нации» и с одобрением относятся к призывам губернатора Исихары «хранить порох сухим».

Кстати, кое-какая альтернатива массовому завозу иностранцев у Токио имеется: некоторые эксперты предлагают законодательно продлить работоспособный возраст до 77 лет. Это не шутка — местные старики отличаются необычайной бодростью, и в одном из российских представительств в Токио успешно работает завхозом восьмидесятилетний японец Мацумото-сан, который заткнет за пояс многих молодых. ■

Василий Головнин, ИТАР-ТАСС — специально для «Итогов»
Токио

Самые новые русские

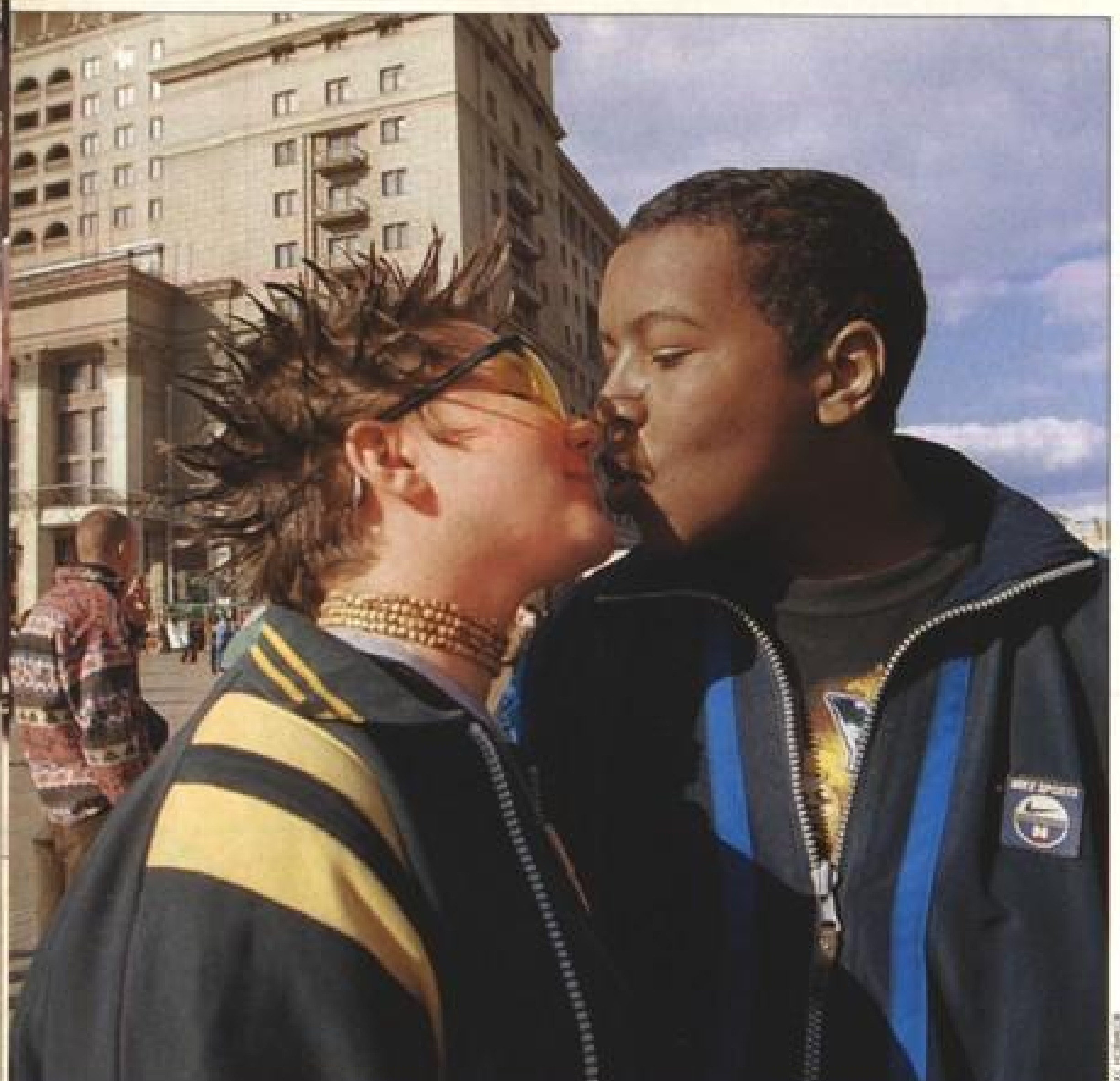
В России уже никогда не будет высокой рождаемости, зато будет много иммигрантов

СЕГОДНЯ В РОССИЮ ВЪЕЗЖАЕТ НА 350 — 400 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК В ГОД БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВЫЕЗЖАЕТ. О ЧИСЛЕ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ИММИГРАНТОВ МОЖНО ТОЛЬКО ГАДАТЬ

Борис Жуков

БАЛАНС

Российская демография наглядно демонстрирует относительность любых усредненных показателей: имея неприлично низкую для развитой страны среднюю продолжительность жизни, Россия одновременно страдает от проблемы старения населения. С каждым годом число вступающих в самостоятельную экономическую жизнь молодых работников все больше отстает от

В АМЕРИКЕ ИЛИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ ТАКАЯ УЛИЧНАЯ СЦЕНКА МОГЛА БЫ СТАТЬ ИЛЛЮСТРАЦИЕЙ ПРОЦЕССА СМЕШЕНИЯ РАС. ОДНАКО **ДЛЯ РОССИИ ИММИГРАНТЫ ИЗ АФРО-АЗИАТСКОГО МИРА ПОКА ЭКЗОТИКА.** НЕ ТО ЧТО БЕЖЕНЦЫ ИЗ БЫВШИХ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

числа новых пенсионеров: поколения, рожденные во времена многодетных семей, сменяются детьми, появившимися на свет в условиях демографического перехода. По прогнозам специалистов, в ближайшие 10 лет абсолютное число россиян трудоспособного возраста будет сокращаться на полмиллиона ежегодно. Рано или поздно встанет вопрос о том, кто же будет кормить страну в XXI веке.

Перед лицом этой угрозы вновь всплывают утопические проекты «стимулирования рождаемости» – иногда приправленные рассуждениями о «вымирании русских». Бывший мэр Москвы Гавриил Попов недавно предложил срочно увеличить рождаемость среди русского населения, чтобы поднять его численность в 2 – 3 раза. С таким же успехом он мог бы предложить довести средний рост россиян до пяти метров – ни одна страна, проводившая политику стимулирования рождаемости, не смогла добиться сколько-нибудь значительных успехов в этом деле. Дорогостоящие меры поощрения приводили лишь к тому, что среднестатистическая женщина рожала не *больше*, а *раньше* – поначалу это выглядело как некоторый подъем рождаемости. Но двинуться дальше или хотя бы удержать достигнутое не удавалось уже никакой ценой.

Некоторые экономисты предлагают решить проблему нехватки рабочих рук, повысив пенсионный возраст и смягчив ограничения на использование труда несовершеннолетних. Возможно, эти меры и дали бы некоторый эффект – как, скажем, и долгожданная отмена армейского призыва, – но они в лучшем случае способны уменьшить остроту проблемы, но не решить ее. Кое-кто уповает на опережающий рост производительности труда. Действительно, сейчас у России есть возможность совершить резкий скачок по этому показателю, просто взяв готовые технологии. Не будем говорить о том, что производительность труда зависит не только от происхождения и года выпуска автоматической линии, но и множества других факторов – от транспортной сети до трудовой культуры персонала. Достаточно вспомнить, что когда страны, на которые мы сейчас ориентируемся, закладывали основы своей экономики, производительность труда в них росла быстро,

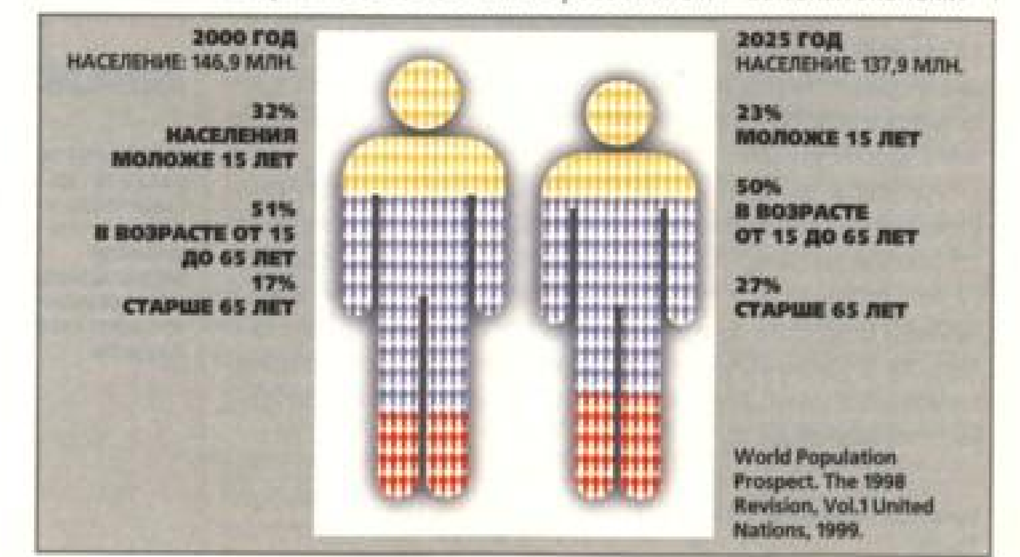
рождаемость была относительно высокой, но почти ни одна из них не обошлась без поощрения иммиграции.

В этом отношении России тоже есть на что надеяться: еще в середине 70-х въезд в нее превысил выезд. Разумеется, в ту пору речь шла почти исключительно о миграции населения из других республик. Однако ни открытие возможности выезда в «дальнее зарубежье», ни распад СССР принципиально картины не изменили: все последние годы в Россию въезжает на 350 – 400 тысяч человек в год больше, чем ее покидает. На самом деле эти цифры характеризуют только регистрируемую миграцию, и если выезд россиян из страны отражается официальной статистикой довольно точно, то о числе нелегальных иммигрантов в России известно лишь то, что оно как минимум сравнимо с числом легальных. Основные источники – бывшие советские республики (Россия имеет положительный баланс в обмене населением со всеми остальными постсоветскими странами, кроме Белоруссии). Из дальнего зарубежья заметный вклад вносят Китай и Вьетнам.

Кто и почему едет в Россию? Выезд из ближнего зарубежья из-за межнациональных отношений в основном завершен, большинство из тех, кто оказался перед необходимостью выбирать себе родину, сделало этот выбор. Очень сильно сократился и въезд на учебу (что, вероятно, в будущем аукнется постепенным уменьшением влияния России на интеллектуальную элиту соседних стран). Основную часть сегодня составляют едущие заработать – торговлей, наемным трудом или криминальными способами. Немалую часть составляют просто беженцы.

То, что среди въезжающих в Россию преобладают мужчины, можно догадаться и не заглядывая в статистику. Интереснее возрастной состав иммигрантов. Обычно в любой миграции основной пик приходится на молодежь (от совершеннолетия до создания собственной семьи), второй, гораздо меньший всплеск отмечается среди людей пенсионного возраста. В Россию сегодня едут и молодые, и старики, но наряду с ними – семейные люди средних лет с детьми-школьниками. Эта возрастная группа традиционно считается самой оседлой, им для переезда в другую страну обычно нужны какие-то чрезвычайные причины, но, похоже, у наших соседей они есть. Наконец, небезынтересно, что среди приезжих доля людей с высшим образованием в полтора раза больше, чем в среднем для населения России.

«Это один из косвенных показателей того, что едут самые инициативные, предприимчивые, уверенные в себе, – говорит Жанна Зайончковская, президент Центра изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. – Статистика этого показать не может, но это видно хотя бы по тому, что закрепившиеся мигранты со временем начинают опережать местных жителей в профессиональной карьере, хотя стартовые условия у них гораздо хуже». Последнее относится не только к специалистам с высшим образованием – высокая экономи-

ческая активность характерна для всех категорий мигрантов. Скажем, в селе Ново-Васильевское (Лотошинский район Московской области) отданный для расселения беженцев с Кавказа недостроенный коттеджный поселок быстро стал основным источником молока и овощей для окрестных дачников: пока мужчины челночат или торгуют в райцентре, женщины занимаются хозяйством. И хотя семьи беженцев многодетны, продуктов на продажу у них почему-то образуется больше, чем в хозяйствах коренных жителей села.

Впрочем, само по себе направление мигрантов в села – специфика миграционной политики Российского государства, столь же негуманной, сколь и нерасчетливой. С одной стороны, провозглашается не только забота о беженцах, но и чуть ли не готовность принять 25 миллионов русскоязычного населения стран СНГ и Балтии (подавляющее большинство которого, к счастью, не торопится откликаться на этот призыв, не имеющий под собой никаких экономических оснований). С другой – приезжие сталкиваются с массой чисто искусственных ограничений в вопросах гражданства, трудоустройстве, выборе места жительства, обучении детей и т. д. «Опыт показывает, – говорит г-жа Зайончковская, – что в крупном городе иммигрант года два мыкается, а потом либо находит место, соответствующее его социальным претензиям, либо сам создает его, а порой и еще несколько – для местных. А в селе или маленьком городе он не может найти себе социальной ниши и вдобавок надолго становится заложником проблемы жилья». Тем не менее государство упорно старается поселить беженцев (прочих иммигрантов оно вообще в упор не видит) подальше от больших городов и по возможности компактно. Дело доходит до того, что в один из беженских поселков учителей младших классов ежедневно привозят из города на автобусе. Это, конечно, казус, но он отражает общее отношение к «чужим»: от них ждут только неприятностей, стремятся убрать куда-нибудь подальше от местного населения и лишить собственных источников дохода. Дескать, они создают криминогенную среду, распространяют наркотики и т. д.

Конечно, люди, оторванные от своей социальной среды и живущие в инокультурном окружении, всегда более склонны к созданию мафиозных сообществ, да и вообще легче вовлекаются в криминальную деятельность, чем члены стабильного общества (тем более что представления о преступном у местных и приезжих могут сильно различаться: скажем, для многих выходцев из Азии гашиш – такой же традиционный продукт, как для европейцев алкоголь). Однако мафиозные «землячества» и создаются в первую очередь для взаимопомощи против ксенофобии и дискриминации, а на криминальный промысел иммигрантов часто провоцируют искусственные ограничения. (Когда власти Приморского края ограничивают срок «туристической» визы для китайца-челнока тремя днями, отлично зная, что для распродажи товара ему нужно по крайней мере две недели, это трудно рассматривать иначе, нежели целенаправленное принуждение к массовому подкупу милиции.) И единственный реальный путь борьбы с тем и другим – интеграция «чужаков» в российское общество, что соответствует и экономическим интересам государства. В конце концов нация – система не биологическая: русский этнос за свою историю «переварил» несметное число финно-угорских и тюркских племен. В генетическом отношении современные русские – не в меньшей степени потомки этих племен, чем древних славян, что не мешает им оставаться русскими. Генерал Лебедь одно время любил рассказывать про служившего под его началом солдата-мулата по фамилии Иванов, бившего морду всякому, кто утверждал, что он, Иванов, не русский. Может, избранный бравым десантником метод этнической самоидентификации и не заслуживает одобрения, но по сути-то он был совершенно прав: *никакие* антропологические признаки не предрешают принадлежности или непринадлежности человека к тому или иному народу.

Возможно, пока потребность России в импорте рабочей силы еще относительно невелика, а возможности для активной помощи иммигрантам крайне ограничены, никакой специальной политики привлечения последних проводить и не надо. Но уже сейчас можно разработать четкий и соответствующий принципам открытого общества порядок въезда в страну, получения постоянного вида на жительство, гражданства и т. д. На это не нужно сколько-нибудь заметных материальных ресурсов – достаточно доброй воли и свободы от племенных предрассудков.

Это и было бы настоящей заботой об историческом будущем русского народа.

В РОССИЙСКИХ РОДДОМАХ РОЖДАЕТСЯ ВСЕ МЕНЬШЕ МЛАДЕНЦЕВ. МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ПРОЕКТЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ ТАК ЖЕ РЕАЛИСТИЧНЫ, КАК ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДОВЕСТИ СРЕДНИЙ РОСТ РОССИЯН ДО ПЯТИ МЕТРОВ

Россия – бывшие советские республики: потоки миграции

10 000 ЧЕЛОВЕК
50 000 ЧЕЛОВЕК
100 000 ЧЕЛОВЕК

РОССИЯ
ЭСТОНИЯ
ЛАТВИЯ
ЛИТВА
БЕЛОРУССИЯ
УКРАИНА
МОЛДАВИЯ
ГРУЗИЯ
АРМЕНИЯ
АЗЕРБАЙДЖАН
КАЗАХСТАН
УЗБЕКИСТАН
КИРГИЗИЯ
ТУРКМЕНИЯ
ТАДЖИКИСТАН

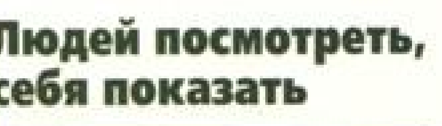
Срывание покровов

Есть у вас дома «Словарь сокращений русского языка»? Так я и думал. В помощь нуждающемуся — свежеоткрытый сайт Sokr.Ru. Количество словарных статей на сервере, несмотря на его молодость, достигло уже почти 14 тысяч единиц. Правда, и этого может оказаться недостаточно для пытливого исследователя. Что ж — в таком случае поделитесь с создателями сайта своими знаниями, необходимый интерфейс предусмотрен. А то еще попробуйте «погадать» на сокращениях (гадают же на кофейной гуще). Составитель Save As попробовал, получив последовательно КСП (клуб самодеятельной песни) и ЛНВ (лозоподборщик навесной виноградниковый). Лето, надо полагать, выдастся веселое. ■

Бесплатный миллион

Молодой китайский инженер Ванг Ксун в конце апреля стал первым победителем на новом американском сайте Jackpot.Com, выиграв настоящий, не виртуальный миллион долларов. Как ни странно, доходы от рекламы вполне позволяют Jackpot.Com выплачивать такие суммы. Неизвестно, правда, какую именно часть денег получит сам Ванг Ксун, но, в любом случае, в государственный банк Китая был переведен весь миллион за вычетом американских налогов. Идея онлайнового казино уже далеко не нова (в данном случае клиенты Jackpot.Com играют на чем-то вроде виртуальных «одноруких бандитов»), но пока что только Биллу Гроссу пришла в голову идея банальные вишенки и колокольчики заменить на рекламные баннеры, что и позволяет сайту действительно расплачиваться с победителями, не взимая при этом никаких денег за собственно игру. Ничего не выиграли? Что ж, все участники накапливают призовые очки, которые можно потратить здесь же, на местном аукционе (этакие локальные деньги). В итоге никто не уходит обиженным. Билл Гросс **(www.idealab.com)** вообще — фигура выдающаяся и незаслуженно малоизвестная. Этот человек создал первую компанию еще в возрасте двенадцати лет, был относительно пассивен всего несколько лет (пока работал на Lotus во второй половине 80-х годов). Все остальное время его распирали идеи. Сначала технологические — например, параболическая «тарелка» для уловления солнечной энергии и преобразования ее в «полезные формы». Потом, по мере того как шли годы, все больше коммерческие (создал успешные компании **etoys.com, goto.com, cooking.com, netzero.com, tickets.com** и пр.). В конце концов, инициалы обязывают.

Людей посмотреть, себя показать

За последний год стоимость цифровых (беспленочных) фотокамер достигла, наконец, приемлемого уровня. Ну, а дальше что? Логичное продолжение — разместить ваши произведения в Сети, благо фотографии сразу существуют в виде файлов. Однако домашние страницы для этого не слишком подходят — кто же на них заходит? Наилучший выход — большой раскрученный «публичный» сайт, на который владельцы не только позволяют, но и активно поощряют выкладывать фотографии. Самый удобный — Sight. Ru (более 4 тысяч работ). Среди любительского «потока» часто попадаются, на взгляд составителя Save As, настоящие жемчужины. Любой посетитель сайта может тут же выставить им оценку (по 4-балльной системе) или откомментировать в местной конференции. Или хотя бы почитать эти комментарии, прежде чем самому браться за камеру. Кстати, ТАСС тем временем открыл свои архивы для всеобщего обозрения (**www.phototass.ru**). ■

Интернет-бар

Интернет-кафе — дело безусловно хорошее и испытанное временем. Однако доподлинно известно, что, во-первых, людям иногда хочется не только кофе, но и других напитков; а во-вторых, интерактивность во время работы в Сети — вещь крайне желательная. Компания Stella Artois разместила Web-камеры в трех дружественных пивбарах в Бельгии, Нью-Йорке и и Ванкувере (Канада). Но это не обычные Web-камеры, о которых вы уже наверняка наслышаны. Зайдя на страницу **www.onlinevenue.com**/stellacam и выбрав нужный бар, вы можете не только увидеть заморского приятеля, но даже оплатить ему кружку Stella Artois (а то и не одну) и вдоволь «початиться». Тащить на плече домой перебравшего приятеля не придется — вы же от него в пяти тысячах километров. ■

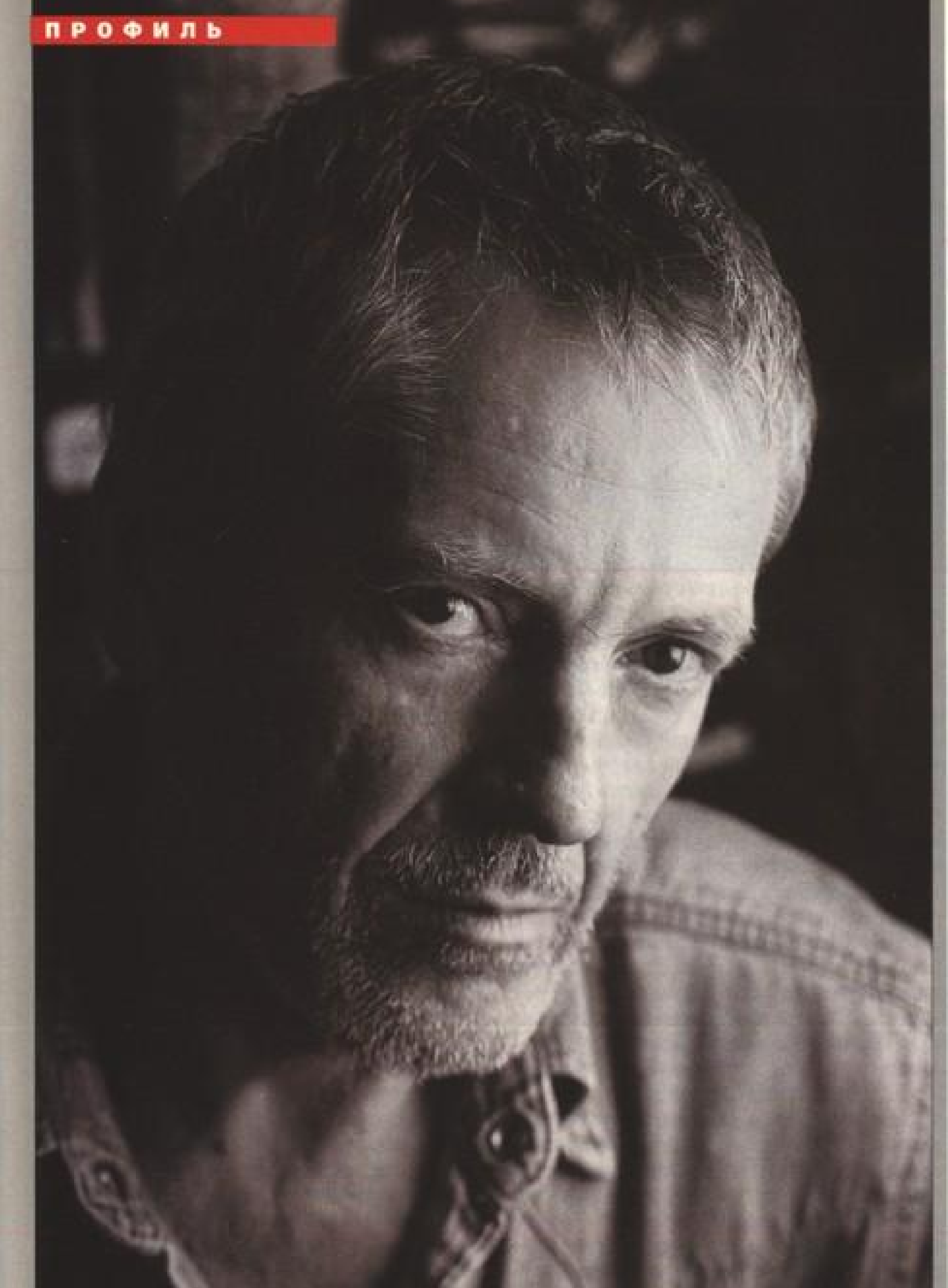

Мульт-панк

Случайно попав на сайт joecartoon.com, поневоле вспоминаешь крестного отца стиля панк Игги Попа. Или детские стишки из «черной серии» (что-то наподобие «В баню попал реактивный снаряд...»). Пробовали когда-нибудь взболтать лягушку в миксере? И не стоит. А вот управляемый мультфильм на эту тему, возможно, кому-нибудь пригодится — хотя бы для снятия напряжения, как резиновый босс у японцев. Подобного рода развлечений на этом сайте — не занимать. Впрочем, жанр короткого мультфильма, часто оснащенного убийственно «черными» приколами, пользуется в Интернете все большей популярностью: дабы убедиться в этом, зайдите на www.jibjab.com или www.bogbeast.com.

По информации «Итогов», Merlin, Newsweek, TBTF, RCFOC, Cooler

Жестокий романтик

В спектаклях Юрия Погребничко нищая советская повседневность стала местом действия всей мировой драматургии

Дина Годер

ОКОЛО

Начнем конспективно. Сначала был Иркутский политех, где Юрий Погребничко учился вместе со своим другом Юрием Кононенко. Потом в Иркутск приехала Роза Сирота — знаменитый режиссер-педагог из БДТ — набирать себе курс для ЛГИТМиКа. И Погребничко поехал в Ленинград учиться на актера и режиссера. После института его пригласил к себе Юрий Любимов, и Погребничко стал вместе со всей таганковской кодлой носиться по сцене в знаменитом «Послушайте!», а также играть в очередь с Леонидом Филатовым в менее знаменитом «Перекрестке» по Быкову. Но долго там усидеть не мог — скоро ушел и стал ездить по провинции, ставить спектакли, но его тоже долго вытерпеть никто не мог. Руководство принимало его спектакли по 10 раз и многие так и не решалось выпустить в свет. В какой-то момент отношения становились совсем напряженными, и режиссеру приходилось сниматься с места. Один за другим шли города разного размера: Шахты, Красноярск, Калинин, Лысьва, Кимры, Киев, Брянск и так далее. Лет через десять после первой встречи Любимов снова позвал Погребничко — теперь уже помогать ему ставить спектакли.

Погребничко ассистировал Любимову на «Преступлении и наказании» и получил разрешение на самостоятельную постановку. Это были «Три сестры». Когда постановка была уже почти готова, Любимов вмешался, стал что-то переделывать, и в результате спектакль вышел под его именем. Говорят, знаменитый режиссер убрал абсурдность и насмешку, добавил политического звучания, но кто помнит посреди таганковской сцены хлипкие дощатые подмостки, куда герои Чехова выходили произнести свои монологи, отчего те казались особенно глупо напыщенными, кто помнит, как появлялся Вершинин, неся авоську апельсинов, и к нему бросались радостные сестры: «Александр Игнатич из Москвы!», тот понимает, что ни юмор, ни провинциальный опыт Погребничко не ушли из «Трех сестер». Спектакль стал знаменит. Поклонники Погребничко до сих пор не могут простить Любимову его поступка, впрочем, вполне типичного для главного режиссера. Говорят о зависти, воровстве, но сам Погребничко теперь не осуждает Люби-

мова. Говорит: «Кто еще дал бы мне в то время поставить такой спектакль? Да никто!». Говорит: «Все было сделано правильно. Тогда я мог нервничать, но уже не помню своих эмоций». И он совершил еще одну попытку — стал ставить на Таганке вампиловского «Старшего сына». Спектакль не был выпущен, и Погребничко из театра ушел.

Следующий этап — главный режиссер театра в Петропавловске-Камчатском. Теперь с ним работал его старый друг Юрий Кононенко, который выучился на театрального художника тоже в Питере, у Николая Акимова. Погребничко уже ставил «фирменные» спектакли, которые и сделали его известным, брал пьесы, к которым вернется еще не раз, — того же «Старшего сына», «Лес» Островского. Шла середина 80-х.

Погребничко сочинял своим спектаклям новые раздумчивые названия: не «Старший сын», а «Я играю на свадьбах и похоронах», не «Лес», а «Нужна трагическая актриса», не «Чайка», а «Отчего застрелился Константин». В его спектаклях, какие бы пьесы он ни брал, была далекая нищая провинция, жестокий лагерный быт, безнадежность тюрьмы, убожество и отчаяние советского сумасшедшего дома. Голые кривые доски, ободранная кирпичная кладка стен, ржавые рельсы, цинковые корыта, консервные банки, полные окурков, — это декорации. Старые телогрейки, бесформенные тряпичные ушанки, вытянутое голубое казенное белье — это костюмы. И тут же такая надежда, такая любовь, такие мечты о счастье и настоящей жизни, которые только и могут быть в самом жалком, забытом богом месте. Драные вечерние платья с декольте и стеклярусом, остов пера, гордо торчащий из мятой шляпки, облезлые меха, «беломорина», которую держат, как драгоценный мундштук. Здесь «мечта поэта» похожа на дешевую ресторанную проститутку, но ведь это не отменяет высокого чувства. Когда Погребничко ставил «Старшего сына», то перенес действие из обычного пригорода в Магаданский край, где все кажутся не просто жителями, а недавно расконвоированными заключенными окрестных лагерей. Время от времени по сцене мрачной шеренгой проходили люди в телогрейках и серых зэковских ушанках. И юный, романтически влюбленный герой выглядел, как местная шпана с ножом в кармане. Когда Погребничко ставил «Лес», в центре сцены торчала вышка охранника, которую превращали то в еще одни подмостки, то в ложу. А в финале всех героев те же люди в телогрейках и ушанках запирали в дощатом бараке, а может быть, в вагоне с узким оконцем и недвусмысленным лагерным номером на стене. Когда Погребничко ставил «Чайку», она казалась сыгранной героями «На дне»: с пошлейшей, претендующей на светскость Аркадиной в обтягивающем бархатном платье цвета электрик, с томной неприкаянной Машей, похожей на шлюху в стиле «женщина-вамп», с бритоголовым озлобленным Треплевым, восторженной дурочкой Ниной и жалким, маленьким Тригориным в очках, подвязанных веревочкой. А в качестве музыкального сопровождения звучали надрывные эмигрантские страсти Шуфутинского да пьяные слезы о таганской тюрьме. Внешнее снижение, даже опошление сюжета неожиданно придавало ему то пронзительное звучание, какое, казалось, извлечь из заигранных пьес уже невозможно. Эстетически Погребничко более, чем кто-либо другой в театре, был близок к кругу концептуалистов, к тому, что делали Кабаков, Булатов, с которыми, как выяснилось, он был знаком и работы которых любил.

Погребничко заметили. Стали приглашать на фестивали, давать премии («Однажды в Ленинграде даже 500 рублей дали, — иронически хвастал он сам, — тогда это большие деньги были. С тех пор денежных премий я уже не получал».) Его стали числить среди лучших провинциальных режиссеров страны. И тогда совершенно неожиданно из Москвы пришло приглашение руководить Театром на Красной Пресне, переходящим из рук в руки после ухода Спесивцева и давно уже доставляющим одну головную боль комсомолу, который им заведовал как местом клубного досуга молодежи.

Он согласился и привел с собой двух замечательных актеров — свою жену Лилию Загорскую и Валерия Прохорова, путешествующего за ним еще с Брянска. На развалинах спесивцевского театра оставалось еще человек двенадцать. Погребничко не стал никого выгонять (большая часть актеров до сих пор у него работает), пригласил нескольких старых знакомых из других московских театров и на этом остановился. («Я не беру новых актеров. Только если человек уж очень расположится к тому, что я делаю, а это всегда видно. Можно даже гороскоп посмотреть. Я, правда, не смотрю, но потом оказывается, что совпадает».) Он сразу поставил свою знаменитую «Чайку», позвав на роль Аркадиной Екатерину Васильеву, очень «расположенную» к его театру. Был уже 1987 год, но московская критика возмущалась по поводу искажения классики не меньше, чем пятнадцать лет назад, когда Эфрос ставил «Трех сестер». Кое-кто даже предлагал закрыть театр. Правда, теперь и защитников было не меньше.

Кстати, эфросовский театр многое внутренне определял в театре Погребничко, которого почему-то числят наследником Любимова. Сам он не раз рассказывал, что его главное театральное впечатление — это игра Ольги Яковлевой в эфросовском спектакле «Счастливые дни несчастливого человека». «Мы с Юрой Кононенко сидели в первом ряду и были под таким впечатлением от того, что она делала на сцене, что хотели даже вручить ей бутылку портвейна. Это было самое дорогое, что мы имели на тот момент». Кстати, его лучшая актриса, Лилия Загорская, очень близка по манере Яковлевой — с той же ломкостью интонаций, срывающимся голосом, беззащитностью, слабостью, странно соединенной с твердостью. Но это героини Яковлевой, будто увиденные глазами Погребничко в заплеванном и грязном мире, с их жалкой гордостью и никому не нужной сложностью.

Название «Театр-студия на Красной Пресне» для театра, расположившегося на улице Станкевича, казалось все более странным. Придумали новое: «Театр ОКОЛО дома Станиславского». Или коротко: «Театр ОКОЛО». «Три «о» хорошо звучит, — говорил режиссер. — Можно сказать: «Ёкалэ». Простое короткое русское слово». Казалось, Погребничко продолжал ставить все тот же самый нескончаемый спектакль. Теперь его никто не подгонял, и он мог ограничиться одной-двумя премьерами в год, зная, что стоместный зал его театра всегда заполнят «свои» зрители. Впрочем, на полном зале он не настаивал и говорил, что одного-двух наблюдателей ему достаточно. Занимался лабораторной работой, увлекался дзен-буддизмом, его актеры практиковали йогу. Стал часто преподавать на Западе, и его театр полюбили в Европе. Смешной и трогательный романсовый микс, сделанный в традиционной эстетике Погребничко, получил на Эдинбургском фестивале престижный приз «Первый на фриндже». В 1995 году умер Юрий Кононенко.

Постановки Погребничко становились все более эзотеричными. Он старался уйти от сюжета, который, как ему казалось, сковывал зрителя: разбивал пьесу на осколки, начинял ее самоцитатами и отступлениями, превращая в загадочное зрелище для посвященных с подзаголовками вроде «Все пьесы Чехова», как это было в «Молитве клоунов». Один из спектаклей этого эзотерического периода — «Вишневый сад» — его поклонникам удалось выдвинуть на «Золотую маску». Как и следовало ожидать, премию он не получил. Поклонники Погребничко, подобно его хулителям, потеряли былую энергию.

Интервью он почти не давал, журналистам казался человеком мрачным и замкнутым, как это часто бывает с людьми, умеющими особенно смешно шутить. Сам досадовал: «Мне нельзя давать интервью, я плохо говорю, а значит, собеседник меня не понимает. Когда читаешь, возникает ощущение, что идиот расспрашивал идиота. Я не хочу беседовать с посторонними людьми, вот с актерами во время работы — другое дело. Там не надо объяснять с самого начала, от детского сада. Актеру я говорю «петушье слово», и он меня понимает».

Погребничко никогда не был ни во что встроен: не подписывал петиций, ни за что не ратовал, ни к чему не призывал в перестроечные времена, не ругал и не хвалил наступившие за ними новые времена и не суетился. Он, как человек сугубо неофициальный, не посещал высоких приемов, повсюду ходил в джинсах и свитере, за границу брал с собой велосипед («Париж ведь город маленький...») и ни у кого ничего не просил. Его круг всегда казался скорее интеллигентским, близким к диссидентскому, чем традиционно театральным, всегда связанным с властью. Этой независимостью он был защищен как в прежние, так и в новые времена, равно предлагающие соблазны.

Казалось, что он не меняется, но он менялся. В замечательном спектакле «Вчера наступило внезапно...» по «Винни-Пуху» в 1990 году он первым в театре дал услышать щемящий и печальный звук уходящей эпохи — в то время, когда все продолжали посылать ей вслед проклятья. Здесь, в клинике, похожей на тюрьму, где сторожем — седой, небритый Кристофер Робин, а с ним — мужественный и простодушный Пух, влюбленная в него девушка-Пятачок, трепетная подзаборная интеллектуалка Сова и брюзгливый пенсионер Иа, рядом с облезлым «Уголком Ленина», под портретами «битлов» и под звук их песен, и старые анекдоты про Василь-Иваныча, и нечленораздельные вокзальные радиопризывы «Диспетчер Жуков, зайдите за талонами на сахар!», и даже косноязычие Брежнева, читающего к чему-то идиотский текст о юбилее Академии наук, вызывали теплое чувство.

НА СТР. 55: **ДВА ЮРИЯ — КОНОНЕНКО** (СЛЕВА) И **ПОГРЕБНИЧКО**

СЛЕВА НАПРАВО: **ПОГРЕБНИЧКО, КАК ПРАВИЛО, ПРИДУМЫВАЕТ СВОИМ СПЕКТАКЛЯМ НЕОБЫЧНЫЕ НАЗВАНИЯ — «Я ИГРАЮ НА СВАДЬБАХ И ПОХОРОНАХ»** («СТАРШИЙ СЫН»), **«ОТЧЕГО ЗАСТРЕЛИЛСЯ КОНСТАНТИН»** («ЧАЙКА»), **«НУЖНА ТРАГИЧЕСКАЯ АКТРИСА»** («ЛЕС»), **«СОВЕТСКАЯ ПЬЕСА»**

Последние спектакли Погребничко все больше теряют прежнюю саркастическую жесткость и замкнутость. Недавно был восстановлен знаменитый «Лес» («Нужна трагическая актриса»), и вместо умершего четыре года назад Николая Алексеева роль Несчастливцева сыграл Алексей Левинский — актер и режиссер еще более маргинальный и замкнутый, чем сам Погребничко. Новый Несчастливцев — почти бесплотный и скорбный рыцарь театра — совершенно изменил звучание спектакля. Лагерная тема отошла на задний план, а главной стал такой важный для Погребничко мотив провинциального актерства, чей путь — аскеза и юродство — придает смысл и жизни окружающих.

Социальность Погребничко и раньше была лишь внешней приметой стиля. В последних спектаклях она и вовсе остается фоном, знаком времени, которое каждый из нас узнает как свое. Надежда Бахвалова, прежде работавшая вместе с Кононенко над костюмами, теперь сочиняет и сценографию к спектаклям Театра ОКОЛО, наполняя пространство женским теплом. Линялая олимпийка вышита диковинными цветами, в драповое пальто вшиты клинья кружевных платьев с бисером, на шинелях вместо погон и пуговиц — ряды искусственных букетов. В последней премьере Погребничко — «Советской пьесе» — ободранные кирпичные стены она занавешивает вышитым «телогреечным» ковром, и торчащая из дыр вата кажется снегом. На стеганых елках сидят новогодние снегири на прищепках, а на земле костерком горит кремлевская звезда, к которой герои протягивают озябшие руки, напевая под гитару: «Над Канадой небо сине...». Со стены добродушно смотрят Брежнев, Сталин, Леннон, Незнакомка, Ленин — все в ушанках. Но ностальгии нет — есть только теплое узнавание. Маленькие пьески Семена Злотникова об одиночестве — «Два пуделя» и «Бегун и йогиня» — оказались смешными, нежными и полными надежды. Погребничко опять сумел сказать зрителям свое «петушье слово», и они его поняли. ■

Фото **Виктора Баженова**

Свадьба по расчету

Каннский кинофестиваль и на этот раз не обошелся без русского сюжета

Юрий Гладильщиков

ТАБЕЛЬ О РАНГАХ

Каннский кинофестиваль 2000 года слегка разочаровал кинознатоков. Подбор фильмов был традиционно качественным, лучше берлинского или венецианского, но фокус в том, что программа 1999-го оказалась едва ли не самой сильной за все десятилетие. В 2000-м киноманам не хватило открытий. Точнее, не хватало: когда фестиваль перевалил через середину, всех взбудоражил (кого-то, как всегда, взбесив) Ларс фон Триер. Даже на утренний пресс-просмотр в 8.30 в зал на две с половиной тысячи мест не смогло прорваться человек пятьсот, начался стихийный митинг против руководства кинофестиваля, а затем и драка с полицией и полицейскими ротвейлерами. Кого-то, говорят, повязали.

В начале 90-х один известный французский критик объяснял беды современного кино так: единственным подлинным авангардистом вот уже три десятилетия остается Годар, а других нет. За десять лет другой в Европе появился. Это фон Триер. Его «Танцующая в темноте» и начинается-то революционно — с увертюры. Она звучит в зале при непогашенном свете. На последних тактах свет гаснет, занавес медленно раздвигается — и открывает название фильма на фоне огромных букв Lars von Trier. Датский режиссер знает, что стал классиком, и Канн эту его самоуверенность всячески поощряет. Два года назад перед показом «Идиотов» главный человек Канна Жиль Жакоб сделал то, чего не делал ради голливудских звезд: сбежал вниз по знаменитой красной лестнице, чтобы приветствовать фон Триера уже у подножия. Теперь ради фон Триера отменили традиционную — тоже знаменитую — фестивальную заставку с пальмовой ветвью цвета золота, которую обязательно прокручивают перед каждым сеансом. Заставка и музыка помешали бы увертюре плавно перетечь в фильм, который резко, по контрасту, начинается как типичное кино «Догмы» — дерганая картинка под документальность, а затем столь же резко прерывается музыкально-хореографическим эпизодом (Бьёрк плюс Катрин Денев). И так два с лишним часа.

Этот номер «Итогов» выйдет в свет, когда победители фестиваля будут известны. Обо всех основных фильмах (в том числе и о «Танцующей в темноте») мы расскажем через неделю. Пока же — о русском сюжете Канна.

То, что в конкурс попала «Свадьба» Павла Лунгина — картина одиозно конъюнктурная, — совсем не случайность, а закономерность. По-иному, наверное, и быть не могло.

Поначалу идеолог Канна Жиль Жакоб вроде бы делал ставку на другой фильм из России — «Романовы. Венценосная семья» Глеба Панфилова. Панфилов изготавливал «Романовых» так же долго, как Алексей Герман «Хрусталева». Уже года четыре регулярно возникали слухи, что наконец завершил, и в марте донеслось: да, теперь точно завершил, Жакоб картину видел, и она ему будто бы приглянулась. Однако «Романовых» в Канн не взяли. Еще до фестиваля распространилась версия, что Жакоба смутила академичность «Романовых». В каннский конкурс этого года и без того попала пара традиционных картин (академиста из академистов Джеймса Айвори, а также Лив Ульман по сценарию Ингмара Бергмана), а Канн стремится быть фестивалем кино XXI века и жаждет фиксировать новые тенденции.

Увы, как обнаружилось на месте, в Канне-2000 не пара, а как минимум пяток вполне академических картин. Еще больше — исторических. Панфилову печально не повезло с годом (нет бы завершить фильм раньше!). Хозяев-французов вдруг завалили Большим Общественно-Важным Историческим Кино. Даже такие актуальные режиссеры, как Арно Деплешан или Оливье Ассаяс, и те притащили на фестиваль трехчасовые эпосы из жизни аристократов конца XIX — начала XX веков. Непрерывные балы с вальсами. Кстати, не исключаю, что в этот раз Жакоб отобрал так много академических картин, чтобы не дразнить гусей. Ведь прошлогодняя программа оказалась чересчур радикальной. Но включить в конкурс еще и Панфилова, живописующего то же самое время, что и Ассаяс с Деплешаном, но в мало кому интересной России, было бы уже явным перебором.

Канн не мог пожертвовать фильмами Айвори или Ульманн, которые относятся к режиссерам из «ближнего круга» фестиваля, и уж тем более картинами французскими. Пожертвовать фильмом Панфилова было легче, поскольку наша современная культура не воспринимается сейчас как обязательная и кажется провинциальной.

В то же время, коли программа стала выглядеть вполне академичной, ей требовалось что-то варварское. Тут-то и подоспел Павел Лунгин со своей «Свадьбой». Тем более что он — каннский протеже («Такси-блюз» принес ему здесь приз за режиссуру), а фильм — что для Канна всегда важно — снят на французские деньги.

Впечатление первое: дежа вю. Словно бы и не прошло десяти лет со времен «Такси-блюза» и восьми — со времен «Луна-парка». Все, что можно было ожидать от фильма Павла Лунгина про свадьбу в глухой провинции, ориентированного на Европу, — все это на экране и есть. Сначала главные герои напиваются, потом трезвеют, потом грабят заезжую тетку, потом гуляют на свадьбе, опять напиваются, поют «Виновата ли я», воруют ментовский пистолет, бьют друг другу морды, но остается надежда. Народ душевный, но буйнопомешанный.

Эта предсказуемость — вернейший признак конъюнктурности — ошарашивает и портит приличным людям настроение. Хороший питерский критик, всегда отличавшийся эстетским подходом к кинопроизведениям, вышел с позднего вечернего просмотра «Свадьбы» в темных очках. «Ты чего это? Темно ведь», — говорю. «А это чтобы людям в глаза не стыдно было смотреть», — отвечает на полном серьезе.

Впечатление второе. В фильме действительно есть энергия (в варварском кино она ценится превыше всего), есть три-четыре неплохие актерские работы, но много театральности, почти опереточности. Соавтором сценария был драматург Александр Галин, и сценарий действительно напоминает его пьесы, написанные в духе комически-мелодраматически-ностальгической коммунальной свары. Большинство персонажей (продажный мент, распорядитель бала, новый русский etc.), возможно, естественно выглядели бы на сцене, но странно смотрятся в фильме, который претендует на то, что показывает правду о бедной провинциальной жизни. Несмотря на опереточность персонажей и ситуаций, фильм снят дрожащей ручной камерой, которая то опускается в шахту, то наблюдает за выдачей жалкой зарплаты, а то отправляется в сиротский приют. То есть вроде как реализм.

Мне говорят, что иностранцы прекрасно понимают: в фильме много выдуманного, фарсового и что это не настоящая жизнь. Некоторые понимают, но большинство нет. Из газеты Figaro: юмор, русская душа, иррациональность. Из главной деловой киногазеты Variety: Лунгин — портретист современной России. Из журнала Screen International: взгляд на современную Россию, охваченную социальной анархией, водочная вакханалия. Правда, Screen замечает, что взгляд на состояние нации неоригинален, но в том, что он точен — не сомневаются. Есть штука и более (для меня лично) неприятная. Фильм Лунгина неизбежно смотрят теперь через призму балканского кино — через фильмы того же Эмира Кустурицы. Выходит, что русский и балканский анархизм, русское и балканское безумие абсолютно тождественны. Равно привлекательны как альтернативный стиль жизни, но и равно опасны.

РЕЖИССЕР **ПАВЕЛ ЛУНГИН.** СЛЕВА ОТ НЕГО МОЖНО РАЗЛИЧИТЬ СИЛУЭТЫ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ГЛАВНЫХ РОЛЕЙ «СВАДЬБЫ» — **МАРИИ МИРОНОВОЙ** (ТАНЯ) И **МАРАТА БАШАРОВА** (МИШКА)

Впечатление третье, тоже неприятное. Как ни старался Лунгин сделать кино гуманистическое и обнадеживающее, туристский взгляд на страну, людей и проблемы все же ощутим. Приехал чистенький человек и снял фильм из жизни тараканов. Тараканов он обожает, но они все же тараканы. «Продолжая снимать такие картины, мы дотрахаемся до мышей», — припомнив старый анекдот о семье, в которой из поколения в поколение женились на все более миниатюрных женщинах, зло сказала наш известный кинодистрибьютор.

Из всего этого и возникла реакция на фильм, объединившая в Канне сразу несколько моих коллег. Вроде бы должно быть приятно, что в конкурсе есть российская картина, хотя формально она и французская. Но лучше бы ее в программе вообще не было. (Впрочем, встретились и двое коллег, назвавших фильм энциклопедией русской жизни.)

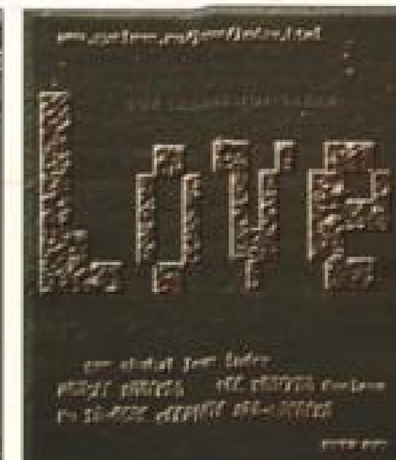
Черт с ней, со «Свадьбой». Огорчительнее то, что, скорее всего, в ближайшие годы на кинофестивале № 1 иные российские фильмы появляться не будут. Это не значит, что Западом по-прежнему востребована наша чернуха. Это значит, что наша культура выпала в осадок. Академический фильм из России, как видим, в программу не прошел. Постмодернистские — не проходили тоже (ни один фильм из неплохого, но загнувшегося малобюджетного проекта Киностудии имени Горького в Канне не показали), хотя американский и юго-восточный кинопостмодернизм для Канна естественны. Режиссеров, чьи имена — гарантия того, что их фильм возьмут в Канн, у нас осталось мало: оба Михалковых, возможно, Герман, возможно, Сокуров, Бодров и опять-таки Лунгин. Панфилов, как видим, из круга выпал, хотя десять лет назад «Мать» прошла в Канне с фурором. Возможно, за десять лет его попросту подзабыли.

Какие из наших фильмов могут при таких условиях прорваться в Канн? Случайные. Либо уж действительно, как теперь говорят, «с драйвом» — дикие, варварские, из которых прет энергия. Так несколько раз прорывался Балабанов, но «Брата-2» Канн тоже отверг.

Короче, чтобы попасть в Канн, надо сделать конъюнктурное кино. Лунгин это умеет. Будь я французом, я бы тоже отобрал его фильм. ■

На Net и суда нет

Симпозиум «Pro&Contra» попытался доказать, что единственная реальность современной культуры — реальность виртуальная

Федор Ромер

НАШЕ БУДУЩЕЕ

ВВЕРХУ: ЯРКИЙ ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТ ГОРА ЧАХАЛА LOVE (СЛЕВА И В ЦЕНТРЕ) НА БУМАГЕ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПОДОБИЕ НАДГРОБНОЙ ПЛИТЫ, ТАК ЖЕ КАК И ПРОЕКТ TRASH ОДНОГО ИЗ ОРГАНИЗАТОРОВ СИМПОЗИУМА АЛЕКСЕЯ ИСАЕВА (СПРАВА)
В ЦЕНТРЕ: МОСКОВСКИЙ ХУДОЖНИК ГОР ЧАХАЛ ВПЕРВЫЕ ПОМЕНЯЛ СВОЮ ВИТАЛЬНУЮ ОРИЕНТАЦИЮ НА ВИРТУАЛЬНУЮ, А КЛАССИК БОЛГАРСКОГО СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА ЛУЧЕЗАР БОЯДЖИЕВ (СПРАВА) УЖЕ ДАВНО ПОСЕЛИЛСЯ В ИНТЕРНЕТЕ
СПРАВА: ИМЕННО ТАК ПОСЕТИТЕЛИ СИМПОЗИУМНЫХ ВЫСТАВОК ОБЩАЛИСЬ С СОВРЕМЕННЫМ ИСКУССТВОМ

ПРИЗНАЮСЬ ЧЕСТНО, Я, СЧИТАЮЩИЙ себя человеком современным и просвещенным, плохо понимаю выражения типа «дигитальная революционизация», «киберфеминизм» или «VRML-проекты». Если с читателем этих строк происходит то же самое, должен его огорчить: мы с ним — безнадежно отсталые люди. Хотя бы потому, что надо считаться с волеизъявлением масс. А массы (юные, модно прикинутые, с умными книжками и журналами в руках) четыре дня подряд заполняли немаленькую центральную аудиторию РГГУ и исправно слушали доклады про «VRML-проекты». Шел первый междисциплинарный международный симпозиум «Pro&Contra», посвященный влиянию на современную культуру новых технологий вроде всяких мультимедиа и Интернета.

Но с собственной ограниченностью меня примирили торжественные приветствия участникам симпозиума, опубликованные в его буклете. От ректора РГГУ («трудно переоценить влияние медиакультуры на все стороны человеческой деятельности») и начальника Департамента правительственной информации правительства РФ («на встрече с представителями Интернет-сообщества в декабре 1999 года В. В. Путин выразил заинтересованность в том, чтобы российский сегмент сети активно развивался»). Вот это и есть, наверное, «дигитальная революционизация» всей страны. Если же серьезно, то симпозиум «Pro&Contra», состоящий не только из бдений в РГГУ, но и из выставок в галереях, тематических кинопоказов в Музее кино и вечеринок в ночных клубах, — это первое за многие годы по-настоящему серьезное, масштабное международное мероприятие, посвященное актуальной культуре и поддержанное на государственном уровне.

С другой стороны, государству ничего другого и не остается, как попытаться приручить электронщиков-интернетчиков перед лицом реальной угрозы. Сетевые СМИ теснят СМИ бумажные во многом благодаря большей гибкости и отсутствию какой-либо цензуры. А всякий уважающий себя представитель альтернативной культуры имеет свой сайт. Потому апогеем «Pro&Contra» явился «круглый стол» в пресс-центре Дома правительства РФ под названием «Государство. Информация. Интернет» и с участием министров Починка и Реймана, а также товарищей из ФСБ. Речь шла все о том же: можно ли и нужно ли вводить цензуру в свободолюбивой сети? (Между прочим, на 18 мая назначено думское слушание законопроекта «О регулировании Интернета».)

Впрочем, мы пишем для отдела искусства, а не отдела политики. А вот с так называемым сетевым искусством дела обстоят неважно. Не то чтобы его не было — оно есть, но оно *как бы* есть. Постороннему всякая симпозиумная выставка, скажем, «Сетевое искусство как оно есть» в Галерее М. Гельмана, покажется столь же заумной и скучной, как и лекции в РГГУ. Кураторы — сам Марат Гельман и сотрудники ассоциации MediaArtLab (она же устроитель всего симпозиума) — совершили попытку «традиционного экспонирования искусства, живущего в ином виртуальном пространстве». То есть повесили Интернет-проекты из разных стран не только на гельмановскую web-страничку, но и на стены его галереи.

В свое время меланхоличные прибалты придумали «хоронить» чужие сайты, оказавшиеся ненужными, создавая для них виртуальные надгробные плиты. Кураторы выставки воспользовались их изобретением. Унылые одноцветные распечатки из Интернета, составившие экспозицию, похожи на эти плиты. Поскольку сами проекты — веселые и цветные — живут только в естественной среде. На экране компьютера.

Чтобы наслаждаться сетевым искусством, нужно сначала подключиться к сети. Но удовольствие того стоит. Что и пытался показать симпозиум «Pro&Contra». ■

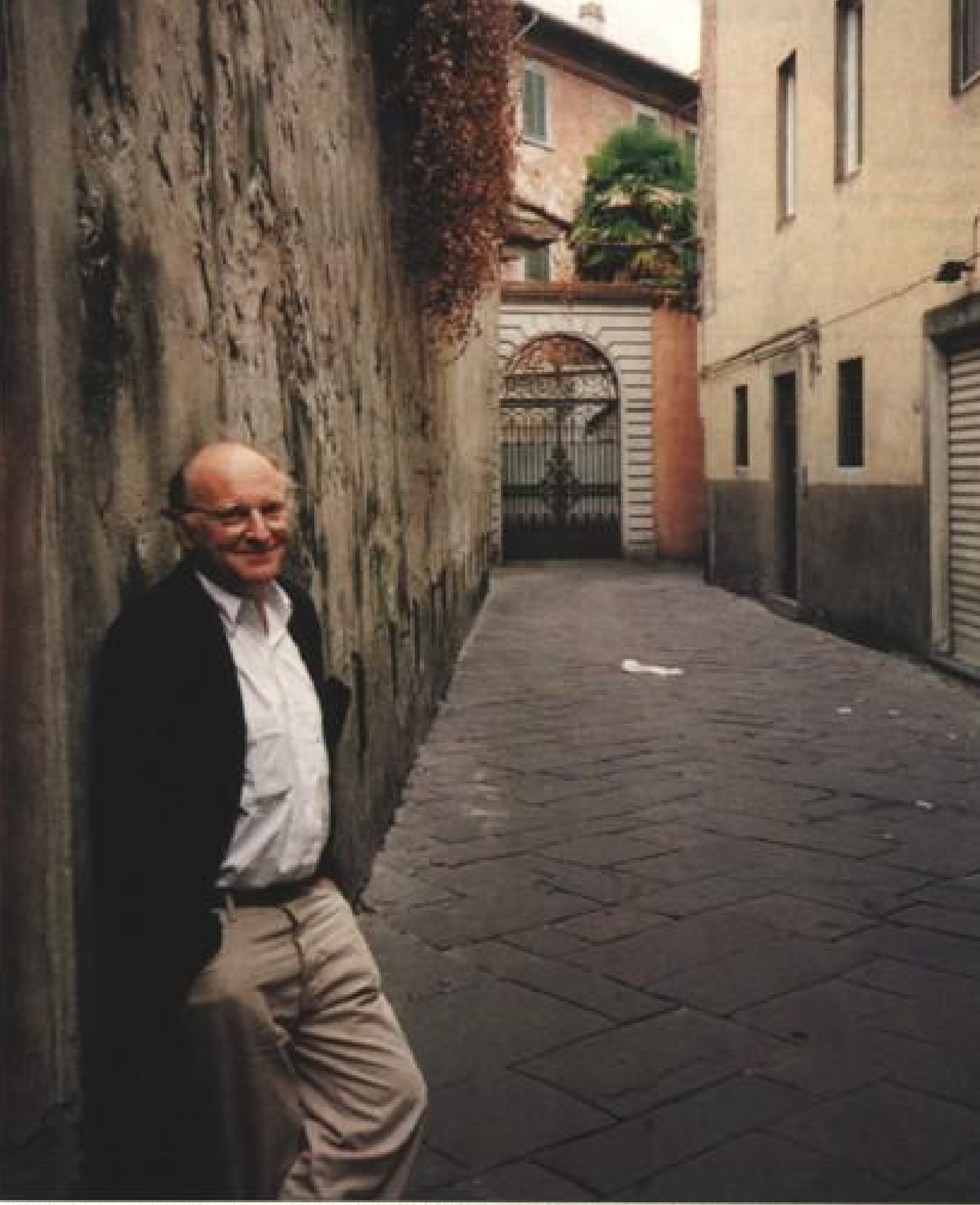
Фото Макса Новикова

День рождения

Двадцать четвертого мая Иосифу Бродскому исполнилось бы 60 лет

Петр Вайль

ЮБИЛЕЙ

ПЕТР ВАЙЛЬ

Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок и кликуху гвоздем в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал черт знает с кем во фраке.
С высоты ледника я озирал полмира,
трижды тонул, дважды бывал распорот.
Бросил страну, что меня вскормила.
Из забывших меня можно составить город.
Я слонялся в степях, помнящих вопли гунна,
надевал на себя что сызнова входит в моду,
сеял рожь, покрывал черной толью гумна
и не пил только сухую воду.
Я впустил в свои сны вороненый зрачок конвоя,
жрал хлеб изгнанья, не оставляя корок.
Позволял моим связкам все звуки, помимо воя;
перешел на шепот. Теперь мне сорок.
Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.

СОЛЖЕНИЦЫН РАССЕРДИЛСЯ НА БРОДского за первые строки его стихотворения «Я входил вместо дикого зверя в клетку...», назвал их «преувеличенно-грозными», поясняя: «Срок — первоначально 5-летний лагерный — сведен был к 17 месяцам деревенской ссылки, по гулаговским масштабам вполне детский». Последние строки этого единственного стихотворения Бродского, написанного к своему дню рождения, — слова благодарности жизни — звучат на солженицынский слух «диссонансом» при «сплошном тускло-мрачном восприятии мира» («Новый мир» № 12, 1999).

«Я глуховат, я, Боже, слеповат...» — писал о себе Бродский с очень свойственным ему (как никому, пожалуй, в русской поэзии) принижением авторского «я». Однако в течение многих лет его стихи сопровождают глуховатость и слеповатость читателей, слышащих и видящих в нем лишь певца печали. Хотя при непредвзятом чтении Бродского несомненна живущая вместе со скорбью радость бытия, и кажется совершенно ясным, почему в стихотворении к своему сороковому дню рождения коллизии «детского» срока поданы такими яркими красками (кстати, в жизни Бродский никогда не делал упор на своих судебно-ссыльных испытаниях, напротив — переводил разговор, снижал градус). Клетка и барак — часть того огромного разнообразия, которое жизнь щедро обрушивает на человека. Рядом с тюрьмой в первом же четверостишии не случайно стоят море, рулетка, обед во фраке — по видимости противоположные, а по сути равнозначные явления и эпизоды, потому что все это — события судьбы.

Такую чересполосицу Бродский сознательно и последовательно нагнетает на протяжении всех двадцати строк. Стихотворение — как кардиограмма: всплеск пафоса сменяется иронической усмешкой. После «воплей гунна» — строка, которую впору сделать рубрикой журнала мод; если «хлеб изгнанья» — то «жрал... не оставляя корок». Рядом с близостью смерти («тонул», «бывал распорот») — даль жизни («озирал полмира»).

Главная интонация тут может быть выражена оксюмороном — спокойный восторг. Прочувствованное и обдуманное восхищение перед многообразием и непредсказуемостью. Это пушкинская линия русской словесности — то торжествующая, то отступающая, но не пресекавшаяся никогда (таким ощущением восторженного смирения одушевлена строка младшего современника Бродского — Сергея Гандлевского: «Много все-таки жизни досталось мне»).

Ни малейшего признака «сплошного тускло-мрачного восприятия», и потому, конечно же, не «диссонансом», а стройным и логичным аккордом звучит финал стихотворения Иосифа Бродского. Сорокалетний поэт обнаружил, что жизнь «оказалась длинной» и переполненной — событиями, людьми, мыслями, чувствами. Ему было отмерено еще полтора десятка лет — таких же длинных и полных. Он написал еще много стихов и прозы, не уставая дивиться жизненным кульбитам, на все лады варьируя последнюю строчку стихотворения к своему дню рождения — о благодарности. ■

Толстые литературные журналы
Апрель

АПРЕЛЬ ОДАРИЛ НАС НОВЫМ произведением Бориса Акунина. Акунинскую «Чайку» напечатал «Новый мир», что само по себе событие.

Автору популярнейших детективов об инспекторе Фандорине (написанных под псевдонимом Борис Акунин) и чуть менее популярной книги «Писатель и самоубийство» (опубликованной под именем Георгия Чхартишвили) самоубийство Треплева, которым заканчивается оригинальная «Чайка», показалось художественно неубедительным.

На самом деле, считает автор, Треплева убили. За расследование берется доктор Дорн (кстати, у Акунина он оказывается дальним родственником Эраста Фандорина, по крайней мере у них общий предок: фон Дорн — отсюда и Фандорин). В результате выясняется, что у каждого из действующих лиц были основания для убийства Константина Треплева, не исключая и самого Дорна. Рассмотрение этих оснований и составляет содержание пьесы, счастливо соединившей три имени: Антона Чехова, Бориса Акунина и Георгия Чхартишвили.

Впрочем, не одной «Чайкой» славен апрельский номер «Нового мира». Достаточно сказать, что открывается он новой повестью Владимира Маканина «Буква «А». Это повесть-притча о воле. Зеки выбивают на скале слово. И что-то в мире меняется. Выбили первую букву — воля пришла, а какое слово выбить собрались — никто не помнит.

Еще одна притча напечатана в «Знамени». Это «Восхождение Зенты» Елены Поповой. Речь идет о благотворительности, то есть о созидательной деятельности вообще, с трудом преображающей серый и неуютный российский мир.

Дина Рубина в «Дружбе народов» рисует картинки израильской жизни, знакомые читателю по ее романам, на сей раз прибегая к малому жанру — к рассказу или «монологам».

В «Октябре» напечатана московская повесть Николая Климонтовича «Конец Арбата» — о потомке крестьян и дворян, тщетно пытающемся сохранить генетическую сословную гордость в советской действительности. Говоря без пафоса — об Арбате 60 — 70-х. Здесь же Владимир Качан поместил начало своего «свободного сочинения на свободную тему» — «Улыбайтесь, сейчас вылетит птичка...», то есть мемуаров о студенческой и театральной жизни (среди героев — Леонид Филатов, Михаил Задорнов). А Борис Хазанов решил вспомнить теорию полов Отто Вейнингера, о чем и написал статью «Вейнингер и его двойник». Двойник, между прочим, вовсе не Василий Розанов, как можно было бы подумать, а сам Вейнингер. В результате получилась поучительная история о том, как Вейнингер убил Вейнингера. ■

Николай Александров

НА ВЕЧЕРЕ «ГЕРШВИН — ЛЮБОВЬ МОЯ!», КОТОРЫМ В КОНЦЕРТНОМ ЗАЛЕ «РОССИЯ» ОТКРЫЛСЯ ЦИКЛ КОНЦЕРТОВ «ЭТО ДЖАЗ», СОСТОЯЛАСЬ ПРЕМЬЕРА НОВОЙ ВЕРСИИ «РАПСОДИИ В БЛЮЗОВЫХ ТОНАХ» ГЕРШВИНА. НАПИСАННАЯ В СВОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО И СИМФОНИЧЕСКОГО ОРКЕСТРА, ОНА ВПЕРВЫЕ ВВЕЛА ДЖАЗ В ОБЩЕСТВО СЕРЬЕЗНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ЖАНРОВ. А ТЕПЕРЬ **ОЛЕГ ЛУНДСТРЕМ ВЕРНУЛ «РАПСОДИЮ В БЛЮЗОВЫХ ТОНАХ» ДЖАЗОВЫМ ИСПОЛНИТЕЛЯМ.**

Ален Безансон.
Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы.
Москва — Париж: «МИК» — «Русская мысль», 2000

МЫСЛЬ О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ сходстве двух самых зловещих тоталитарных режимов XX века — нацистской Германии и коммунистического СССР — уже давно не поражает оригинальностью. Новизна вышедшей в 1998 году книги известного специалиста по российской истории Алена Безансона в том, что он не ограничивается констатацией общеизвестных фактов, а пытается нащупать их корни и определить первопричины. Фундаментальная общность двух идеологий состоит в том, что как нацисты, так и коммунисты проповедовали установление «правильного» земного порядка, достичь которого можно было, лишь сокрушив (а лучше — уничтожив) всех врагов. Различие же основывалось на принципах определения того, кто попадает в число врагов: для нацистов ими были все неарийские расы (и в первую очередь евреи), а для коммунистов — те, кто заражен буржуазной идеологией, «духом капитализма».

Коммунистический вариант тоталитарной идеологии, как считает Безансон, не менее (и даже более) опасен, нежели нацистский. Преступления нацистов очевидны и осуждены международным трибуналом; преступления коммунистов признаны и осуждены частично, причем обвиняются, как правило, не сама идеология, а экстремальные варианты ее реализации (сталинизм, чистки в Китае, Пол Пот...). Дело в том, что коммунизм апеллирует к идеалам социальной справедливости, которые сами по себе вовсе не плохи; преступно же то, что во имя достижения этих идеалов оказывается возможным злостное нарушение естественных этических заповедей. Нацизм в итоге смог просуществовать всего 12 лет и был разгромлен (и как система, и как идеология); коммунизм же после 80 лет вовсе не побежден и остается влиятельным идеологическим течением во многих посткоммунистических странах.

Безансон анализирует не только проблемы физического и нравственного разрушения. В небольшой главке «Бес и личность» он задает вопрос: «Кто обладает властью при чистом коммунистическом или нацистском строе»? Очевидный, казалось бы, ответ (фюрер или генсек) не вполне верен (как раз генсек мог лишиться своей власти очень просто), поскольку подлинной властью здесь обладает не личность, а сама тоталитарная структура (партия, номенклатура), вербующая в свои ряды людей по принципу максимальной обезличенности (главное, чтобы соблюдалось единомыслие); управляет же этой структурой вовсе не вождь (лишь воплощающий в жизнь то, что структура от него требует), а некая надличная, внечеловеческая сила. И поэтому сейчас стоит обратить внимание не только на прошлое, но и на будущее: пусть нацизм остался в XX веке, а у коммунизма практически нет шансов на глобальное возрождение, но дело ведь не в именующих идеологию словах — тоталитарные структуры тем и опасны, что способны возрождаться в новых обличьях и под новыми знаменами.

Любопытно также сопоставление Безансоном тоталитарных идеологий с христианскими ересями. Коммунизму соответствует чистый вариант гностицизма: Бога Творца заменяет естественная история человечества, а Бога Спасителя — волевая деятельность партии; нацизм же опирался на неоязычество, обогащенное эзотеризмом и оккультизмом. Особо Безансон рассматривает различные богословские интерпретации самого страшного преступления нацизма — массового уничтожения евреев, утверждая, что «вопрос об уникальности Катастрофы не может найти решения полного и общепринятого». ■

Алексей Михеев

НАТАЛЬЯ РАЗИНА

РЕСТАВРАЦИЯ

Петрушка

Мариинский театр. Санкт-Петербург

Продолжая реставраторскую линию, Мариинский театр после крупномасштабной реконструкции «Спящей красавицы» XIX века обратился к камерному балету Михаила Фокина «Петрушка», отметив этой работой 120-летие балетмейстера и 80-летие спектакля. Не теша себя надеждой воскресить знаменитую постановку «Дягилевских сезонов» 1911 года, хореограф-постановщик Сергей Вихарев, художник реконструкции Вячеслав Окунев и художник по костюмам Татьяна Ногинова воспроизвели сценическую редакцию фокинского балета, сделанную Леонидом Леонтьевым, одним из первых исполнителей заглавной партии, который в 1920 году перенес «Петрушку» на петербургскую сцену.

Красочный «Петрушка» производит сегодня впечатление яркой книжки-картинки в четырех сценах, театральная природа которой важнее танцевальной. Поэтому Максим Хребтов (танцовщик, чье имя стало известным после успеха недавней премьеры «Манон», где он исполнил драматическую роль второго плана) оказался в главной роли этого спектакля намного интереснее исполнителя ведущих классических партий Андриана Фадеева. ■

Варвара Вязовкина

МОДНОЕ ИМЯ

Клоп

Режиссер Юрий Бутусов
Театр имени Ленсовета
Санкт-Петербург

ЮДИФ ВИНАРСКАЯ

Лауреат «Золотой маски» и «Золотого софита» режиссер Юрий Бутусов обречен на пристальное внимание публики к его театральным сочинениям. После «Калигулы» Камю Бутусов твердо намеревался ставить «Идиота». Но ближе к концу сезона выяснилось, что планы его резко изменились, и вместо «Идиота» нам будет показан «Клоп». Маяковский вместо Достоевского — выбор парадоксальный лишь на первый взгляд: режиссер продолжает строго следовать своим излюбленным эстетическим принципам, из любой драматургии делая материал для клоунады, балагана, эксцентриады.

«Клоп» — не исключение. Однако именно этот спектакль продемонстрировал некоторую исчерпанность стиля. «Клоп» Бутусова — коротенькое «музыкально-танцевальное» представление, в котором от текста оставлены только самые ударные реплики, логика действия подменена его стремительностью, путаница во времени необыкновенная (стоит убедиться, что время действия постановщику безразлично, как вдруг оно особенно акцентируется), события пьесы — повод для типично студенческих этюдов, более или менее подходящих по смыслу. Приемы используются старые, заимствованные из учебной мастерской: игра с огромным полотнищем (белое покрывало заполняет всю сцену, персонажи под ним несколько раз исполняют весьма длинную танцевальную сюиту на музыку Свиридова); игра с роялем, одиноко стоящим на пустой сцене, который «превращается» то в свадебный стол, то в средство передвижения, то в трибуну, то в лабораторный стол — персонажи играют старую клоунаду «Операция»; игра с «воображаемым клопом», игра с сигаретой...

«Клоп» стал поводом для оттачивания пластического мастерства, для бессмысленно-пламенной декламации, для механической веселости молодых актеров во главе с Константином Хабенским, облаченных в прозодежду «вузовцев» (они же — рабочие, они же — гости на свадьбе, они же — люди будущего и т.д.). Присыпкин, которому — для контраста — все-таки пошили выразительный костюмчик с двумя галстуками и «маяковской» кепкой. Человеческих черт он от этого не приобрел, поскольку Михаил Пореченков начисто лишил своего героя какой бы то ни было индивидуальности, не говоря уже о драматизме, и весь спектакль старательно играл любимца публики, «того самого» известного артиста, который исполнил роль агента национальной безопасности.

Тем не менее Бутусову несомненно удалось сделать абсолютную пустоту своего спектакля весьма динамичной, и это, да еще, пожалуй, продолжительность спектакля (час двадцать), обеспечивает публике возможность легко пережить ленсоветовского «Клопа» в концертном исполнении». ■

Лилия Шитенбург

ПРЕМЬЕРЫ

Спящая красавица

Театр оперы и балета
Самара

Самарский театр оперы и балета известен как один из крупнейших в России центров оперного искусства, где есть певцы с уникальными голосами, где проводится единственный в России фестиваль басов и где Мстислав Ростропович поставил нашумевшего «Ивана Грозного». Самарский балет не желает оставаться в тени оперы. Пару лет назад театр пригласил на должность главного балетмейстера знаменитого петербургского танцовщика и хореографа Никиту Долгушина, знатока классического наследия. Он подправил мизансцены разболтавшихся «дежурных» спектаклей, поставил редко идущие на наших сценах старинные балеты: «Эсмеральду» в хореографии Жюля Перро и фокинский «Павильон Армиды».

Воодушевленная успехом этих работ труппа решила, что теперь она сможет исполнить один из самых сложных классических балетов — «Спящую красавицу». Долгушин не стал остужать пыл артистов, но вместо четырехактного спектакля сделал посильную для них двухактную композицию. Он включил в нее самые популярные соло и ансамбли в хореографии Мариуса Петипа. А массовые сцены, на которые у театра не хватило бы артистов, даже если бы к работе привлекли хор, Долгушин заменил краткими пантомимными эпизодами. ■

А.М.

«Успех Вашего дела — это правильно спланированная рекламная кампания», — считает Дина Шульговская, менеджер рубрики «Справочник делового человека». Позвоните и обсудите с ней наиболее экономичный способ его достижения.

Телефоны отдела рекламы:
(095) 753-4145,
753-4146,
753-1112,
753-1111,
факс: 753-4148.

Scrabble

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
A										
B					Л$_2$	А$_1$	Г$_3$			
C					А$_1$		И$_1$			
D		Л$_2$		Я$_3$	З$_5$	Ы$_5$	К$_2$			
E	В$_2$	А$_1$	К$_2$	Х$_5$						
F		С$_2$		Т$_2$			Н$_1$			
G		К$_2$	В$_2$	А$_1$	С$_2$		И$_1$		Д$_2$	
H	Д$_2$	А$_1$	Н$_1$		П$_2$	Я$_3$	Т$_2$	Н$_1$	О$_1$	
I			У$_3$	Г$_3$	О$_1$	Л$_2$	Ь$_5$		М$_2$	
J			К$_2$		Р$_2$					

Б$_3$ Г$_3$ К$_2$

Л$_2$ О$_1$ Р$_2$ Ш$_{10}$

НАБРАТЬ НЕ МЕНЕЕ 155 ОЧКОВ

- ОЧКИ ЗА СЛОВО, ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЭТУ КЛЕТКУ, УТРАИВАЮТСЯ
- ОЧКИ ЗА СЛОВО, ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЭТУ КЛЕТКУ, УДВАИВАЮТСЯ
- ЦЕНА БУКВЫ, ПОПАВШЕЙ НА ЭТУ КЛЕТКУ, УТРАИВАЕТСЯ
- ЦЕНА БУКВЫ, ПОПАВШЕЙ НА ЭТУ КЛЕТКУ, УДВАИВАЕТСЯ

Решение задачи, помещенной в №20

h8↓ БАКЛАН (11+6 за слово из шести букв =17 очков)
i3↓ РУБИН (10*2=20 очков)
i4↓ УКУС (10 очков)
j2→ ЛУКА (8 очков)
l2→ СИСТОЛА (12+7 за слово из семи букв =19 очков)
Премия за использование всех букв 20 очков

Итого: 94 очка

Решение задачи, помещенной в №20

Естественно предположить, что числительные 16 и 17 составлены из двух частей: 6 или 7 и 10.
В «7» знак … встречается два раза, в «17» единственный звук, встречающийся несколько раз, — 'a'. Можно поставить знак равенства между 'a' и …. В «6» 'š' встречается два раза, в «16» (кроме …='a') также два раза встречается знак …. Значит 'š'=….
Тогда для числа 16 можно частично установить соответствие между латинскими буквами и знаками авестийского языка.

a - a - š a - š -

Единственная возможность заполнить пропуски так, чтобы в прямом или обратном написании сохранялась xšvaš («6») и какая-то (десятичная) часть от слова haptadasa («17») такая: asadšavšx.
Таким образом, получаем, что в письменности числительные записываются справа налево и «10» — dasa. Соответственно «7» — hapta и 't'=…. Отсюда «18» в латинской транскрипции будет aštadasa и в письменности — ….

Преферанс

Решение задачи, помещенной в №20

Посадить играющего

Заказ 6♠	Вист1	Вист2 Ход
♠Т,Д,В,8	К,9	10,7
♦К,Д,10	Т,В,7	9,8
♣Т,Д	В,10,9	К,8,7
♥К,(8,7)	В,9	Т,Д,10

Прорезав бубну:
1)♦8, К, Т; 2)♥9, Т, К;
3)♦9, Д, 7;
4)♠Т, 9, 7; 5)♦10, В, ♠10, вистующие истратят оба червовых отхода и неизбежно наиграют трефу. Не проходит и прорезка козыря:
1)♠7, Т, 9; 2)♥К, 9, Т;
3)♦8, К, Т;
4)♠К, 10, 8; 5)♥В, Д, ♠В — играющий, сыграв дважды в бубну, остается при своих.
Правильный ход: 1)♦8, К, 7 — теперь как бы ни действовал играющий, он берет только пять взяток.

Страница Дмитрия Генина

Итоги

Еженедельный журнал № 21 (207), 23 мая 2000 года
Интернет-версия по адресу: www.itogi.ru
Генеральный директор Дмитрий Бирюков
Главный редактор Сергей Пархоменко (E-mail sparhom@7days.ru)
Заместители главного редактора Маша Липман (E-mail mlipman@7days.ru), Дмитрий Сабов
Арт-директор Аркадий Троянкер
Консультант (Newsweek) Рон Джавер
Секретариат Андрей Жарский **(ответственный секретарь)**, Владимир Орлов **(зам. ответственного секретаря)**, Ирина Спиридонова, Ирина Фрейдлин **(выпускающие редакторы)**
Отдел дизайна Виталий Колбасюк **(зав. отделом)**, Алексей Афанасьев, Лидия Левина, Федор Радлов, Екатерина Родионова, Наталия Столярова
Фотослужба (E-mail foto@7days.ru) Галина Величко **(директор)**, Ирина Ирхина, Василий Максимов, Мария Олендская, Алиса Петрова, Олег Сендюрев
Отдел политики («В России») Сергей Авдеенко **(зав. отделом)**, Александр Гольц, Галина Ковальская, Дмитрий Пинскер, Александр Рыклин, Никита Соколов **(редактор)**, Дмитрий Хитаров, Александр Щербаков **(редактор)**
Отдел международной жизни («Вокруг России») Сергей Строкань **(зав. отделом)**, Леонид Велехов, Екатерина Лазарева **(редактор)**, Евгений Пахомов
Отдел экономики («Дело») Наталья Калинниченко **(зав. отделом)**, Ирина Андреева, Ирина Розенберг, Светлана Солодовник **(редактор)**
Отдел общества («Общество») Елена Каменская **(зав. отделом)**, Татьяна Аскери **(редактор)**, Елена Груева, Борис Жуков, Ирина Карасева **(редактор)**, Борис Старцев
Отдел спорта («Спорт») Илья Кукин **(зав. отделом)**
Отдел искусства («Искусство», «Художественный дневник») Дина Годер **(зав. отделом)**, Юрий Гладильщиков, Марина Голубовская **(редактор)**, Лев Рубинштейн, Ярослав Седов, Ольга Солнцева **(редактор)**
Служба интернет-версии Егор Быковский **(исполнительный редактор)**, Дмитрий Генин, Наталья Косарева
Координатор группы репортажей Маша Гессен
Переводы с английского Александр Богдановский
Служба проверки Лидия Верина, Татьяна Воронина
Корректура Наталья Александрова, Белла Бург, Елена Волгинская, Ирина Комарова, Лия Кройтман, Александра Прижникова
Бухгалтерия Оксана Журавлева, Людмила Корчагина, Светлана Родионова
Референты Ирина Костылева, Анна Поцелуева, Елена Репина, Елена Черкасова, Мария Уварова
Водители Александр Жафяров, Александр Лосев
Автор дизайн-проекта Аркадий Троянкер
Отдельные редакционные материалы публикуются на основании лицензии, выданной **Newsweek, Inc.**
Постоянный представитель в редакции Newsweek Екатерина Корсунская
Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а
E-mail itogi@7days.ru, телефон (095) 753 3304
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ
Регистрационное удостоверение № 014592 от 14.03.96
Гигиенический сертификат № 77.99.6.953.П.9384.3.00 от 06.03.2000 г.
ISSN 1027-3964 Подписной индекс 75587
Учредитель и Издатель ЗАО «Издательство «Семь дней» (www.7days.ru)
Исполнительный директор Артур Селицкий
Финансовый директор Сергей Крупенков
Управляющий делами ЗАО «Издательство «Семь дней» Мария Дмитриева
Служба рекламы ЗАО «Издательство «Семь дней»: Нана Цобехия **(директор)**, Ирина Менабде **(зам. директора)**, Татьяна Абакумова, Нина Акопян, Ольга Василевская, Светлана Долгих **(старший менеджер)**, Елена Логинова, Екатерина Кузнецова, Ирина Лопкова, Дина Шульговская, Инна Зайцева **(старший координатор по рекламе)**, телефоны (095) 753 4145, 753 4146, факс 753 4148
Служба развития производства ЗАО «Издательство «Семь дней»: Игорь Свирин **(директор)**, телефон (095) 753 4143
Служба маркетинга ЗАО «Издательство «Семь дней»: Елена Каюкина **(директор)**, Татьяна Голубева, телефон (095) 195 9236
Служба распространения ЗАО «Издательство «Семь дней» Александр Магатаев **(директор)**, телефон/факс (095) 753 4104
Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется: АО «Международная книга», тел. (095) 238 4967, факс (095) 238 4634; **фирмой East View Publications**, тел. в США (612) 550 0961, факс (612) 559 2931
Верстка, цветоделение и компьютерное обеспечение — компьютерный центр ЗАО «Издательство «Семь дней»: Василий Черный **(директор)**, Олег Детинин, Роман Балашов, Лев Галустов, Андрей Борщевский **(технолог)**, Татьяна Захарова, Наталья Галанина, Саша Милоградова, Александр Мелешкин, Алексей Волчегорский, Владимир Скок, Владимир Остапцев, Максим Семенов, Валерий Чик, Артем Юркевич, Андрей Юнощев
Номер подписан в печать 19 мая 2000 года
Отпечатано в объединении **Alprint** (Финляндия). Тираж 85 000 экз.
Цена свободная

Bosco Ciliegi
ARTICOLI
ПЕТРОВКА, 10 - ПЕТРОВСКИЙ ПАССАЖ; КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, 3 - ГУМ; МАНЕЖНАЯ ПЛ., 1 - ОХОТНЫЙ РЯД